

1949

ВОКРУГ ЦЕЛОГО СВЕТА

№ 1
Январь

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ

КАРТА

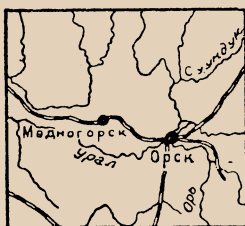
КРЫМ-КРАЙ СУБТРОПИКОВ

До последнего времени Крым не знал субтропических культур, представляющих особенную ценность для человека. Мандарины, лимон, апельсин, инжир в Крыму не выращивались. По инициативе товарища Сталина с осени 1948 года началось планомерное преобразование растительности Крыма. В районе Ялты, в Никитском ботаническом саду и в ряде совхозов, произведена посадка цитрусовых культур, чайной розы, а также эвкалипта. Цитрусовые и эвкалипты будут высаживаться не только на южном берегу, но постепенно начнут заселять и степную часть полуострова. Так благодатный климат Крыма будет использоваться для создания здесь новых, достойных советской эпохи садов и лесов.

В НОВОМ ОРСКЕ

На месте голой степи, рядом со старинным городком, возникшим около 200 лет назад, за годы советской власти вырос Новый Орск. Асфальтированная магистраль, трамвайная линия, многочисленные предприятия, клубы, городской театр — таков облик сегодняшнего Орска. В краю, где советские ученые с каждым годом открывают все новые тайники природных богатств, жители Орска по справедливости гордятся своим Южно-Уральским никелевым комбинатом, уже почти десять лет дающим для всей страны ценный металл.

ПАМЯТНИК РЕВОЛЮЦИИ

25 октября 1917 года корабль революции — легендарный крейсер «Аврора» — громом своих пушек возвестил начало новой эры — эры Великой социалистической революции. По решению командования Военно-Морского Флота и исполкома Ленинградского городского совета крейсер «Аврора» как памятник революции установлен на вечную стоянку. Отныне корабль становится учебной базой для будущих офицеров Военно-Морского Флота. Помещения крейсера приспособлены для учебных занятий воспитанников Ленинградского нахимовского училища.

ПРОБЛЕМЫ КУЗБАССА

Кузнецкий бассейн — сокровищница огромных природных богатств. В новой пятилетке в районе Кузбасса продолжается рост угольной, железнорудной, коксохимической промышленности, значительное развитие получает черная и цветная металлургия, производство сельскохозяйственных удобрений, искусственного волокна, пластмасс и др. В области расширяется транспорт, растут города, намечается дальнейший подъем сельского хозяйства. На карте кривой штриховой обозначен угольный район Кузбасса.

ИТОГИ «НЕДЕЛИ САДА»

Осенью прошлого года во всех союзных и автономных республиках, краях и областях широко проводилась «неделя сада». Более 30 тысяч гектаров новых садов и ягодников было заложено в колхозах и совхозах, в МТС и при школах, на приусадебных участках колхозников, рабочих и служащих. Только на приусадебных участках в Российской Федерации было высажено свыше 1 миллиона яблонь, груш, слив, произведены посадки смородины, малины, крыжовника. Активными участниками «недели сада» повсюду были комсомольцы.

ЛЕДНИК ГРУММ-ГРЖИМАЙЛО

В 1887 году замечательными русскими путешественниками, исследователями Памира, братьями Грумм-Гржимайло была произведена подробная съемка долины Танымаса и ее истоков.

Русскими исследователями в бассейне реки Танымас был открыт ряд ледников.

В августе 1948 года Указом Президиума Верховного Совета Таджикской ССР, на территории которой находится группа Танымасских ледников, по ходатайству Всесоюзного географического общества один из ледников переименован в ледник Г. Е. Грумм-Гржимайло.

1949

ВОКРУГ СВЕТА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

Журнал основан в 1861 году

№ 1
Январь

Памятник В. И. Ленину в городе Ульяновске.

ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ

21 января 1949 года исполняется 25 лет со дня смерти Владимира Ильича Ленина, нашего великого вождя и учителя, основателя большевистской партии и советского государства.

Вся жизнь и деятельность товарища Ленина неразрывно связана с героическими делами партии большевиков. Под его гениальным руководством одержала победу Великая Октябрьская социалистическая революция в СССР. С именем Ленина связано создание и укрепление советского государства, создание и осуществление великого плана построения социализма в нашей стране.

Еще в те далекие годы, когда создавалась партия большевиков, жизнь и деятельность Ленина и Сталина тесно слились в борьбе за дело революции. Под руководством наших великих вождей Ленина и Сталина советский народ создал первое в мире социалистическое государство — Союз Советских Социалистических Республик, — основанное на братской дружбе народов. Под знаменем Ленина, под водительством Сталина наш народ грудью защитил свою социалистическую родину в трудные годы Великой Отечественной войны. Вдохновляемый бессмертными идеями Ленина — Сталина, советский народ с каждым днем умножает ныне свои успехи в деле строительства коммунизма. С каждым днем растет авторитет Советского Союза как оплота демократического и антиимпериалистического лагеря, противостоящего лагерю империализма и агрессии. «Под великим знаменем Ленина — Сталина наш народ идет вперед, с удовлетворением оглядываясь на пройденные годы героической борьбы и славных побед, полный уверенности в будущем» (Молотов).

* * *

Величайший гений всех времен и народов, Ленин был подлинным корифеем науки. Он был вооружен всем богатством знаний, накопленных человечеством. Бесстрашно ломая старые и стжившие взгляды, Ленин возвел марксизм на новую, высшую ступень. Учение Ленина — ленинизм — указывает трудящимся во всем мире путь к преобразованию общества на началах социализма.

Владимир Ильич Ленин горячо любил родину. Крепко верил он в русский народ. В 1918 году, едва выведя молодую Советскую республику из империалистической бойни, Ленин уже поставил перед народом,

перед партией великую задачу: «...добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной»¹. А ведь революция в это время победила еще не во всей стране, ведь предстояла еще жестокая борьба с силами внутренней контрреволюции, далеко не сломленной! С мудрой прозорливостью Ленин писал в те трудные дни: «У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь»².

Величайшей силой, которая должна была помочь советской власти создать новую — «могучую и обильную» — Русь, Ленин считал науку. Будучи сам великим ученым и философом, Ленин живо ощущал, какую помощь делу преобразования России может оказать наука, и умел мастерски ставить перед учеными те задачи, разрешение которых имело бы непосредственный практический результат.

В 1918 году Ленин написал свой знаменитый «Набросок плана научно-технических работ». Это всего лишь одна страничка, но сколько в ней глубины и прозорливости! Владимир Ильич дает указание Академии наук:

«образовать ряд комиссий из специалистов для возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России.

В этот план должно входить:

рациональное размещение промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта...

Наибольшее обеспечение теперешней Российской Советской Республике... возможности самостоятельно снабдить себя всеми главнейшими видами сырья и промышленности.

Обращение особого внимания на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию. Использование непервоклассных сортов топлива (торф, уголь худших сортов) для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевоз горючего.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXII, стр. 376, изд. 3-е.

² Там же.

Водные силы и ветряные двигатели вообще и в применении к земледелию¹.

Какая огромная программа и для ученых и для всей страны заключена была в этих немногих словах! Вспомним географию промышленности царской России: половина всей промышленной мощности была сосредоточена в «центре» и Петербурге, четверть — на Украине (главным образом в Донбассе) и на Урале, но эти районы давали лишь сырье и полуфабрикаты. Немногие карликовые электростанции работали только на дорогом донецком угле или нефти, на это же первосортное топливо, которое надо было везти тысячи километров, опиралась и вся немногочисленная промышленность, а на Урале домы по старинке плавил чугуна на древесном угле, для выжигания его уральские полурабочие-полукрестьяне сводили на сотни километров кругом вековые леса. Энергия воды не использовалась почти вовсе, ветер двигал лишь крестьянские мельницы... Прибавьте к этой картине хищнического хозяйства, основанного на противоречивых интересах «центра» и полуколониальных окраин, разорение и разруху: залитые водой шахты, остановившиеся заводы, почти выведенные из строя железные дороги.

Глубоко изучив экономику страны, Ленин с гениальной силой предвидения поставил перед учеными задачи, жизненно важные для молодой Советской республики: рациональное размещение промышленности, электрификация промышленности и транспорта, использование гидроресурсов...

Этот ленинский план, на ряд лет определивший направление работ передовых советских ученых, стал вместе с тем программой создания новой географии страны.

* * *

Шел 1920 год. Позади было три года борьбы за свободу и независимость нашей родины, героической борьбы советского народа против четырнадцати империалистических держав, против российской буржуазии и белогвардейцев. Молодая Советская республика победила, но, казалось, жизнь еле теплится в ней. Поезда с драгоценным грузом — они везли восьмьюшку хлеба рабочим! — едва ползли среди заносов и метелей. Керосиновые копилки чуть мигали в необъятных снежных просторах России.

В декабре в Кремле собрался VIII Всероссийский съезд Советов. На трибуне стоял Ленин. Он говорил: «Вы услышите доклад Государственной комиссии по электрификации... На мой взгляд, это — наша вторая программа партии... Мы, говоря о восстановлении земледелия, промышленности и транспорта, об их гармоническом соединении, не можем не говорить о широком хозяйственном плане... Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно². Каждому делегату съезда был вручен «План электрификации РСФСР», состоявший из общей сводной части — программы работ примерно на десять лет — и из работ по перспективам развития восьми важнейших крупных районов. В разработке этого, по выражению Ленина,

«обширного — и превосходного — научного труда» принял участие 180 специалистов. Съезд одобрил план электрификации — первый план перестройки географии нашей страны, разработанный коммунистами и патриотами-учеными под руководством Ленина. Товарищ Сталин в письме к Ленину тогда так охарактеризовал этот план: «Мастерский набросок действительно *единого* и действительно *государственного* хозяйственного плана *без ковычек*. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую надстройку хозяйственно-отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технически-производственной базы¹.

Ленин не только руководил составлением плана электрификации, в котором получило свое отражение все, что было известно в то время о природных богатствах и ресурсах России, но и требовал гибкого и неуклонного его осуществления. Он указывал, что «необходимо особо связать научный план электрификации с текущими практическими планами и их действительным осуществлением». Ленин требовал: «научиться работать систематично, используя свой же опыт, свою же практику».

* * *

25 лет тому назад не стало Ленина. Четверть века наша страна под руководством великого Сталина идет по ленинскому пути. Сталин — достойный продолжатель дела Ленина. В Сталине народы СССР видят воплощение своего героизма и в битвах и в труде, своей любви к родине, своего патриотизма.

Новые районы родились на карте СССР за годы сталинских пятилеток, в том числе и там, где раньше на «необъятнейших пространствах» царили «патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость». Родились Кузбасс и промышленное Заполярье, Турксиб и Магнитогорск, «Второе Баку» — новый неиссякаемый источник нефти и неизвестного раньше России газа — и индустриальный Дальний Восток. Казахстан и Урал раскрыли свои недра. Новые каналы

¹ Цит. по книге «Ленин Владимир Ильич. Краткий очерк жизни и деятельности». Госполитиздат, 1944 г., стр. 215.

«В. И. Ленин и И. В. Сталин за разработкой плана ГОЭЛРО». Репродукция с картины Д. А. Налбандяна.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXII, стр. 434, изд. 3-е.

² В. И. Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 45, 46, 47, изд. 3-е.

связали моря и реки. К концу послевоенной сталинской пятилетки мощность наших электростанций вырастет в 13 раз по сравнению с планом ГОЭЛРО!

Когда-то постройка скромной Волховской гидроэлектростанции казалась огромной задачей; сейчас наша страна, уже покрыв свои просторы десятками электростанций, во много раз превзошедшими этот первенец электрификации, одновременно строит и Камскую ГЭС, и Севанский каскад, и Фархадскую ГЭС, и Мингечаур, и Иртышскую гидроэлектростанцию, и новую станцию на Волге... Гигантами гидроэлектростроительства, продолжающими переделку географии страны, нам рисуются уже такие станции, как Ангарская, далеко оставляющая позади величайший триумф прошлых пятилеток — ДнепрогЭС. В 1919 году Ленин говорил: «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию» (т.е. за коммунизм)»¹.

Сейчас на полях Советского Союза работает много раз по сто тысяч тракторов. А в 1950 году, согласно Закону о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства, наши заводы будут выпускать 112 тысяч тракторов ежегодно. Сотни тысяч комбайнов, в том числе самоходных, сеялок, молотилок и других сложных и высокопроизводительных машин поднимают техническую базу сельского хозяйства, облегчают труд колхозников, повышают производительность их труда. Новые люди выросли в преобразившейся советской деревне — среди них тысячи Героев Социалистического Труда, десятки тысяч колхозников и колхозниц награждены орденами и медалями.

На наших глазах перестраивается сама география сельского хозяйства. Стерта черта, выделявшая раньше на карте «непроизводительные» районы, которым не хватало своего хлеба. Посевы продвинулись далеко на север; по личным указаниям товарища Сталина выросли новые районы субтропических культур, обеспечивающие нас чаем, цитрусовыми и другими плодами, считавшимися раньше «заморскими». Родились украинский хлопок, сибирские яблоки, заполярные овощи.

Нельзя перечислить всех тех изменений в облике нашей страны, которые за четверть века из мечты стали явью. Иной стала и наша советская наука, самая передовая в мире. Опираясь на всепобеждающее учение Ленина—Сталина, на труды великого преобразователя природы И. В. Мичурина, основоположника материалистического направления в биологии, советские ученые во главе с академиком Т. Д. Лысен-

ко камня на камне не оставили от реакционных лжеучений менделизма-морганизма. Открылась широкая дорога перед прогрессивной мичуринской наукой, несущей неисчислимую пользу нашей родине. Сотни научно-исследовательских институтов, десятки тысяч специалистов трудятся по единому плану над важнейшими научными и техническими проблемами переделки страны. Научное творчество стало неотделимым от практики, от задач строительства коммунизма. План объединяет ежегодные программы сотен экспедиций по плану выводятся новые сорта растений, отвоёвываются у природы все новые богатства.

Тема «новой географии» стала в нашей стране одной из самых любимых. Писатели и художники, актеры и композиторы взволнованно стремятся подметить новые черты быстро меняющегося облика нашей родины, за которым с гордостью следит вся страна. Миллионы подростков еще на школьной скамье мечтают влиться в ряды преобразователей географии нашего отечества — стать или селекционерами-мичуринцами, или пытливыми геологами, раскрывающими новые богатства недр, или дерзкими строителями, взмывающими реки, прокладывая стальные рельсы на далеких окраинах.

Сознание все возрастающей власти человека над природой входит сейчас как неотъемлемая часть в мировоззрение ленинизма, с которым новые поколения вступают в коммунизм.

Раскроем сегодняшнюю газету, включим репродуктор радиоприемника. Мы узнаем о новых работах по созданию лесов там, где раньше была сухая степь. Мы прочтем о пуске нового завода, или домны, или шахты, или о возникновении целого города — новой точки на карте нашей страны, появившейся здесь по плану послевоенной сталинской пятилетки. Мы прочтем о новых трудовых достижениях, о новом рекорде производительности, о каком-нибудь новом замечательном штрихе в отношении людей к своему труду, который стал у нас делом чести, славы, доблести, геройства.

Нет предела могуществу советского человека, руководимого партией большевиков, вдохновляемого всепобеждающим учением Ленина—Сталина. У Ленина, у Сталина учится советская молодежь служению родине. В рядах ленинско-сталинского комсомола растут сегодня будущие преобразователи природы, герои труда, смелые защитники родины, надежные продолжатели дела коммунизма.

Наше время — время Ленина и Сталина, время, когда народы Советского Союза, руководимые партией большевиков, идут впереди всего прогрессивного человечества, указывая ему путь к вершинам коммунизма.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 170, изд. 3-е.

В. И. Ленин просматривает фильм о гидроторфе. Репродуция с картины Д. А. Налбандяна.

НА РОДИНЕ ЛЕНИНА

В. В. ПОКШИШЕВСКИЙ

Гравюры на дереве В. Федяевской

ГОРОД НА ДВУХ РЕКАХ

Привычны и дороги каждому русскому человеку пейзажи по берегам Волги и в ее верхнем и среднем течении. Нивы — зеленые весной, желтые летом и перед осенью — разбросаны по пологим просторным холмам вперемежку с березовыми и осиновыми перелесками, сосновыми рощами. В рамке этих лесов и полей, на фоне сочной зелени рельефно выделяются бревенчатые избы деревень. Вверху — голубое небо с бегущими облаками, которые делают освещение мягким и придают всему пейзажу пластичную глубину.

Правый берег Волги в среднем течении крут. Здесь, громоздясь к самому берегу, к Волге прижимаются холмы Приволжской возвышенности, прорезываемые се-стренкой Волги — рекой Свиягой. Свияга стремится к Волге, но никак не может найти дорогу, не может пробиться сквозь цепь холмов, как бы валом ограждающих великую русскую реку с запада. Целых четырех километров Свияга вьется вдоль Волги, но только в противоположную сторону. И только у городка Свияжска, близ Казани, она находит, наконец, щелочку и впадает в Волгу.

Свияга — спокойная русская река, и струится она среди задумчивых русских пейзажей. За тысячи лет она размыла, расширила и как бы раздвинула свою долину, сама создала для себя простор. Местами к Свияге подступают леса и дубравы, местами она заросла камышом и тальником, и извилистая полоска воды кажется узким каналом в зеленой чаще. Часто к берегу выходит и веселый зеленый лужок, на котором важно разгуливают гуси из соседней деревни.

Вот и сама деревенька — неременная принадлежность русского пейзажа. Просторным «порядком» стоят избы. С высокого, но пологого склона эти добротные, но побуревшие от времени срубы с тесовыми крышами и нехитрой резьбой на окнах и крыльце кажутся кучкой крохотных игрушечных домиков, сложенных

из щепок. На бережке приветливой реки — мостки, на которых, звонко перекликаясь, хозяйки полощут белье. Знакомая, но всегда милая картина! Вот и новое проступает в этих старых, родных чертах. Длинные постройки центральной усадьбы колхоза — коллективные амбары, конюшни, склады инвентаря. Вот немного в стороне — молочная ферма, новая школа, ясли, клуб. Мельница — их всегда было много на Свияге — переделана в колхозную гидростанцию.

Там, где Свияга совсем близко подходит к Волге, отделяясь от нее только двухкилометровой «перемычкой», стоит город Ульяновск, родина Ленина. Город выходит на обе реки сразу. На востоке широкий фронт домов венчает гребень крутого берега, обрывающегося к Волге; на западе «задние» улицы города полого спускаются в живописную долину Свияги.

Оттого ли, что Ульяновск сравнительно невелик и в нем много зелени, оттого ли, что он выходит на две реки и стоит пройти несколько кварталов, чтобы открылась далекая перспектива, с особенной силой ощущаешь здесь окружающую природу. Среднерусский пейзаж. Неповторимый, всегда родной и любимый! Как неотъемлемую часть родины чувствуем мы эти нивы, эти березовые перелески, ширь и размах Волги.

И не выходит из головы волнующая мысль, что на эти картины родной русской природы часто смотрел и любил их всей душой Ленин. Корни его детства уходят в этот край, здесь он родился и вырос.

ПО ЛЕНИНСКИМ МЕСТАМ

Большой белый пароход, сверкающий стеклами кают и салонов, подходит к Ульяновской пристани. Веселая стайка сталинградских пионеров нетерпеливо толпится на палубе, разумеется, у того борта, с которого должен открыться вид на город. Сейчас они увидят роди-

В. И. Ленин в 1887 году.

ну Ильича! Но с парохода виден только крутой, кое-где тронутый оползнями столетидесятиметровый зеленый откос, над которым видны лишь памятник Ленину, поставленный на Венце, исстари метко названной народом высшей точке берега, да некоторые отдельные здания.

Тысячи людей, прибывающих впервые в Ульяновск, с нетерпением стремятся увидеть ленинские места. На вокзале можно встретить человека, нередко с тяжелым чемоданом в руках, торопливо расспрашивающего: не может ли он пройти на пристань, где ему надо пересечь на пароход, непременно той улицей, где стоит ленинский домик, чтобы увидеть его хотя бы снаружи.

Экскурсии прибывают в Ульяновск со всех концов Союза. На каждом пароходе, причаливающем к Ульяновской пристани, пассажиры высчитывают продолжительность стоянки и расспрашивают у местных жителей, успеют ли они побывать в ленинском домике.

Вот перекинута на плывучий дебаркадер чалка, с петель толщиной в человеческую руку. Мягко проскрипев бортом, пароход привалил. Скинуты сходни. Скорее на берег!

Кратчайший путь к центру города ведет по бесконечной деревянной лестнице. В ней больше семисот ступеней! С каждой площадки, на которой все останавливаются, чтобы передохнуть, открывается все более и более широкий вид на Волгу и левобережье. В глубине Заволжья до самого горизонта тянутся синие и темнозеленые леса. Ближе сквозь бархатную зелень леса и лугов кое-где просвечивают красноватые глинистые обнажения склона левого берега. За широкой лентой идет пойма: кудрявится ивняковый кустарник, строем вытянулись большие старые ветлы, подчеркивая линию берега. На самой реке в

кайме песчаных отмелей лежат острова, покрытые зеленью всех оттенков.

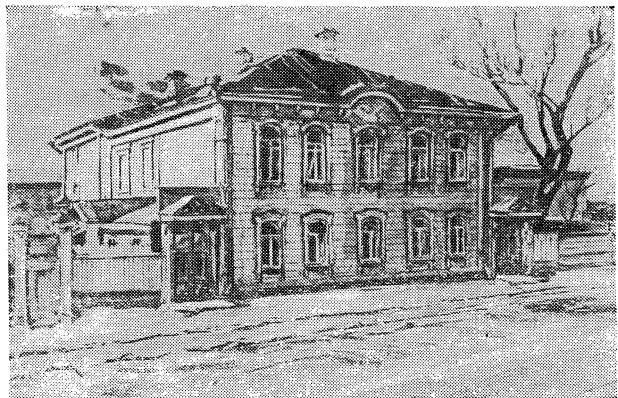
Вот и Венец. Отсюда вид еще шире. Железнодорожный мост, пересекающий Волгу справа от нас, кажется макетом, по которому бегут игрушечные поезда. Увидев вблизи памятник Ленину и поразившись его размерами, снова наглядно ощущаешь высоту откоса: ведь с реки этот монумент, высотой в сорок с половиной метров, кажущийся громадным даже на окружающей его просторной площади, лишь немногим выделялся среди других строений на гребне города.

От Венца расходятся в разные стороны уютные улицы города. Входишь в них, и на каждом шагу воображение рисует Ленина-мальчика, Ленина-юношу, ходившего у этих домов, по этим камням, в тени, быть может, еще этих деревьев.

Здание бывшего Дворянского собрания. В одном крыле его две комнаты когда-то занимала Карамзинская библиотека, читателем которой был гимназист Ульянов. Эта библиотека была одним из немногих культурных учреждений города; ею гордилась создавшая ее передовая симбирская интеллигенция. Сейчас все здание отведено под Дворец книги. Рядом — здание Первой мужской средней школы, когда-то гимназии. На нем доска: «Здесь учился Владимир Ильич Ульянов-Ленин (1879—1887)».

Деревянный одноэтажный домик с мезонином под № 58 по улице Ленина, идущей к Свяиге, на первый взгляд ничем не отличается от соседних. Простой коричневый фасад с белыми наличниками; такие же старые тенистые деревья, как и вдоль всей улицы, растут перед ним. Только подойдя ближе, заметишь, что стены, двери и оконные рамы выкрашены не простой, а масляной краской. Заботливо выметен тротуар. Прохожие невольно замедляют шаги. В этом домике прошли детство и юность основателя советского государства.

Когда в 1928 году было решено для увековечения памяти Ленина создать здесь музей, была поставлена задача — придать домику во всех деталях такой вид, какой он имел в детские и юношеские годы Владимира Ильича. Большую помощь в этом оказали члены семьи Ульяновых. Дмитрий Ильич Ульянов, брат Владимира Ильича, составил план расположения всех комнат. Сестры Ленина — Мария Ильинична и Анна Ильинична — передали для домика-музея много книг, личных вещей и предметов обстановки, сохранившихся с тех времен. Работам по воссозданию того вида домика, какой он имел в 70—80-х годах прошлого века, помогли и многие старые ульяновцы. В результате долгой и любовной работы задача была полностью решена. Открытый в 1929 году домик-музей действительно сохраняет во всех подробностях обстановку жизни той замечательной русской семьи, которая дала нам Ильича.

Дом в Симбирске, в котором жила семья Ульяновых в 1870—1875 годах. С картины художника П. Добрынина.

Светлая галлерейка ведет во внутренние комнаты. Сперва большая, просто убранная гостиная. Бросается в глаза большой рояль: в семье Ульяновых очень любили музыку. Затем кабинет Ильи Николаевича, отца Владимира Ильича. На большом письменном столе и за стеклом книжных полок видны сочинения то педагогике, книги любимых русских классиков, журналы — «Отечественные записки», «Вестник Европы». На стене большая карта губернии. Географических карт в доме Ульяновых вообще много: карты либо полушарий, либо России, либо Европы висят почти в каждой комнате. На столе рукописи отчетов инспектора народных училищ, записка об учительском съезде. Большим тружеником на ниве просвещения был Илья Николаевич Ульянов. Когда он в 1869 году занял свой пост инспектора народных училищ в Симбирской губернии, здесь было всего 89 начальных народных школ, а через 16 лет их стало 450. Это было результатом работы Ильи Николаевича.

«Идейность Ильи Николаевича, — вспоминала позже о своем отце сестра Ленина Мария Ильинична, — проявлялась и в том круге знакомых, которых он имел, с которыми поддерживал более близкие отношения... В нашем доме из знакомых отца бывали главным образом его сослуживцы — инспекторы народных училищ, заведующий чувашской школой И. Я. Яковлев, много сделавший для развития образования среди чувашей, преподаватели средних и низших учебных заведений».

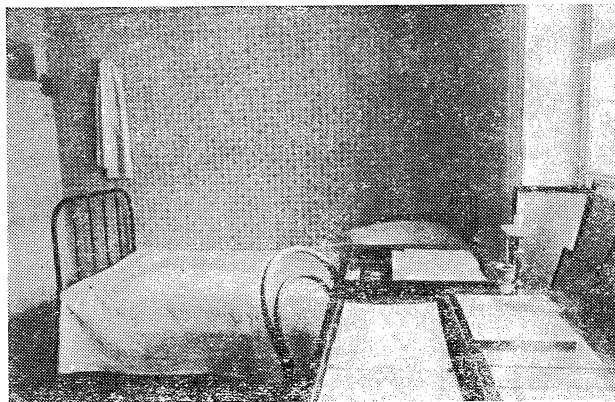
Яковлев, о котором говорит М. И. Ульянова, — замечательный культурный деятель Поволжья, чуваш, отдавший всю жизнь делу просвещения своих соплеменников, для которых он создал и письменность. Будучи гимназистом, Володя Ульянов, по просьбе Яковлева, большого друга его отца, за полтора года подготовил к экзамену за среднюю школу молодого чуваша Огородникова, преподававшего в чувашской школе математику и стремившегося попасть в университет.

За гостиной — столовая, просто убранная, с цветами у окон. Здесь за широким, почти квадратным столом к обеду и чаю сходилась вся дружная большая семья Ульяновых. На уголке стола стоят шахматы.

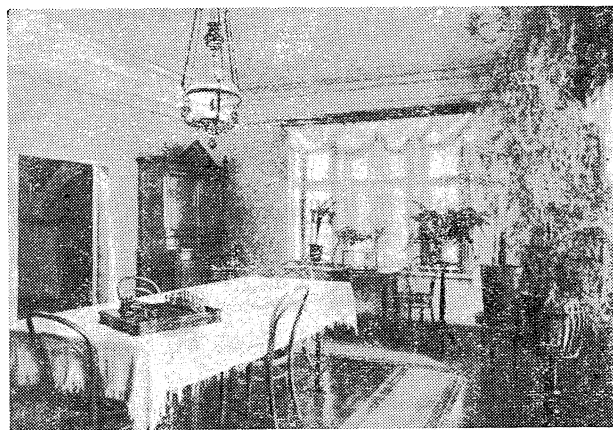
Внизу расположены также спальня матери Владимира Ильича и комната няни, прожившей всю жизнь в семье Ульяновых и ставшей как бы членом этой семьи.

Комнаты детей расположены наверху, туда ведет деревянная лестница из прихожей. Здесь также полностью восстановлена, как и внизу, простая рабочая обстановка юношеских лет Ленина. В комнате старшего брата Александра — студенческие книги по естественным наукам, по политической экономии. На столе «Капитал» Маркса. В шкафчике химические приборы.

Комната Владимира Ильича чуть поменьше. Железная кровать с простым белым одеялом, деревянный

Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске. Комната, в которой В. И. Ленин жил в школьные годы.

Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске. Столовая в доме Ульяновых.

стол, два стула. На полочке и на столе гимназические учебники, книги любимых писателей: Пушкина, Некрасова, Салтыкова-Щедрина и др. На стене — большая карта полушарий. Здесь выставлены таблицы с отметками (всегда отличными), ученические работы, аттестат зрелости.

В заботливой чистоте содержится сейчас домик; но это не создает никакого ощущения искусственной музейности: не оттого ли, что такой же чистой, такой же ясной и упорядоченной была всегда жизнь семьи Ульяновых?

Этот домик, который с таким благоговением постоянно посещают тысячи советских людей, должен простоять века. Вот почему образующий его сруб был перед открытием музея целиком разобран — все бревно было пропитано специальным составом, противостоящим гниению. В каждой комнате, где-нибудь в незаметном углу, бесшумно работают приборы-самписцы, отмечающие влажность и температуру: воздух во всех помещениях должен быть таким, какой наиболее способствует сохранению всех вещей. На случай, если бы на улице вспыхнул пожар, домик защищен специально выстроенными по бокам кирпичными стенами, оборудованными спринклерами — автоматическими брандспойтами.

Медленно всматриваясь в каждую мелочь, проходят по комнатам посетители: все дорого здесь им. И может быть, не меньше самих ленинских реликвий волнуют их толстые книги записей, оставленных тут тысячами людей всех возрастов и профессий: пионерами и учеными, колхозниками и актрисами, рабочими и офицерами Советской Армии. Великое единство нашего народа, горячую преданность советской

Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске. Общий вид дома со двора.

Здание Ульяновского сельскохозяйственного института.

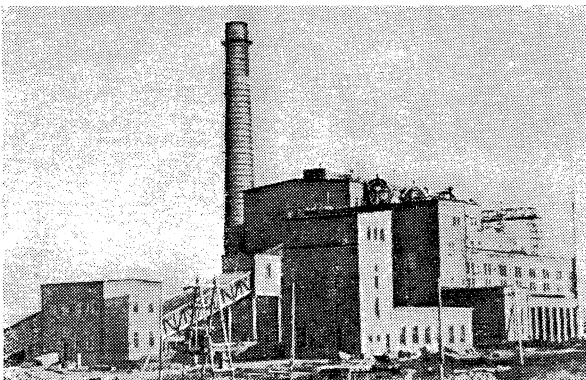
родине, партии Ленина—Сталина чувствуешь в этих записях!

Из домика можно выйти во двор и пройти в сад. Ему тоже заботливо придан тот вид, какой он имел более полувека назад. Скромные, но уютно-теннисные аллеи, летняя кухня в отдельном строении, простая беседка. Из воспоминаний о Ленине мы знаем, что Володя Ульянов любил заниматься в этом саду. Вся семья была очень привязана к саду: и старшие и младшие члены ее часто и охотно возились тут, ухаживали за клумбочками и деревьями. Летом Ульяновы проводили здесь всегда много времени.

В Ульяновске сохранилось еще несколько зданий, в которых жила (непродолжительное время) семья Ульяновых. Они любовно отмечены мемориальными досками. Флигель в доме № 19 по улице Ульянова, в котором родился Ленин, не уцелел.

ОТ СТАРОГО СИМБИРСКА К НОВОМУ УЛЬЯНОВСКУ

Ровно три века стоит Ульяновск — в 1948 году была отмечена 300-летняя годовщина основания на этом месте боярином и окольным чим Богданом Хитрово городка и крепости Симбирск. Город был заложен как военный форпост русской колонизации Поволжья — от Симбирска начиналась «Симбирская засечная черта», прикрывавшая пашенные земли правобережья от набегов кочевников. Деревянные стены Симбирского острога, стоявшего тогда на Венце, видели широко разлившееся море народного восстания Степана Разина. В битве под этими стенами Степан был тяжело ранен. В годы пугачевщины под защиту городских стен и гарнизона сбегались испуганные народным восстанием дворяне всего Симбирского наместничества, по которому гулял «крестьянский царь» — «Пугач».

Строительство Ульяновского автомобильного завода. Общий вид ТЭЦ.

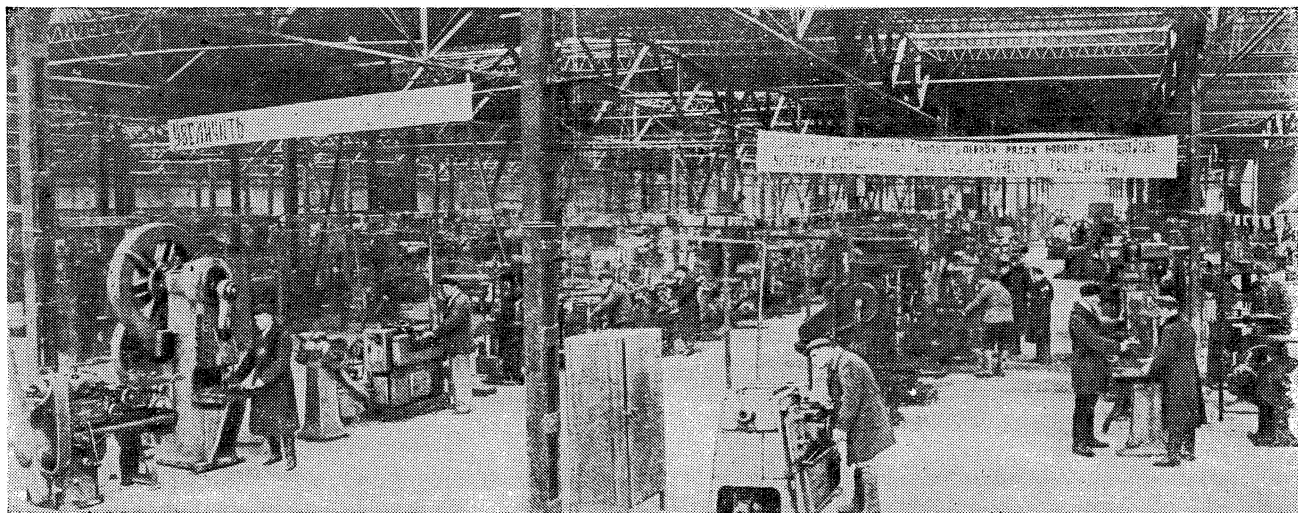
Всего за столетие колонизации Россией этого края помещики-крепостники сумели создать для крестьянства на этих еще недавно привольных землях невыносимый гнет. И вот разгневанный народ грозил виселицей тем из них, кто не убежал от него во время. Симбирск видел и Пугачева в оковах; дом, где его содержали по дороге в Москву, на казнь, отмечен сейчас мемориальной доской.

В XIX веке Симбирская губерния превратилась в своего рода «дворянский заповедник». Это был край барщинного, очень отсталого хозяйства. Сам Симбирск стал типичным глухим дворянским провинциальным городом. На зиму сюда съезжались из своих имений помещики, а постоянное население составляли чиновники «присутственных мест», мещане да купцы из Гостиного двора. Впрочем, торговля в городке шла вяло; промышленность же в нем почти вовсе отсутствовала. Хотя с Симбирском и были связаны имена некоторых талантливых культурных деятелей дворянской эпохи (историка Карамзина, братьев Тургеневых, из которых Николай был выдающимся декабристом, а Александр памятен нам как близкий друг Пушкина, поэтов Языкова и Минаева, замечательного певца русской природы Аксакова), город оставался царством «обломовщины». Недаром еще один выдающийся уроженец Симбирска, писатель Гончаров, так описывал его в своих воспоминаниях: «По приезде домой после окончания университетского курса меня обдало той же обломовщиной, которую я наблюдал в детстве. Сама наружность родного города не представляла ничего другого, кроме картины сна и застоя: те же большей частью деревянные, посеревшие от времени дома и домишки с мезонинами, с садиками, бесконечные заборы, те же деревянные тротуары с недостающими досками, те же пустота и безлюдье... Вся улица слышит, когда за версту едет телега или ступает сапогами прохожий. Так и хочется заснуть самому, глядя на это затишье, на сонные окна с опущенными шторами и жалюзиами, на сонные физиономии сидящих по домам».

УЛЬЯНОВСК СОВЕТСКИЙ

В современном Ульяновске мы не узнали бы старого Симбирска. Мимо дома, где родился Гончаров и из окон которого он наблюдал сонное царство, стремится поток людей, здесь, на главной — Гончаровской — улице, сосредоточены магазины, учреждения, кино. Советские магазины бойко торгуют и в старом Гостином дворе, где когда-то стриженные в скобку купцы в поддевках низко кланялись барыне — бабушке из «Обрыва», приезжавшей сюда за блондами и лентами для Веры и Марфиньки. По асфальту бегут машины и автобусы. На новых бульварах и в цветниках памятник красноармейцам, отбившим в 1918 году город от белогвардейцев, знакомые скульптуры: пионер с горном или девушка-физкультурница. Новые большие дома и целые ансамбли их то тут, то там как бы прорастают сквозь старую мелкую застройку. Вот на улице Льва Толстого выросло три расположенных «покоем» громадных белых дома; обрамленное ими пространство превращено в цветник — по площади это целый сквер. Вот за Волгой раскинулся целый, тоже новый, рабочий поселок — новые дома и заводские корпуса заняли первый план панорамы Заволжья.

На старом Венце стоит большой четырехэтажный корпус студенческого общежития. Прекрасный Свердловский парк разбит на крутом склоне к Волге. Прихотливо извиваясь, уходят вниз, в гущу зелени, тенистые аллеи; террасами, словно громадными ступенями, спускаются цветники, танцевальная площадка, музыкальная эстрада, летнее кино. В Ульяновске любят зеленеть, — эта традиция идет от старого Симбирска, всегда славившегося садами, — и бережно культивируют ее. В парке всегда много молодежи, студентов. Ведь неподалеку многолюдный Сельскохозяйственный институт, важнейший вуз города. Он занимает великолепное здание, выходящее фасадом на Волгу. В Ульяновске сейчас три высших учебных заведения, а до революции не было ни одного.

На строительстве Ульяновского автомобильного завода. Монтаж оборудования в цехе шасси.

Но чтобы лучше всего почувствовать новый Ульяновск и все преобразования, принесенные ему сталинской эпохой, надо пройти за Свяигу. Неузнаваемы стали окрестности бывшей слободы Конной, превращающейся сейчас в крупный промышленный район города. Здесь воздвигаются корпуса автомобильного завода, который скоро будет самым крупным предприятием города.

Многие цехи уже работают. С конвейера завода уже сходят новенькие серо-зеленые полутоннажные грузовики, такие же, как в Горьком. Недостающие детали пока получают с Горьковского автозавода, но к концу пятилетки завод будет полностью закончен, и каждая гайка на выпускаемых им автомашинах будет производиться здесь. Выстроенная для нужд завода большая ТЭЦ еще с декабря 1946 года стала давать ток, включившись в городское кольцо. Правильными рядами протянулись дома новых рабочих кварталов; аккумуляторные коттеджи подходят к заводу с другой стороны. По вечерам яркими огнями залит новый район за живописными берегами Свяиги, по которым когда-то любил гулять мальчик Володя Ульянов.

Автомобильный завод—только одно из многих предприятий Ульяновска. Здесь работает несколько крупных машиностроительных заводов, выпускающих электромоторы, станки, малолитражные двигатели. Созданы прядильно-чулочная и швейная фабрики и много других предприятий. Ульяновск как промышленный центр не может быть даже сравнен с дореволюционным Симбирском: валовая продукция его промышленности выросла более чем в четыреста раз.

Современный Ульяновск—не только крупный промышленный центр, но и важный транспортный узел. В годы Отечественной войны благодаря постройке сквозной правобережной магистрали Свяжск—Сталинград Ульяновск стал узлом четырех железнодорожных направлений. Новая магистраль связала Ульяновск с Сызранью, Саратовом, Сталинградом. Соединенные теперь не только Волгой, но и прямым рельсовым путем (а следовательно, круглый год), города эти легче могут кооперировать работу своих заводов (что особенно важно для развившегося в них машиностроения).

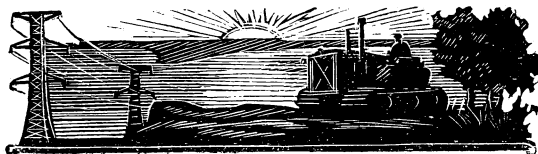
Значительно выросло население Ульяновска. Уже к 1939 году оно перевалило за сто тысяч, увеличившись по сравнению с 1910 годом больше чем вдвое. С тех пор рост города продолжался, особенно в связи с возникновением нескольких крупных предприятий и железнодорожным строительством. В одних высших учебных заведениях и техникумах сейчас учится более пяти тысяч студентов. С 1943 года Ульяновск стал областным центром вновь образованной Ульяновской области.

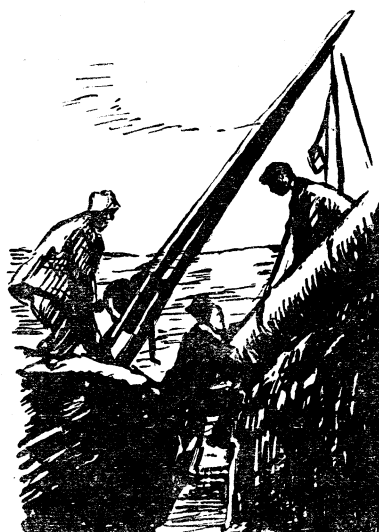
Сейчас значительно ускорились и работы по благоустройству города. В 1947 году был перестроен и расширен водопровод. Широко ведутся работы по дальнейшему озеленению. Новая ТЭЦ заметно улучшила обеспечение города энергией. Поднят вопрос о проведении трамвая, в котором ульяновцы уже сильно нуждаются, ведь город очень разросся.

Этот новейший расцвет советского Ульяновска отражает генеральный план его реконструкции, который уже утвержден Советом Министров. План предусматривает рост городской территории почти в два раза. Ряд старых улиц будет перепланирован, овраги, прорезывающие город в средней части, благоустроены, будут проведены противооползневые работы на волжском берегу. Через Свяигу перекинута новые мосты: существующий старый деревянный мост, своим крутым изгибом напоминающий мосты древней Москвы, уже недостаточен для связи с автозаводским районом. У пристаней намечается устройство фуникулера.

В сталинскую эпоху город Ульяновск получает облик, достойный человека, чье имя он носит.

Ульяновск дорог каждому советскому человеку как родина создателя партии, основателя нашего государства. Ульяновцы горды памятью о своем великом земляке, свято чтут и бережно охраняют все ленинские места, которыми так богат их город. Но сейчас Ульяновск славен не только памятью о прошлом, но и своими сегодняшними делами. Кипучей работой, творческим трудом, делающим его каждый день все краше, отвечает Ульяновск советскому народу, оказавшему ему честь носить имя вождя.

В НОВОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РУМЫНИИ

ВАДИМ КОЖЕВНИКОВ

Каждая победа трудящихся в странах народной демократии—политическая, хозяйственная, культурная—радует советский народ и является новым свидетельством того, что кровь, пролитая нашими воинами в борьбе за освобождение этих стран, была пролита не даром.

Каждая такая победа наращивает силы в лагере социализма, укрепляет дело мира, наносит чувствительный удар империалистам.

Исторический опыт Советского Союза в деле строительства социализма, великое учение Ленина—Сталина служат незыблемой опорой трудящимся народно-демократических стран в их созидательной деятельности.

Высокое сознание пролетарского интернационализма, свойственное советскому народу,—источник той помощи, которую оказывал и оказывает Советский Союз странам народной демократии.

Я поехал в Румынию в составе советской делегации по приглашению АРЛЮС — Общества румыно-советской дружбы, самой массовой организации в стране, насчитывающей более полутора миллионов членов.

В Румынию мы попали накануне нашего большого праздника—XXXI годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. И уже во время поездки из Ясс до Бухареста, пересекая страну, проезжая мимо десятков городов и сотен селений, мы могли судить о том всенародном политическом подъеме, о той любви румынского трудящегося народа к нашей стране, которая утвердилась сейчас в народно-демократической республике Румынии.

В деревнях мы увидели много интересных фактов, характеризующих отношение румынского крестьянина к нашей стране.

Остановившись для отдыха в небольшом селе, мы решили прогуляться по его заросшей акацией извилистой улочке. Когда мы вышли на сельскую площадь, глазам нашим представилось следующее зрелище. Ярко раскрашенный фургон на высоких колесах стоял посередине площади, тесно заполненной людьми. На козлах, как на трибуне, лектор, пожилой шахтер из Петрилы, в руках у него камышовая палочка. Он водит ею по карте, изображающей Европейскую часть СССР, и говорит: «Приятели и приятельницы, смотрите сюда и понимайте. Вот это буду-

щий лес, миллионы миллионов деревьев. Видите, я прикладываю к карте листок бумаги, как мало места он занимает! Этот листок — наша Румыния. Я снова прикладываю его, глядите, вникайте. Если вот такой кусочек леса перенести в нашу страну, он пересек бы ее от границы до границы. Вот теперь понимаете, что затеяли сделать советские люди? Плодородию их полей тысячи лет мешала засуха. Сейчас они решили за 10—15 лет переделать всю эту огромную землю в гигантский сад, который даст их земле новое, великое плодородие. Они меняют климат, заставляют природу служить социализму. Тридцать один год тому назад советские люди взяли за сотворение нового мира. В прошлое воскресенье я говорил вам, как они этого добились. Сейчас я говорю вам о новом плане сотворения великого сада плодородия на советской земле...»

В напряженной тишине румынские крестьяне слушают лектора, приехавшего из уезда по их просьбе, хотя до этого примарь и школьный учитель уже проводили беседы на эту тему у такой же карты, только самодельной. После того как докладчик кончил свое выступление, ему задают много вопросов:

— Показывал друг Вышинский эту карту на конференции или нет?

— Правильно ли понимать, что советские люди после войны еще сильнее стали, раз они после войны решили и природу победить?

— У кого попросить разрешение помочь советским людям великий лес сажать?

Потом мы часто встречали в румынских селах таких лекторов с их передвижными клубами на колесах.

В Бухаресте мне пришлось побывать раньше, во время войны. Город тогда был сильно разрушен американской авиацией.

Сейчас румынский народ не только восстановил все разрушения, но и построил много новых зданий. Город был празднично украшен румынскими и советскими флагами.

Во всех кинотеатрах шли советские фильмы. В лучших зданиях Бухареста были организованы выставки, посвященные достижениям Советского Союза. На площадях города выступали симфонические оркестры, лучшие актеры оперного театра, самодеятельные ансамбли и исполняли произведения советских авторов,

Подножья памятников советским воинам утопали в цветах.

В эти знаменательные дни АРЛЮС проводил Неделю румыно-советской дружбы. Это был поистине все-народный праздник. Более 12 тысяч организаций АРЛЮС развернули в стране огромную деятельность по пропаганде культурных, экономических и научных достижений СССР. Мы были свидетелями того, с какой любовью, с какой жадностью румынские трудящиеся стремились получить представление о нашей стране, изучить ее опыт в разных областях жизни, чтобы использовать его в своей практической деятельности. В течение одного только прошлого года культурно-просветительными мероприятиями АРЛЮС было охвачено свыше 16 миллионов человек. При обществе имеются курсы лекторов, инструкторов, сотни секций для изучения русского языка.

Для глубокого изучения науки, культуры и искусства Советского Союза АРЛЮС организовал румыно-советский институт научных исследований и педагогический институт русского языка и литературы имени Максима Горького. Буквально нет такого уголка в Румынии, где бы не имелись кружки АРЛЮС.

Румыния стала сейчас на путь огромных исторических, политических и экономических преобразований. Перед румынским народом стоят огромные трудности, так как чем успешнее румынская республика осуществляет эти преобразования, тем сильнее растет сопротивление классового врага. Поэтому румынский народ понимает, что для того, чтобы успешнее осуществлять свои преобразования, успешнее побеждать своих политических, классовых врагов, чтобы избежать в этой борьбе крупных ошибок, он должен ис-

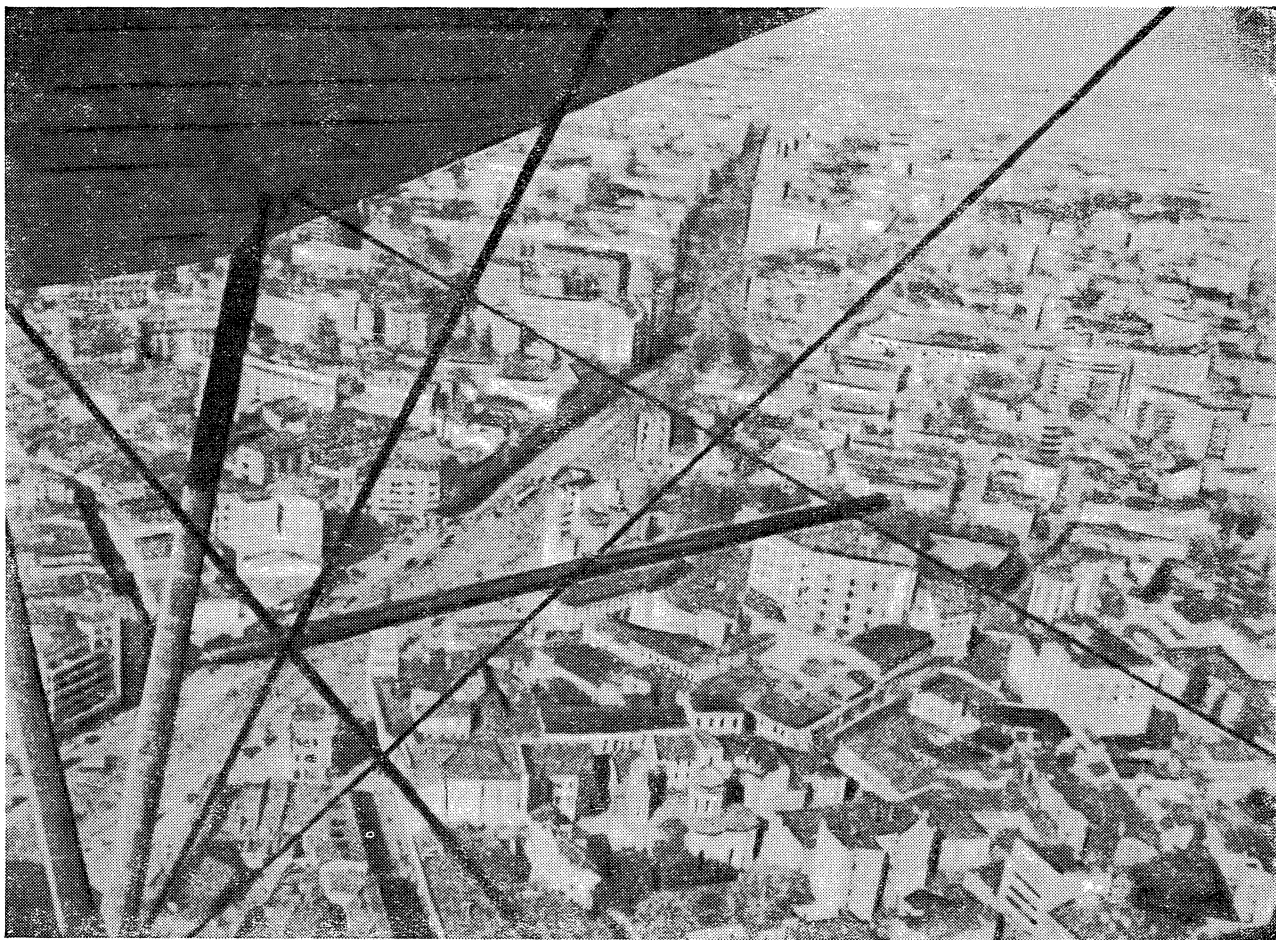
кать в историческом опыте Советского Союза, советского народа, те точки опоры, которые помогут ему с успехом решить все задачи.

* * *

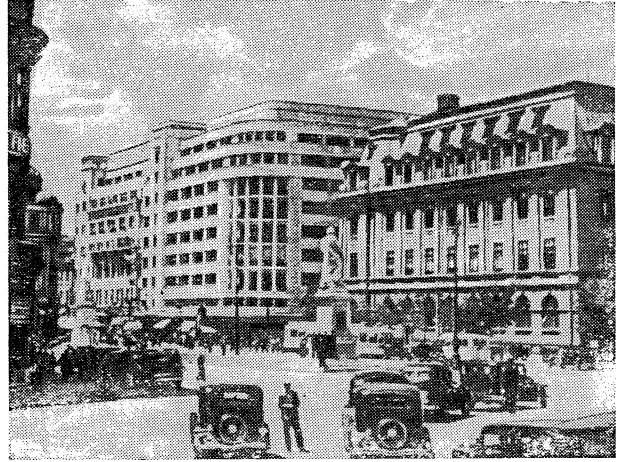
11 июня 1948 года Великое национальное собрание единогласно утвердило закон о национализации всех крупных промышленных и банковых предприятий. Эта дата является началом создания крупного социалистического индустриального сектора в экономике Румынии.

Этим актом румынский народ нанес сокрушительный удар враждебным капиталистическим элементам не только в своей собственной стране, он пришелся и по иностранным капиталистам, тесно связанным в своей деятельности с румынскими.

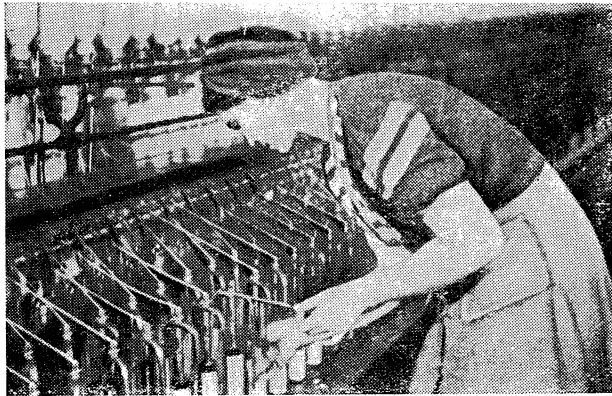
Румыния всегда была колонией для крупных империалистических держав. Румынские капиталисты, по существу, выполняли в своей собственной стране функции агентов иностранных капиталистов и были заинтересованы в закабалении Румынии империалистами, что укрепляло их положение. И чем ниже был жизненный уровень трудящихся Румынии, тем выше были прибыли. Недаром американские империалисты называли румынский народ «неграми Европы», так как системы самой жесточайшей, изощренной эксплуатации, применяемые в Африке и Румынии, были одни и те же. Румынский народ вымирал от истощения. Детская смертность, ужасающие социальные болезни превратились в бич румынского народа. Для того чтобы полнее осуществлять свое экономическое и политическое господство, империалисты при помощи румынской буржуазии пытались уничтожить нацио-

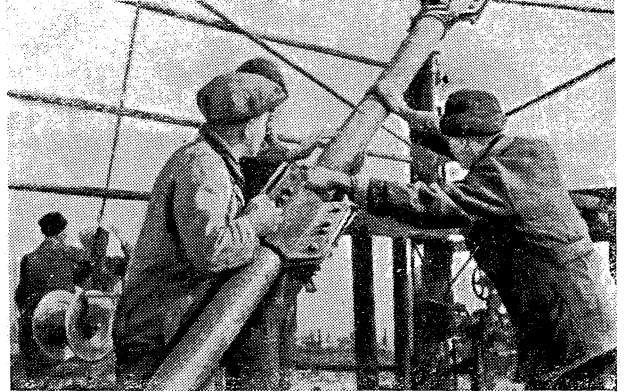
Бухарест с самолета.

Столица Румынии — Бухарест.

В сегодняшней Румынии. Прядильница.

На стройке.

нальную культуру, убить любовь к ней в душе румынского народа. И значительная часть румынской интеллигенции, поработанная этим империалистическим духом, занималась уничтожением собственной, самобытной и исторически сложившейся национальной культуры, выработывая взамен ее ядовитую рабскую идеологию, проникнутую растленным духом космополитизма. Это было не чем иным, как духовной диверсией по отношению к собственному народу, к собственной родине.

Американские и английские капиталисты уже до войны захватили почти все господствующие экономические плацдармы в промышленности Румынии. Почти все нефтяные источники Румынии находились в руках англо-американцев. Мы были в Плоешти, в нефтяном центре Румынии, и познакомились здесь с мародерской деятельностью англо-американских нефтепромышленников. Во время войны они не только сотрудничали с немцами, но и увеличили промышленный потенциал для того, чтобы максимально обеспечить гитлеровскую армию горючим. Во время войны с помощью гестаповских отрядов англо-американские директора ввели на приисках режим и методы, заимствованные у гитлеровских концентрационных лагерей. Тысячи румынских рабочих были выданы англо-американскими директорами немецкому гестапо на уничтожение только за то, что эти рабочие отказывались подвергаться той системе варварской эксплуатации, которая была применена здесь в военное время. Англо-американские капиталисты отлично уживались с гитлеровцами, гитлеровцы — с англо-амери-

канцами. За годы немецкого господства доходы нефтяных компаний необычайно выросли, и англо-американцы в Плоешти и его районах на эти кровавые доходы выстроили сотни роскошных вилл.

В августе 1944 года я пришел вместе с войсками Советской Армии в Плоешти. И хотя немцы заблаговременно удрали из этого города и мы вошли в него почти без всякого сопротивления, мы увидели перед собой развалины. Рабочие кварталы, нефтеперегонные заводы были разрушены: перед самым приходом советских войск англо-американская авиация по наущению Уолл-стрита провела жесточайшую бомбардировку рабочих районов и промышленных объектов Плоешти.

Зачем они это сделали? Это знали не только мы, знали и румынские рабочие. И они сказали нам: «Когда наши англо-американские директора-инженеры узнали о приближении Советской Армии, они приказали нам бросить работу. Но мы не бросили ее, потому что советским танкам нужна нефть для того, чтобы продолжать преследование врага, и мы работали. Тогда англо-американцы сказали, что нам будет плохо. И нам действительно было плохо, когда прилетели их самолеты, разбомбили здесь все и зажгли то горючее, которое мы изготовили для советских танков».

Эту же враждебную политику по отношению к Советскому Союзу, по отношению к освобожденному румынскому народу англо-американские капиталисты продолжали вести и после освобождения Румынии. Акционерные нефтяные компании стали проводить на

нефтепромыслах саботаж и вредительство, чтобы снизить добычу нефти, лишить промышленность Румынии и транспорт необходимого горючего и смазочных веществ. С помощью своих ученых англо-американцы пытались даже «научно» обосновать это вредительское снижение уровня промышленности, стараясь доказать, что нефть иссякла в Румынии. Они выводили из строя оборудование, прекратили всякое бурение, ни одной копейки не вкладывали больше в свои предприятия. Но вместе с тем они требовали от румынского правительства кредитов и, получая их, попросту присваивали. Часть этих средств они использовали на поддержку заговорщических организаций.

Кроме того, англо-американцы организовали и широкую систему хищения румынской нефти. Для этого они применили наклонные бурение. С помощью наклонных скважин они высасывали нефть из тех участков, которые являлись собственностью румынского государства. Для технической организации этого бандинизма в Плоешти прибыла группа английских и американских инженеров, привезших сюда чертежи 26 воровских вышек, с помощью которых они совершали этот грабеж. Но мало того, что они воровали нефть, — они разработали также систему вредительства, заключающуюся в том, что (с помощью тех же наклонных скважин) они выпускали нефтеносные газы из тех участков, которые принадлежали румынскому государству. Вследствие этого нефть не могла выходить на поверхность.

Так англо-американцы пытались нанести бандитский удар экономике Румынии, чтобы обессилить румынский народ, чтобы создать экономический хаос в стране и восстановить власть помещиков и капиталистов, с помощью которых они могли снова утвердить

здесь свое экономическое и политическое владычество. Англо-американские империалисты развернули свою заговорщическую и диверсионную деятельность в Румынии после 23 августа 1944 года, то есть когда Советская Армия уже освободила страну.

Англо-американцы направили румынские реакционные партии на путь террора, создав целый ряд подпольно-шпионских организаций. Во время нашего пребывания в Румынии мы посещали заседания суда, на котором разбиралось дело новой заговорщической организации, руководимой англо-американскими империалистами. Эта заговорщическая организация, состоявшая исключительно из представителей румынской буржуазии и военных преступников, являвшаяся изолированной от народа кучкой врагов его, действовала по наущению англо-американских агентов и выполняла их прямые инструкции.

Бухарестский процесс агентов англо-американской разведки, шпионов, вредителей и террористов воочию показал всему румынскому народу, к каким злодейским методам прибегают некоторые империалистические державы, пытаясь остановить успешное развитие стран народной демократии, направляя и руководя заговорщической деятельностью остатков помещичье-буржуазной верхушки и фашистских легионеров. Процесс показал одновременно крепость и единство румынского трудящегося народа, так как заговорщики, руководимые англо-американскими агентами, не смогли завербовать в свои ряды ни одного представителя трудящихся классов, а опирались в своей деятельности исключительно на буржуазно-помещичью верхушку.

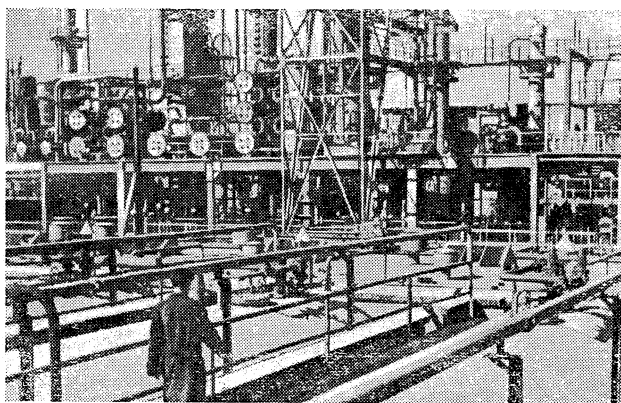
Мы были свидетелями того, как румынский народ на многотысячных митингах трудящихся выражал

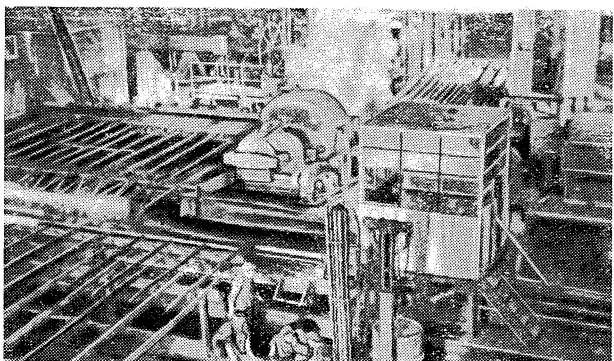
Румынский пейзаж.

Молодые рабочие.

Плоешти. Нефтеперегонный завод.

На металлзаводе.

свое негодование, возмущение, ненависть к англо-американским империалистам, пытающимся обессилить румынский народ, повернуть его вспять, ввергнуть страну в нищету и разорение.

Мы были свидетелями того, как героически и самоотверженно румынский рабочий класс и трудовое крестьянство под руководством рабочей партии восполняют сейчас тот ущерб, который нанесли англо-американские диверсанты экономике страны, как они, воодушевленные передовыми идеями, строят свое народное государство, идущее в своем развитии к социализму.

* * *

После того как румынский народ национализировал предприятия, принадлежавшие и местной буржуазии и англо-американским капиталистам, экономика Румынии усилиями рабочего класса сделала резкий и небывалый скачок в своем развитии. Мы были на заводах Решицы, где особенно свирепствовали вредители и диверсанты. Уже сейчас на этом заводе рабочие не только залечивали раны, нанесенные вредителями, но и подняли уровень производства выше 1938 года. И в лучшие времена в Решице работали только две из шести доменных печей, сейчас рабочие восстановили и пустили в ход все шесть печей Решицы. Это был патриотический труд, в котором принимали участие рабочие разных специальностей и различных предприятий. Последнюю доменную печь они назвали «Викторией», то есть Победой. И подобных побед было немало одержано в эти дни вдохновленным идеями строительства социализма рабочим классом Румынии, создающим у себя в стране социалистический сектор промышленности.

Так, на бывшем военном заводе в городе Брашове румынские рабочие по своей инициативе и вопреки сопротивлению реакционной группы наладили и пустили в ход производство тракторов. Недавно ими был выпущен тысячный трактор. Это не только экономическая, но и политическая, крупная политическая победа, потому что благодаря тракторам можно будет оказать серьезную помощь делу кооперирования хозяйств трудящихся крестьян, в результате аграрной реформы получивших землю, но не могущих еще ее правильно обрабатывать. Если до сих пор они не могли добиться высоких урожаев вследствие отсутствия техники, на основе которой могли бы объединиться в крепкие сельскохозяйственные трудовые коллективы, теперь им в этом должны были помочь тракторы.

Закон о национализации предприятий отвечал самым глубоким чаяниям румынского народа. Мы были в Трансильвании, на рудниках Баице, и вот что рассказали нам рудокопы. В 1946 году владельцы рудников уволили всех рабочих для того, чтобы нанести удар экономике страны. Шахтеры были вынуждены, чтобы не умереть с голоду, пойти батраками в соседние деревни. Брошенные рабочими рудники должны были разрушиться, подпочвенная вода должна была затопить их. Шахтеры знали об этом и, чтобы спасти для народа его будущую собственность, они по ночам спускались в шахты, крепили их, откачивали воду, и так в течение двух лет, из ночи в ночь. Когда вышел закон о национализации предприятий, рудокопы Баице в первую же неделю выработали неслыханное количество руды и продолжают по сегодняшний день, применяя методы социалистического соревнования, увеличивать свои производственные нормы.

* * *

После того как предприятия стали собственностью народа, изменилось и отношение к труду рабочих. Перед рабочим классом Румынии стала огромная задача — увеличить производительность труда, создать такие формы его организации, которые максимально содействовали бы выполнению этой задачи. И в этом деле огромную помощь румынскому народу, румынской партии оказывают организации АРЛЮС,

пропагандируя и внедряя передовой опыт советского социалистического производства наших стахановцев.

Так, с помощью кружка АРЛЮС инженер Бойко изучил формы и методы стахановского движения в Донбассе и применил их в шахтах Петрилы. И бригада шахтера Попул Новика, которой руководил Бойко, добилась превышения нормы на 190 процентов. Но реакционеры начали вражескую кампанию против передового рабочего и передового инженера. Тогда Бойко обратился в местную партийную организацию за поддержкой. С помощью партийной организации ему удалось широко внедрить методы советских стахановцев, и шахтер, член рабочей партии, Попул Людовик добился превышения своей нормы на 1032 процента, став начинателем массового движения.

Вот что сказал инженер Бойко одному инженеру, который травил его и его семью за то, что он стал пропагандистом стахановского труда:

«Мы меня травили гадко, омерзительно, называли плагиатором за то, что я говорил о самой высокой в мире технической культуре, которой достигла угольная промышленность Советского Союза. Вы обещали когда-нибудь прибить мне на лоб гвоздем мою членскую книжку АРЛЮС. Иногда мне было очень тяжело. Чтобы не быть одиноким и слабым перед вами, я вступил в партию. Я хочу быть с той техникой, которая преображает людей, великую сущность которой открыл самый великий ученый на земле — Сталин. А вы мне напоминаете дикаря в цилиндре, вы — мой враг, враг великой культуры. Я ненавижу вас».

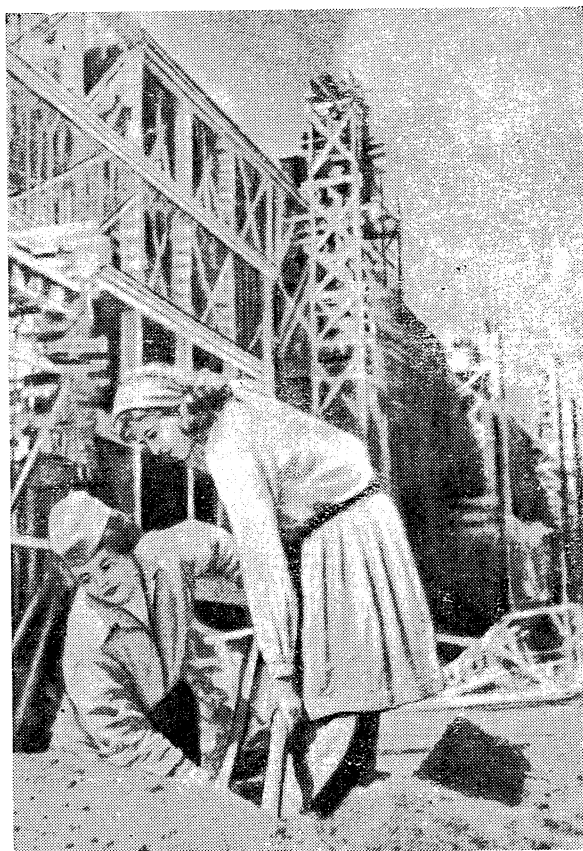
Переход предприятий в руки рабочего класса, естественно, вызвал огромный патриотический подъем у всех трудящихся. Соревнование стало выражением этого подъема. И в АРЛЮС обращаются тысячи партийных, профсоюзных работников с требованием дать материалы о формах и методах учета организации соревнования в Советском Союзе.

В ознаменование годовщины Великой Октябрьской социалистической революции шахтеры Петрилы вызвали на соревнование шахтеров Анина, обняв себя увеличить производительность труда на 25 процентов и снизить расход сжатого воздуха и взрывчатки. И оба коллектива горняков потребовали от своих отделений АРЛЮС систематически снабжать их необходимой технической и политической информацией, для того чтобы они могли применять передовые советские методы организации труда и тем самым лучше выполнять свои обязательства. Включаясь в соревнование в честь XXXI годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, рабочие завода «Леметр», применив методы труда, изученные в кружке АРЛЮС, превысили норму на 40 процентов.

Во время кинофестиваля, который проводил АРЛЮС, румынские ткачихи увидели советский киножурнал, посвященный работе советской стахановки, работающей на 12 станках. И это стало толчком к движению многостаночников текстильной промышленности. Бригада каменщика Теодора Веса, изучив в кружке работу советских каменщиков, добилась в результате перевыполнения нормы в три раза. Среди рабочих Румынии началось массовое движение рационализаторов и изобретателей, движение, возникшее в кружках АРЛЮС. Так, слесарь Стоянеско изобрел особую циркулярную пилу для резки металла под водой, увеличив этим производительность труда в восемь раз. А молодой токарь Джоржеско впервые применил скоростной метод фрезерования металла, заимствованный из опыта советских стахановцев. Труд для румынских рабочих сейчас приобрел совершенно иное содержание. Он стал вдохновенным, радостным и героическим. Когда на заводе «Индустрия Сырмей» вышла из строя печь прокатного стана, рабочие трудились по 72 часа без перерыва и восстановили печь в два раза быстрее. Когда же на заводе «Конкордия-Алоешти», соревнующемся с заводом «Индустрия Сырмей», был остановлен для ремонта паровой молот, кузнецы погрузили металл на грузовики, отправились на соседний завод и добились разрешения работать там в кузнице по ночам, пока их молот не будет

На прокладке газопровода Чеанул-Маре — Клуж. Общий вид работ.

Девушки из добровольных бригад на стройке завода.

приведен в порядок. Известен подвиг бурильщика Шкиопу. Неожиданно прорвало скважину, и извергающиеся газы, выбрасывая со страшной силой песок и камни, грозили разрушить вышку. Шкиопу бросился к скважине, закрыл вентиль и спас вышку и механизмы. Когда тяжело раненного бурильщика рабочие вынесли на поверхность, он сказал: «Я спасал наше народное добро. Разве я мог поступить иначе?» Подобных примеров героизма, сознательности рабочего класса можно было бы назвать очень много. Все это свидетельствует о том подъеме, с которым рабочие Румынии борются сейчас за укрепление и процветание своего народного государства.

* * *

Благодаря использованию новых экономических ресурсов страны растет благосостояние румынских трудящихся.

Огромные площади земли, поросшие камышом, до сих пор не были использованы в Румынии. На основе советского метода были произведены опыты эксплуатации камыша, и он дал не только бумагу, но и целлюлозу. До сих пор огнеупоры ввозились в Румынию из-за границы. Применяв советский метод, румынские рабочие и инженеры стали производить огнеупоры у себя. Лучшие заграничные огнеупоры выдерживали 250 плавок. Огнеупоры, произведенные по советскому методу, выдерживают 700 плавок. Применяв советский метод бурения, румынские нефтяники пробурили скважину на участке Цинтя-Быйкой на 70 дней раньше, сэкономив два миллиона лей.

Так великий трудовой опыт народов Советского Союза служит бесценной сокровищницей для созидательной, творческой деятельности трудящихся стран народной демократии.

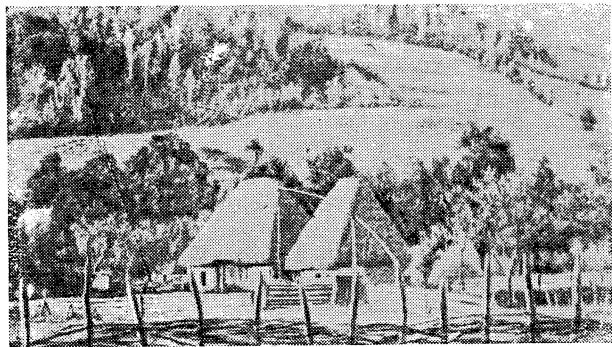
Перед румынским рабочим классом стоят большие трудности, но он успешно преодолевает их. Ряд реакционных инженеров, выходцев из буржуазной верхушки, не захотел честно сотрудничать с народом, и руководящие посты на заводах и предприятиях заняли рабочие с большим производственным стажем. Так, во главе Главного управления железных дорог стал старый железнодорожник Августин Алекса. Директором Решицы был выбран рабочий Лончар, завода «Красная звезда» — рабочий Этвеш Стефан, завода «Трепич» — столяр Капески, «Крекинг-завода» — рабочий Крум Наранов. И благодаря тому, что рабочие сплотились вокруг своих новых, рабочих директоров, им удалось преодолеть все трудности и добиться перевыполнения производственной программы, превысившей довоенный уровень. Но для того чтобы вырастить кадры новой технической интеллигенции, нужно было изменить всю систему образования. Реформой народного образования предусмотрено открытие новых двух тысяч семиклассных школ. Создано

155 школ, дающих профессионально-техническую подготовку. Созданы специальные двухлетние школы, которые должны подготовить лучших рабочих для поступления их в высшие учебные заведения. Созданы три политехнических института, институт черной металлургии, горный и геологический, два экономических и зоотехнический. Создана специальная сеть курсов для подготовки трудящихся для поступления в высшие учебные заведения. До 1945 года в Румынии насчитывалось более четырех с половиной миллионов неграмотных. Сейчас на всех предприятиях и в организациях страны существует бесчисленное количество кружков для ликвидации неграмотности. Создана также огромная сеть курсов по повышению профессиональной квалификации. Все эти мероприятия направлены к тому, чтобы поднять культурный уровень трудящихся Румынии, дать им возможность легче осваивать ту новую, высокую культуру производительности труда, которая сейчас так бурно и с таким энтузиазмом внедряется во всех предприятиях Румынии. И во всем этом Общество румыно-советской дружбы является активным помощником, содействуя делу культурного преобразования страны.

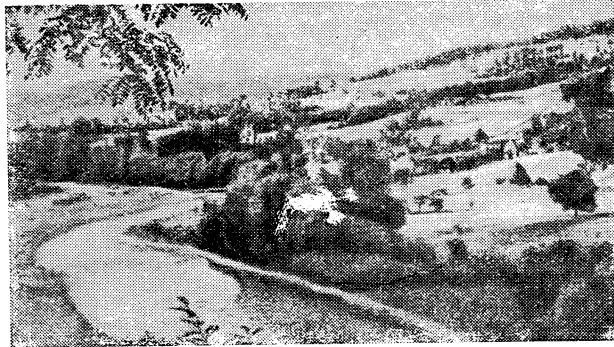
Недавно пятнадцать выдающихся деятелей науки, культуры и искусства Румынии были посмертно избраны почетными членами Академии Румынской народной республики. Избрание этих славных сынов румынского народа, явилось не только праздником для румынского народа, но и утверждением демократической культуры, которую империалисты и их прислужники пытались уничтожить.

Румынский народ был долгие годы повергнут румынскими капиталистами и помещиками и их империалистическими хозяевами в духовную и экономическую нищету. Народ был лишен всех прав, всякой культуры и просвещения. Он был обречен на физическое и моральное уничтожение. Советская Армия спасла румынский народ от порабощения. Советский народ, верный своим принципам пролетарского интернационализма, оказал трудящимся Румынии культурную и экономическую помощь. Советский народ в 1946 году, когда мы сами переживали неурожай, спас румынский народ от голода.

Румынский народ испытывает чувство огромной любви и признательности к советскому народу, своему спасителю. Опираясь на исторический опыт Советского Союза, он успешно ведет борьбу за преобразование своей страны, за ее расцвет, за осуществление социалистических идеалов. Румынский народ, как и все народы свободных и независимых демократических стран, с величайшим благоговением и любовью произносит имя товарища Сталина. И можно с уверенностью сказать, что румынский трудовой народ, преодолев все помехи, которые стоят на его пути, осуществит свои чаяния и с помощью румынской рабочей партии придет к заветной цели — к социализму.

Крестьянские избы.

Деревушка в Трансильвании.

АННА ЗЕГЕРС

Рис. И. Финса

Анна Зегерс — выдающаяся антифашистская немецкая писательница (род. в 1900 г.). Широкую известность она получила благодаря своей книге «Восстание рыбаков». Роман изображает полуголодную, полную лишений и опасности жизнь рыбаков, бесчеловечную эксплуатацию, какой они подвергаются, их отчаяние, их стихийное восстание.

Когда гитлеровцы пришли к власти, Анна Зегерс, писательница-коммунистка, подверглась преследованиям и вынуждена была эмигрировать во Францию. Однако и отсюда ей пришлось бежать после того, как в 1940 году гитлеровские войска захватили большую часть французской территории, включая Париж. Анна Зегерс поселилась в Мексике, где прожила до 1947 года, а затем вернулась в Германию. В апреле 1948 года писательница приехала в Москву в составе делегации немецких деятелей культуры.

В годы изгнания А. Зегерс написала несколько романов: «Седьмой крест», «Спасение», «Бессмертные». Недавно вышел сборник ее новелл, в том числе печатаемый ниже рассказ «Примыш». Здесь мы знакомимся с французской рабочей средой периода гитлеровской оккупации, видим мужество работницы-француженки, пробуждение народного гнева против фашистских извергов, рост патриотического чувства.

Попрежнему бедствуют и голодают сегодня массы народа в «маршаллизованных» странах, в том числе французские труженники; попрежнему отечественная реакция состоит в услужении у чужеземных империалистов и предаёт интересы родины. На смену немецкому военному захвату пришел американский захват — экономический и политический, с каждым днем нагнетают поджигатели войны, молодчики де Голля. Но, невзирая на кровавый террор, французские трудящиеся полны решимости продолжать борьбу за мир и демократию. Похороны скромного французского рабочего Андре Уийе, отдавшего жизнь в борьбе за мир, против поджигателей войны, парижане превратили в мощную демонстрацию. Над прахом своего товарища по борьбе рабочий Париж поклялся отстаивать свободу и независимость Франции против попыток превратить ее в колонию иностранных государств.

Сентябрьским утром 1940 года, когда на площади Согласия в Париже развевался широкий флаг со свастикой, вывешиваемый немцами в оккупированных ими странах, а хвосты очередей у лавок были так же длинны, как и сами улицы, некая Луиза Менье, жена токаря, мать троих детей, узнала, что в одной из лавок XVI района можно купить яйца.

Она быстро собралась, постояла час в очереди и получила вяток яиц — по одному на каждого члена семьи. Выйдя из лавки, она вспомнила, что неподалеку, на той же улице, живет ее школьная подруга Аннет Виллар, служащая гостиницы. Луиза застала приятельницу в крайне возбужденном состоянии, совершенно несвойственном этой спокойной и рассудительной особе.

Виллар рассказала, протирая окно и раковину умывальника (в чем ей помогла Менье), что вчера днем гестапо арестовало одного из жильцов гостиницы, который пролисался под видом эльзасца. Он, как выяснилось, несколько лет назад бежал из немецкого концлагеря.

Протирая стекло, Виллар рассказывала, что жилец увезен в тюрьму Санта, откуда его вскоре отправят в Германию и наверняка поставят к стенке. Но что ее трогает гораздо больше, чем этот немец (в конце концов мужчина — это мужчина, а война — это вой-

на), — ей жаль сынишку жильца. У него есть ребенок, мальчик лет двенадцати, который жил вместе с отцом, ходил в школу, говорил по-французски, как она сама. Его мать умерла, а при каких обстоятельствах — неизвестно, чужие дела — потемки.

Мальчик, вернувшись из школы домой, принял известие об аресте отца молча, без слез. Но когда гестаповский офицер потребовал, чтобы он упаковал свои вещи, — на следующий день за ним придут, чтобы отправить назад в Германию, к родственникам, — мальчик вдруг громко ответил, что скорее бросится под машину, чем вернется в эту семью. Гестаповский офицер резко ответил: дело не в том, вернется он или не вернется, а только в том — куда: назад ли к родственникам или в исправительное заведение?

Мальчик доверился ей, Аннет, и попросил помощи. На рассвете она отвела его в одно маленькое кафе, хозяин которого был ее другом. Теперь мальчик сидит там и ждет. Она думала, что его легко будет пристроить, но пока ей всюду отвечают «нет» — слишком велик страх. Ее собственная хозяйка сама ужасно боится немцев и разгневалась, узнав о побеге мальчика.

Менье выслушала все это молча и, лишь когда Виллар кончила уборку, сказала: «Я хотела бы посмотреть на такого мальчика». В ответ на это Виллар

Протирая стекло, Виллар рассказала.

назвала ей кафе и прибавила: «Ведь ты не побоишься отнести мальчику белье?»

Хозяин кафе, к которому Луиза пришла с запиской от Виллар, отвел ее в бильярдную, обычно запертую днем. Там сидел мальчик и глядел во двор. Он был такого же роста, как и старший сын Луизы, так же одет. Серые глаза, обыкновенные черты лица — ничто не выдавало в нем иностранца. Менье сказала, что принесла ему белье. Он не поблагодарил, а только вдруг пристально посмотрел ей в глаза. До сих пор Менье была такой же матерью, как все матери. Долгие часы простаивать в очередях, из ничего делать что-то, из малого — многое, брать на дом работу вдобавок к работе по хозяйству — все это было само собой понятно. Но в эту минуту под взглядом мальчика «само собой понятное» выросло до огромных размеров. Вместе с тем выросли и ее силы. Она сказала: «Будь сегодня в семь часов вечера в кафе «Виар» у Крытого рынка». И торопливо собралась домой: чтобы из скудных продуктов приготовить что-то существенное, надо долго возиться на кухне.

Муж Луизы был уже дома. Он целый год провел в окопах на «линии Мажино», три недели как демобилизовался. Неделю назад вновь открылся завод, на котором он работал раньше, но теперь токарь Менье был нанят на неполный рабочий день. Большую часть свободного времени Менье проводил в кабачке, и сейчас он вернулся домой рассвирепевший, негодуя на себя за то, что из скудного заработка истратил несколько су на вино.

Женщина, слишком взволнованная, чтобы обратить внимание на выражение лица мужа, начала, разбивая яйца, рассказывать о происшедшем, чтобы подготовить его. Но когда она сказала, что мальчик бежал из гостиницы, ищет в Париже защиты от немцев, муж прервал ее: «Твоя приятельница Аннет действительно поступила очень глупо: зачем помогать в таком бессмысленном деле? Я бы на ее месте запер ребенка. Пусть немец сам справляется со своими соотечествен-

никами... Он не позаботился о своем ребенке, и офицер, безусловно, прав, когда посылает мальчика домой. Гитлер захватил теперь весь мир, и никакие фразы тут ничего не изменят».

Женщина была неглупа и, услышав эти слова, быстро перевела разговор на другое. Она впервые ясно увидела, что случилось с ее мужем. Раньше он принимал участие в каждой забастовке, в каждой демонстрации, а 14 июля вел себя так, будто хотел снова, и притом один, взять штурмом Бастилию. Но он был похож на сказочного великана Христофора (на него похожи многие), который всегда переходит на сторону того, кто ему кажется сильнее или выказывает себя сильнее его прежнего хозяина, и под конец оказывается у чорта в лапах.

Но ни в характере женщины, ни в ее заполненном работой дне не было места для грусти. Человек этот раз навсегда был ее мужем, она раз и навсегда была его женой, а тут еще чужой мальчик, который теперь ожидает ее. Поэтому вечером она побежала в кафе у Крытого рынка и сказала ему: «Я только завтра возьму тебя к нам». Мальчик снова пристально поглядел на нее, он сказал: «Вам не нужно брать меня, если вы боитесь». Женщина сухо возризила, что речь идет лишь о том, чтобы подождать один день. Она попросила хозяйку кафе приютить мальчика еще на одну ночь. Он ее родственник. В этой просьбе ничего особенного не было: Париж кишел беженцами.

На следующий день Луиза сказала мужу: «Я встретила свою кузину Алис, ее муж сейчас в тюремной больнице за городом, в Питивье, ей хотелось бы навестить его и пробыть там несколько дней. Она просила меня взять к нам на это время ее ребенка». Муж, который терпеть не мог у себя дома чужих, ответил: «Только бы это не затянuloсь», и Луиза приготовила запасной тюфяк.

По дороге домой она спросила мальчика: «А почему ты, собственно, не хочешь ехать обратно?» — «Вы еще можете покинуть меня здесь, если боитесь, — ответил он. — К моим родственникам я не вернусь. Мой отец и моя мать были арестованы Гитлером. Они писали, печатали и распространяли листовки. Моя мать умерла. Видите, у меня нехватает переднего зуба. Его мне выбили в школе за то, что я не хотел распевать с ними их песню. Мои родственники тоже нацисты. Они мучили меня больше всех. Они постоянно ругали отца и мать». В ответ на это женщина попросила его помалкивать в разговорах с ее мужем, детьми и соседями.

Дети отнеслись к чужому мальчику безразлично. Он держался в стороне, не смеялся. Муж тут же невзлюбил его: он сказал, что ему не нравится взгляд мальчика. Он ругал жену, зачем она делится своим пайком с мальчиком, ругал и кузину: что за наглость обременять людей своими детьми! Такие жалобы переходили у него обычно в рассуждения: война, мол, проиграна, немцы заняли страну, но у них есть дисциплина, они — за порядок. Когда однажды мальчик опрокинул кувшин с молоком, он вскочил и ударил его. Луиза потом пыталась утешить мальчика, но он ответил: «Здесь все же лучше, чем там».

— Я хотел бы, — сказал муж, — когда-нибудь снова иметь на закуску после обеда настоящий кусок сыра.

Вечером он вернулся возбужденный:

— Представь себе, что я видел. Огромная немецкая машина, доверху груженная кругами сыра. Эти покупают, что хотят. Сами печатают миллионы и тратят их.

Через две-три недели Луиза отправилась к своей подружке Аннет. Та не обрадовалась ее посещению и посоветовала Луизе не показываться больше в гостинице: гестаповцы злобно ругались и угрожали. Они уже проведали, в каком кафе скрывался мальчик, узнали, что его там посетила женщина, что оба они ушли оттуда в разное время. По дороге домой Менье еще раз обдумала опасность, которой она подвергает себя и своих близких.

Как долго она ни размышляла над тем, что было сделано ею безо всякого размышления, в мгновении

порыве, ее решение подтвердила сама улица по пути домой: хвосты очередей перед открытыми лавками, ставни на закрытых, резкие гудки немецких автомобилей, проносившихся по бульварам, флаги со свастики над воротами домов. Сомнений не оставалось. Войдя в свою кухню, она душой второй раз приняла чужого мальчика и погладила его по голове.

Но муж набросился на нее: помешалась она, что ли, на этом ребенке? Свое недовольство жизнью — все его надежды внезапно померкли, впереди жалкое, беспротестное, подневольное существование — он сорвал на чужом ребенке: своих детей ему было жаль. Так как мальчик был слишком молчалив и осторожен, чтобы подать повод к раздражению, то Менье ударил его безо всякого повода, при этом он уверял, будто у мальчишки наглый взгляд. К тому же Менье лишился своего последнего удовольствия. Раньше он проводил большую часть своего свободного времени в кабачке, что немного развлекало его. Теперь немцы принудительно откупили у кузнеца его кузницу на краю улицы, и улица, до того времени тихая и свободная от флагов со свастикой, закишела немецкими монтерами. Ее загрохотали немецкие автомашины, нуждавшиеся в ремонте, а нацистские солдаты заполнили кабачок и чувствовали себя там, как дома. Менье не выносил этого зрелища. Часто жена заставляла его у кухонного стола — он угрюмо молчал. Однажды, после того как он почти час просидел неподвижно, с застывшим взглядом, подперев голову руками, Луиза спросила его, о чем он только что думал. Он ответил: «Ни о чем и обо всем. И еще о чем-то совсем постороннем. Я думал, представь себе, о том немце, помнишь, тебе о нем рассказывала твоя приятельница Аннет. Тот немец был против Гитлера, и немцы же его арестовали. Хотел бы я знать, что с ним случилось. С ним и с его сыном». Луиза ответила: «Я недавно видела Виллар. Они тогда отправили немца в тюрьму. Его наверняка уже убили. Мальчик исчез. Париж велик. Он, вероятно, нашел себе приют».

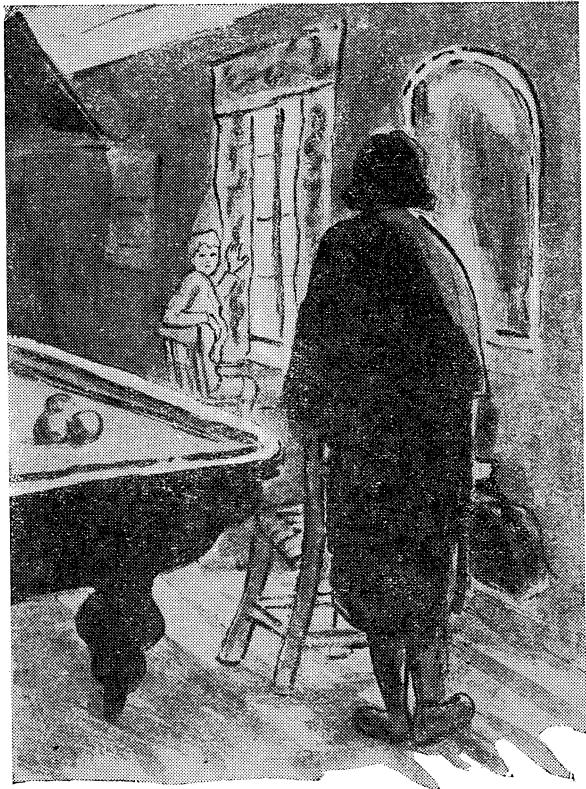
Так как никому не хотелось выпивать свой стакан вина среди нацистских солдат, то часто, захватив несколько бутылок, люди приходили на кухню к Менье, что прежде было непривычно и даже неприятно хозяевам. Это были товарищи Менье по работе на том же заводе, и между собой они говорили без утайки. Директор завода уступил свой кабинет немецкому комиссару. Тот входил и выходил, когда ему заблагорассудится. Немецкие специалисты проверяли, взвешивали, принимали продукцию. В конторе управления не давали себе даже труда скрывать, для кого здесь надрываются рабочие. Готовые детали из награбленного металла шли на восток. Они были нужны, чтобы свернуть шею другим народам. А чем бкончилась песенка? Неполный рабочий день, сниженная заработная плата, запрещенные забастовки.

Менье закрыли ставни, голоса зазвучали глуше. Чужой мальчик опустил глаза, он сам боялся, как бы его пристальный взгляд не выдал, что у него на сердце. Он был так бледен и худ, что Менье, сердито поглядывая на него, высказал опасение, уж не болен ли он и не заразит ли он его детей. Луиза сама написала себе письмо, в котором кухня просила поддержать еще ее мальчика, муж тяжело болен, ей необходимо некоторое время побыть возле него.

— Ишь ты, удобно устроилась со своим парнишкой, — сказал Менье.

Луиза поспешно начала хвалить мальчика, — он такой смелый, в четыре часа утра он уже на рынке и вот, например, сегодня раздобыл без карточек этот кусок говядины.

На одном дворе с Менье жили две сестры, они были плохие девушки.

Там сидел мальчик и глядел во двор.

Теперь они стали ходить в кабачок, свели знакомство с немецкими монтерами, и те стали запросто приходить к ним, шум и смех были слышны у Менье на кухне. Но Менье и его гостям уже давно было не до смеха. Менье давно не хвалил больше немецкий порядок. Этим, как ему раньше казалось, точным, добросовестным, основательным порядком была разрушена его жизнь на заводе и дома, его большие и маленькие радости, его благополучие, его честь, его покой, его питание, самый воздух.

Однажды Менье остался наедине с женой. После долгого молчания он прорвался:

— У них власть, что поделаешь? Как силен этот дьявол! Если б нашелся кто-нибудь в мире сильнее его! А мы—мы бессильны. Стоит нам открыть рот, и нас за-

бьют до смерти, как того немца, о котором тебе однажды рассказывала Аннет: ты его, пожалуй, забыла, а я — нет. Все же он рисковал кое-чем. А сын его, право же, достоин уважения! Пусть твоя кузина сама выпутывается со своим парнишкой: мне от него ни тепло, ни холодно. А сына этого немца я принял бы к себе — вот кто мне по душе. Я бы относился к нему лучше, чем к своим сыновьям, я кормил бы его лучше. Приютишь такого мальчика, а эти бандиты ходят взад-вперед и не подзревают, на что я способен, кто я и кого у себя спрятал. Обенми руками я принял бы такого мальчика!

Жена отвернулась и сказала:

— Ты его уже принял.

Я слышала эту историю в моей гостинице в XVI районе от той Аннет, которая теперь служила здесь, потому что оставаться на старом месте ей было не по душе...

Перевод с немецкого Л. Лезиной

На просторах далекого Севера

Г. КОЛПИКОВ

Путевые заметки

Прощальные рукопожатия, традиционные пожелания: «Ни пуха ни пера!», и наш самолет, пробежав по взлетной дорожке, берет курс на север. Впереди многие тысячи километров увлекательного путешествия по таежной глуши и тундровым просторам далекого Заполярья.

Незаметно проходят первые два часа нашего пути. Гулко рокоча мощными моторами, самолет идет на посадку.

Перед нами ослепительно освещенный солнцем древний сибирский город Тобольск.

На протяжении многих столетий царское правительство ссылало сюда свободолюбивых и гордых духом людей. В наши дни город резко изменил свой внутренний и внешний облик, но бережно сохраняет редчайшие исторические памятники, которыми он так богат.

По высокой длинной лестнице, называемой Прямым взвозом, мы поднимаемся к Тобольскому кремлю. Его стены, колокольни и башни возвышаются над городом величественными произведениями архитектуры давно минувших столетий. Кремль образован ансамблем нескольких красивых зданий. Толстые кирпичные стены, скрепленные большими чугунными брусьями, поросли зеленью многих веков. Узкие бойницы, наблюдательные башни, сводчатые переходы, небольшие окна, защищенные чугунными решетками.

Сейчас в стенах кремля находятся богатейшие краеведческие музеи

с обширной ценной библиотекой и государственным архивом.

С правой стороны кремля идет широкий Никольский взвоз. Здесь, на горе, на Чукманском мысу, стоит известный памятник Ермаку, воздвигнутый на общественные средства в 1839 году. Это пирамидальный обелиск, высотой в 14 метров, с краткой надписью у основания: «Покорителю Сибири — Ермаку». Вокруг памятника в наши дни разбит городской сад — любимое место отдыха для трудового населения города.

Тобольки гордятся своими знаменитыми земляками, и чтут их память. Тобольск — родина известного русского поэта П. П. Ершова и прославленного химика Д. И. Менделеева.

Небольшой домик, в котором когда-то жил и работал Ершов, создавая свою чудеснейшую сказку «Конек-Горбунек», стоящий под горой, сейчас реставрирован: в нем устроится дом-музей поэта. На тобольском Завальном кладбище, среди развесистых деревьев, сохранена и могила Ершова. За могилой своего любимого писателя постоянно ухаживает шумная советская детвора, и могильный холм всегда украшен свежими живыми цветами.

Мы идем по широкой аллее. Тихо падают желтые осенние листья, украшая черные чугунные плиты. Между высоких обнаженных берез покоится прах декабристов — Александра Муравьева, Фердинанда Вольфа, Флегонта Башмакова и Ба-

ратынского. Скромное каменное надгробие над последним приютом «Кюхли» — В. К. Кюхельбекера, друга великого Пушкина.

Бодрым пульсом советского города бьется жизнь нового, социалистического Тобольска. Одна за другой проносятся автомашины, гулок голос фабричных гудков, непрерывна переключка пароходов, спующих по Иртышу.

Несколько тысяч юношей и девушек наполняют аудитории учительского института, рыбопромышленного и библиотечного техникумов, классы татарского и русского педагогических училищ, фельдшерско-акушерской школы, школ-семилеток и десятилеток.

В местном драматическом театре ставятся произведения классиков и советских драматургов. В кино идет «Молодая гвардия». В городской библиотеке — лекция о международном положении. Свежий номер газеты «Тобольская правда» рассказывает о трудовых успехах сибирских рыбаков и хлеборобов.

* * *

Не только в нашей стране, но и далеко за ее рубежами славятся работы тобольских косторезов; и попав в Тобольск, мы спешим познакомиться с ними.

Несмотря на поздний вечерний час, нас любезно встречает один из этих прославленных мастеров — Валерий Иванов.

Миниатюрным резцом, показывая нам свою работу, он вытачивает небольшую костяную пластинку. Талантливая рука молодого художника рождает тонкий, прекрасный рисунок. Бесформенный, грубый кусок кости точно оживает на наших глазах и, повинаясь творческому замыслу мастера, приобретает нужную форму и очертания.

Ажурные маленькие пилки и несколько резцов различных размеров — вот и все орудия производства таланта, от мастера. Остальное уже от таланта, от мастерства. Здесь нельзя ошибиться, и чуть лишний нажим резца может легко испортить начатый рисунок.

Когда смотришь работы Валерия Иванова, не верится, что этот художавый молодой человек всего лишь четыре года назад впервые взял в руки резец костореза.

— Это у меня, наверное, наследственное. Отец мой художником был, — застенчиво улыбаясь, говорит молодой мастер, протягивая нам несколько матово-белых костяных пластинок. На них запечатлены сказки великого Пушкина, знакомые всем нам с раннего детства. Вот сказочное «лукоморье», и в памяти оживают прекрасные, певучие строки:

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том;
И днем, и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...

С замечательным мастерством изображено это художником на небольшой пластинке, величиной не более папиросной коробки.

А вот сцена с «головой» из «Руслана и Людмилы», эпизод из «Сказки о царе Салтане», вот и старик-рыбак просит золотую рыбку выполнить каприз жадной своей старухи...

В каждом тончайшем штрихе здесь виден зрелый художник, сумевший понять чарующую музыку пушкинского стиха и передавший ее в мастерском точном рисунке на кости.

Я видел превосходный портрет товарища Сталина работы костореза Ремезова, любовался рядом произведений о жизни советского Заполярья, выполненных косторезом Песковым, с восхищением разглядывал художественную шкатулку из кости на тему «30 лет советской власти» работы мастера Иванова.

Косторезное искусство получило теперь неограниченные возможности для своего развития. Большой творческой жизнью живут сейчас тобольские косторезы, слава в своих замечательных произведениях прекрасную советскую родину и героические дела советских людей.

* * *

Путешествие наше продолжается. На рассвете, сделав прощальный круг над Тобольском, самолет снова устремляется вдале. Извилистая лента многоводного Иртыша перемез-

жается внизу с бесконечными таежными лесами и озерами.

Скоро Березово. Достаяю из чемодана какой-то дореволюционный справочник-путеводитель по Восточной Сибири: «..Ничтожный городок с незначительным населением, расположенный в глухой, пустынной местности. Прирост населения Березова за 1903 год составил всего 17 человек».

Березово... В историю дореволюционной России этот северный пункт вошел лишь как место ссылки петровских вельмож — знаменитого Александра Меншикова, князя Ромодановского, Долгорукова и Остермана. Больше об этом месте дореволюционные справочники ничего не могли поведать путешественнику.

Вскоре мы уже идем по березовским улицам.

Мы в большом северном городке, уютно раскинувшись на живописном берегу реки. Широкие улицы. Много хороших домов, окруженных зелеными густыми елями. Сейчас здесь живет около четырех тысяч советских людей. В городе есть крупный рыбозавод, больница, школа, почта, электростанция, стекольный завод, радиостанция, библиотека, банк, клуб, редакция районной газеты, различные артели, звуковое кино. На клубной сцене идет пьеса Островского «Бедность — не порок».

Так теперь, в советские дни, живет былой далекий «медвежий угол». Нет больше «ничтожного» городка Березово, есть культурный районный центр советского Севера.

Через три дня мы в поселке Казым, славящемся своей культурной базой. Дорога идет среди причудливых извилин больших и малых рек, среди таежных звериных дебрей. Но это не значит, что Казым оторван от жизни. Нет, и здесь ощущается могучий

пульс нашей родины, и здесь люди живут теми же интересами, что и в любом уголке нашего государства.

В Казыме, на берегу небольшой таежной речки Амня, знакомимся с председателем сельского совета — ханты по национальности — Василием Андреевичем Аликовым. На этом посту он находится бессменно двенадцать лет, и ему знакома в этих дебрях каждая тропинка. Вечером Василий Андреевич приглашает нас в кино. На экране на взмыленном коне проносится легендарный Чапаев и в смяении отступают разбитые наголову белогвардейские полчища. Зрительный зал — прославленные таежные охотники и неутомимые рыбаки Севера — дружно аплодирует чапаевским воинам.

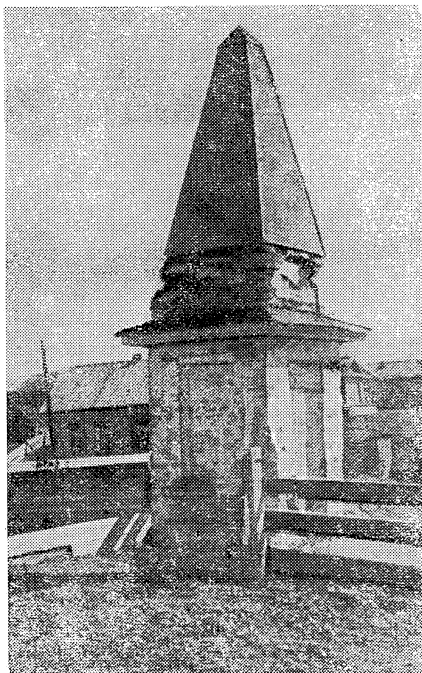
— Шибко хорошая картина. Пять раз смотрю, и все мало, — улыбаясь, говорит Аликов и добавляет неожиданно: — Ты обязательно напиши про наш Казым. Мы теперь хорошо живем. Свою школу имеем, кино, больницу, радиостанцию. Оленеводческий колхоз большой. Пусть в других местах почитают о нашем Казыме...

Беден, убог был Казым в еще недавнем дореволюционном прошлом. Нищее, холодные юрты, пропитанные отвратительным запахом гниющей рыбы, дым, грязные ломотья... Так жил хантыйский народ до революции. Невероятно высокий процент смертности был обычным явлением; выживало меньше, чем умирало.

Еще недавно хантыйки носили покрывала, закрывая свое лицо от мужчин. Это был непоколебимый закон, обычай предков, и никто не осмеливался его нарушать. Первой из казымских женщин сняла покрывало Екатерина Петровна Аликова, жена

Приполярный Урал. Селение Саран-Пауль. Поисковая партия геологов уходит в горы.

Салехард. Каменный столб, поставленный в прошлом веке на границе Северного Полярного круга.

Василия Андреевича. Теперь в тайге нигде не встретишь таких покрывал, их можно увидеть лишь в музее.

Прощаемся с гостеприимным Казымом. Жмем крепко руку Василию Андреевичу Аликову. В час отлета на берегу реки собирается все население Казыма и приветливо желает нам счастливого пути. И снова мы летим над бескрайними таежными просторами.

* * *

Далекий Саран-Пауль. Гордо высятся величественные снежные вершины Уральских гор. На протяжении многих столетий недосыгаемыми были эти вершины. Но в народных легендах и сказках говорилось о несметных сокровищах, хранящихся в недрах седого Урала.

Еще очень недавно никто не осмеливался нарушать безмолвной тишины ущелий, покрытых вечным снегом. Недоступными были даже предгорные долины, куда лишь изредка в поисках новых обильных пастбищ забредали случайные олениводы.

Сильна, могуча и сурова природа приполярного Урала, но человек оказался сильнее ее; он победил все преграды, и пытливые, энергичные советские люди преобразили облик этого края. Пришедшие сюда люди были геологи. Они прошли трудный путь через угрюмую тайгу и болота, через скалистые хребты и ущелья. Пробираясь на завьюченных лошадях по узким тропинкам, с риском для жизни преодолевая бурные горные реки, они прорубили в непроходимых дебрях дороги, и звонкое эхо разнесло по горным ущель-

ям необычный для этих мест стук топоров, деловитый шум стройки и человеческие голоса. Геологи пришли сюда искать сокровища, о которых говорилось в народных легендах.

На 64-м градусе северной широты начались поисковые работы. В июле, когда во всем Ханты-Мансийском округе стоит жаркая погода, в горах лежит еще снег, и геологам приходится совершать свои путешествия на лыжах и в теплых полшубках. Только при помощи радио они держат связь с Большой землей, которая находится от них за многие тысячи километров.

На берегу многоводной, быстрой реки Ляпин, стремительно мчащей свои воды в предгорьях Уральского хребта, возникло новое приискное селение Саран-Пауль, одно из самых отдаленных селений Ханты-Мансийского национального округа.

Молодое это селение стало теперь благоустроенным поселком. Здесь есть клуб, звуковое кино, библиотека, столовая, больница, радиостанция и даже музей.

Смелые советские люди победили горы и, выполняя свой долг перед родиной, неумоимо раскрывают тайны недр.

Тысячи славных, скромных тружеников своим трудом изменяют облик далекого края.

Большой, полной жизнью живут советские люди на этой далекой окраине нашего Союза.

По вечерам горное эхо разносит в чистом свежем воздухе стройные веселые песни. Так могут петь лишь люди с чистым сердцем.

* * *

Снова в путь. Крылатая стальная птица доставляет нас в поселок Горки Ямало-Ненецкого национального округа. Отсюда мы решаем совершить путешествие в Дальний Куноват.

Катер медленно идет вверх по Оби. Последние лучи заходящего осеннего солнца, сверкающие на вершинах кедров и елей, придают особенную прелесть живописным берегам. Зеркальная речная гладь сливается на горизонте с лесной зеленью. Вечно-зеленые кедры и ели, белые стволы берез в осеннем желтеющем наряде, высокие густые заросли тальника, светлые песчаные отмели, спокойно плывущие возле самого катера утки — все это создает впечатление нетронутой тишины и покоя.

Возле Казым-мыса характер местности изменяется. Появляется высокий обрывистый берег. От него к середине реки тянутся каменные гряды, о которые при сильном ветре можно легко разбить лодку. Из бурной воды видны огромные, гладко отшлифованные течением камни.

Переходим с катера на лодку и, соорудив из мешков самодельный парус, держим курс на поселок Оленек, а затем на Шишину. Это небольшое хантыское селение, располо-

женное на берегу уютной протоки, которая чуть не сплошь усеяна утиными выводками.

И куда мы ни попадаем во время нашего путешествия, нас всюду встречают гостеприимные советские люди, которые отдают свой труд любимой родине. В далекой, глухой Шишине мы узнаем о социалистическом соревновании местных рыбаков. Тысячи килограммов рыбы дает стране этот маленький поселок.

Бригадир Литва приглашает нас поехать посмотреть лов. На маленькой вертлявой калданке скользим по тихой воде. Проверяем содержимое нескольких «гимг» (так называют здесь рыбацкие орудия лова), и лодка наполняется сверкающей серебристой рыбой.

На берегу нас встречает бабушка Пелагея.

— Чай ензя опся (Садись пить чай), — приглашает она нас.

Мы усаживаемся за маленький, похжий на игрушечный стол. В юрте идеальный порядок. Чисто выскобленный пол, чистая посуда, и сама 75-летняя хозяйка бабушка Пелагея в чистом белом платье, поверх которого надет цветистый сарафан.

Мешая хантыские слова с русскими, разговариваем с бабушкой. Она расспрашивает о Москве, интересуется всеми последними событиями и рассказывает о прошлом хантыского народа, когда хищные кунцы за пачку табаку и бутылку водки скупали у местного населения ценную пушнину и рыбу.

Лунной тихой ночью едем на Лопхари. Где-то неторопливо курлыкают лебеди, плещутся утки. Над нами с шумом пролетает огромный глухарь, и опять все затихает.

К утру следующего дня, свернув в сторону, держим путь к Дальнему Куновату. Он и на самом деле дальний — лишь через несколько дней вдали показываются его домики и юрты.

Здесь живут охотники, отважные северные труженики. Когда слушаешь правдивые рассказы о них, простых советских людях, сухие цифры и проценты выполнения планов по добыче пушнины словно оживают, убедительно говоря о трудовых подвигах этих людей.

В куноватском колхозе «Путь Сталина» издавна славится «охотничья династия» Тояровых. Только за один квартал Николай, Серафим, Василий, Кирилл и Иван Тояровы сдали пушнины почти на 10 тысяч рублей.

Охотничий промысел — тяжелая работа. Сдав очередную партию пушнины и взяв в запас продукты, охотники уезжают к Полулю-Посу, за 150—200 километров от Куновата. Здесь добывается белка. Трудно находить этого зверька в лесных дебрях, но опытный глаз следопыта быстро различает беличий след, и никакая кедровая чаща не спасает белку от меткой охотничьей дробинки.

С трудом пробираемся через бурелом — груды повалившихся от време-

ни деревьев. Эта глушь, эти заветные охотничьи места поражают своей девственной тишиной, и в ней гулким эхом разнесется каждый шорох или крик птиц.

Становится даже немного жутко от такой нерушимой тишины, и когда из глубины леса раздается треск сухих веток, я быстро перезаряжаю ружье нарезной пулей, ожидая возможной встречи с косолапым «хозяином».

Но из-за деревьев показывается человек с охотничьим ружьем, и первое, что мне бросается в глаза, — медаль «За оборону Ленинграда» на его груди. Это охотник ханты Михаил Тояров. Уроженец далеких куноватских лесов, он еще недавно защищал город Ленина от гитлеровских бандитов. Возвратившись на Север, Михаил Тояров сменил боевой автомат на охотничье ружье и теперь добывает немалое количество ценной пушнины.

Охотники Куновата дали обязательство перевыполнить план по добыче пушнины, — и это не пустое слово.

Я видел, как на колхозном складе упаковывали большие аккуратные тюки. Здесь тысячи белок, прекрасные лисьи меха, пушистые белоснежные песцы, изящные горностаи, ондатры. Эти тюки с «мягким золотом», отправляемые из куноватской глуши, наглядно говорят о результатах упорного труда знатных охотников из хантыйского национального колхоза «Путь Сталина».

* * *

Путешествие близится к концу, и вскоре мы уже знакомимся с заполярным городом Салехардом, до Октябрьской революции называвшимся Обдорском. Теперь это центр Ямало-Ненецкого национального округа. Отсюда идет путь к суровому Карскому морю.

В крохотном дореволюционном Обдорске была лишь одна миссионерская школа да десяток купеческих лавок. Ненецкое население жило в беспросветной грязи и нищете и было обречено на вымирание. Об этих черных днях мне рассказывает слушатель салехардской школы колхозных кадров 60-летний ненец Максим Яптик:

— Ведь нас в царские времена и за людей не считали. Бывало приедешь к купцу продать пушнину, так он ненца дальше порога не пустит. «Ты, — говорит, — поганый, грязный»...

Теперь, на склоне лет, Максим упорно учится в школе. Он уже научился грамоте, умеет читать и писать, на его столике в общежитии я вижу книги Алексея Максимовича Горького.

Советская власть открыла народам Севера путь к знаниям, к новой, радостной жизни. Вместе с Максимом Яптиком учатся в школе ненцы Василий Вануйто и Анатолий Салин-

На заготовительном пункте «Заготживсырье» в Салехарде. Приемка пушнины.

дер, ханты Гавриил Кантерев и Ендыврев, коми Истомин, Сотруев, Тырлин, селькуп Тегелев и много других. Они изучают русский язык, арифметику, Конституцию СССР, основы оленеводства, рыболовства, огородничества, планирование и организацию хозяйства. Это будут грамотные председатели колхозов, бригадиры, животноводы и счетные работники.

Взамен мрачного прошлого — замечательное настоящее, и это видно во всем и везде в советском заполярном городе.

Салехардская опытная сельскохозяйственная станция говорит о том, как отмирает сказка о бесплодной земле Крайнего Севера. Опытные поля покрыты теперь веселой зеленью. В открытом грунте за далеким Полярным кругом растут морковь, свекла, капуста, салат, лук. Легкий ветер колыхнет колосья ячменя. Ячмень полностью созревает на северной земле. Ярким желтым ковром раскинулись посевы горчицы, тихо шелестят стебли льна. Зреют на солнце помидоры. Даже кок-сагыз, и тот превосходно ужился в условиях сурового северного климата. Рубиновым мягким цветом сверкает среди зелени красный клевер.

Агроном Борис Владимирович Паррикеев рассказывает историю станции, о которой стоило бы написать целую книгу.

До 1921 года никакого овощеводства на Севере не было. Поэтому, когда любитель-овощевод Дмитрий Мартемьянович Чубынин произвел

первый посев картофеля, это вызвало веселый смех и иронические шутки:

— Посадили?.. Ну-ну..
Более степенные люди старались вразумить «безумца»:

— Голубчик, да ведь это же Север! Земля-то здесь не южная, в такую землю покойника положить — и тот на века сохранится, а вы хотите здесь картофель вырастить. Перестаньте-ка, милый человек, землю попусту ковырять.

Но настойчивый Чубынин упрямо «ковырял» землю. Первая грядка, вскопанная Чубыниным на бесплодной земле, стала первой страницей в истории огородничества и полеводства Заполярья.

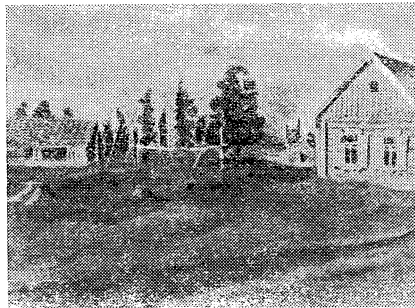
В 1934 году была основана сельскохозяйственная опытная станция. Шестьдесят сортов картофеля прошли испытания в неблагоприятных климатических условиях. Теперь картофель дает богатые урожаи на полях северных колхозов. Люди победили природу. Дело, начатое энтузиастом Чубыниным, продолжает развиваться.

Советский город Салехард живет кипучей, интересной и полнокровной жизнью. Громадный рыбоконсервный комбинат, лесозавод, электростанция, театр, библиотека, больница, оленеводческий техникум, стадион — все это создано за годы сталинских пятилеток.

Вместе с городом растет и интеллигенция Заполярья из местного национального населения.

Сын рыбака и охотника Истомин известен на Ямале как поэт, художник и неутомимый собиратель фольклора. Его песни и стихи можно услышать в самых отдаленных уголках необъятной тундры. Ненец Дмитрий Григорьевич Тесьда избран депутатом Верховного Совета СССР. Коми Мария Ивановна Базова руководит школой колхозных кадров. Сотни и тысячи людей стремятся к знаниям и своим трудом преобразуют Заполярье под руководством большевистской партии.

Замечательные люди населяют советский Север, этот величественный, суровый край, строят новую, чудесную жизнь под солнцем великой Сталинской Конституции.

Юрты в Шурьшкарском районе Ямало-Ненецкого национального округа. Репродукция с пейзажа художника-самоучки коми Ивана Истомина.

КЛАРКТОН

ГОВАРД ФАСТ

Рис. Л. Брататы

(Главы из романа)

Недавно в Соединенных Штатах Америки был опубликован новый роман Говарда Фаста «Кларктон». В этом романе мужественный американский писатель-коммунист показал обострение классовой борьбы в США в послевоенные годы.

Действие романа развивается в небольшом американском городе Кларктоне, где происходит стачка. Владелец фабрики капиталист Лоуэлл вызывает из Нью-Йоркского специального агентства провокаторов Гелба и Нормана, специализировавшихся на срыве стачек. В своей борьбе против бастующих Гелб и Норман в союзе с шефом полиции Кэрзоном и директором фабрики Уилсоном не гнушаются откровенно-фашистскими методами. Получив у предателя Батлера, пробравшегося в коммунистическую партию, нужные им сведения, они провоцируют арест коммунистов, членов стачечного комитета, Дании Райана и негра Джоя Рэй. Гелб пытается подкупить их, предварительно подвергнув пыткам и побоям. Его старания не дают желаемых результатов. Коммунисты раскрывают истинное лицо Батлера.

Ниже мы печатаем эпизоды из романа Говарда Фаста «Кларктон».

Кэрзон встретил посетителей у входа в управление полиции и со рвением пожал каждому в отдельности руку. Лоуэллу он сказал: «Я знавал вашего отца, мистер Лоуэлл. Чудесный был человек, теперь редко таких встретишь!» — и пригласил всех в свой кабинет.

Усевшись в кресло в кабинете шефа полиции, Уилсон спросил:

— Фредди Батлер здесь?

— Я не знал, что он вам понадобится.

— Пригласите его сюда, мы подождем. Я уверен, что в ожидании Батлера у нас будет о чем побеседовать, — сказал Гелб.

— Неудобно, чтобы он приходил в полицию, — извиняющимся тоном произнес Кэрзон. — Если кто-нибудь это заметит, то Батлеру придется придумывать какое-нибудь объяснение.

— Что ж, почему бы вам и не придумать для него такое объяснение? — спросил Уилсон.

Кэрзон поднял телефонную трубку:

— Ладно. Пусть будет по-вашему.

Лоуэлл, разглядывая Гелба, думал, что человек этот с его серо-стальной шевелюрой, безупречным коричневым костюмом, платком, высывающимся из нагрудного кармана пиджака, квадратными плечами и аккуратно подстриженными усиками выглядит куда более деловито, чем сам он или Уилсон. Оба — Гелб и Норман — в представлении Лоуэлла до знакомства с

ними рисовались совершенно иными. Коротко подстриженный, с хорошей фигурой, интеллигентной речью, Норман выглядел словно чистенький студент; короче говоря, такого человека Лоуэлл без всяких размышлений принял бы у себя дома, если бы его привела дочь.

Ждать прихода Батлера пришлось всего несколько минут. Человек, посланный за ним, встретил Батлера на улице, всего в двух кварталах от полиции. Увидев Батлера, Лоуэлл удивился тому, насколько он внешне был похож на приличного человека. Худой, рыжеволосый мужчина, с изможденным лицом и беспокойным взглядом, постоянно (единственный внешний признак нервозности) вертящий в руках свою кепку.

Кэрзон усадил его возле письменного стола.

Гелб поднялся и подошел к Батлеру.

— Не волнуйтесь, Батлер, — мягко произнес он. — Я новичок в городе и хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Слушаю вас, мистер Гелб.

— Откуда вы меня знаете? Мы разве с вами встречались?

— Я видел вас в Янгстауне. Возможно, однако, что я не узнал бы вас, если бы не знал, что вы в городе.

— Откуда же вам стало известно об этом?

— Об этом говорят по всему городу, — ответил Батлер, и Гелб зарычал на Уилсона;

— Я думал, что вы сумеете сохранить мой приезд в секрете!

— Боже мой, единственный человек, который знал, что вы приезжаете, был мистер Лоуэлл! А Кэрзону я сообщил об этом лишь около часа назад!

— Совершенно верно, — подтвердил Кэрзон. — Совершенно верно, мистер Гелб.

Гелб отошел от письменного стола и опустился на стул.

— Откуда это пошло? — спросил он Батлера.

— Не могу знать, мистер Гелб. Может быть, вас кто-нибудь узнал.

— Возможно, — кивнул Гелб. — И люди говорят об этом?

— Естественно.

— Итак, Батлер, что вы мне можете сообщить относительно забастовки?

Батлер недоуменно пожал плечами, переводя взгляд с одного на другого.

— Может быть, вам интересно узнать о новом Р. О. — Майке Сойере, который прибыл в Кларктон вчера?

— Р. О.? — переспросил Уилсон.

— Да, районном организаторе.

— Профсоюза?

— Коммунистической партии, — тихо ответил Батлер.

— Вы говорите, что он здесь новый человек? — спросил Гелб.

— Да. Он всего несколько недель на этой работе. До него был Байрон Рэнд. Говорят, что его перевели на юг.

— Почему?

— Этому может быть много причин, — ответил Батлер. — Он считался хорошим работником, а дела на юге заваривались горячие, вот они и посылают туда своих лучших людей.

Гелб закурил сигарету и, перед тем как обратиться к Батлеру с новым вопросом, сделал несколько глубоких затяжек.

— Что вы знаете о Сойере?

— Он тихий парень, неразговорчив, больше слушает. Ветеран последней войны и войны в Испании.

— Из батальона имени Линкольна?

— Совершенно верно.

— Что вы подразумеваете под «районом», говоря о районном организаторе?

— В район входят четыре штата. Сойер действует в западной части Массачусетса. Вернее было бы его называть организатором секции. В действительности это и есть его официальное название, но мы зовем его Р. О.

— Когда вы вступили в партию, Батлер? — почти не меняя тона, спросил Гелб.

— Около шести месяцев назад.

— Вы кажетесь мне хорошо информированным для такого короткого срока.

— Держу глаза и уши открытыми.

Гелб улыбнулся.

— Прежде когда-нибудь состояли в партии?

— В тридцать девятом году, в Охайо.

— Зачем?

— По заданию.

— Чьему?

— Правительства.

— А до этого?

— До чего?

— Я хочу сказать: состояли ли вы в партии еще раньше?

— В тридцать втором, — ответил Батлер.

— Тоже по заданию?

— Нет. Я дошел до грани, год не работал, три дня во рту ничего не было...

— Понимаю... Скажите, кто здесь, в Кларктоне, партийный руководитель?

— Дэнни Райан.

— Освобожденный работник партии?

— Нет. Он работает машинистом на заводе у мистера Лоуэлла. В Кларктоне нет освобожденных партийных работников. Город невелик. Райан делит всю партийную работу с Рут Аббот, оргсекретарем всей партийной организации.

— Сколько в Кларктоне членов партии, Батлер?

— Сорок три человека, — с неприятной улыбкой Батлер добавил: — Включая меня.

Гелб вынул из кармана изящную, тисненную золотом записную книжку в голубой коже.

— Как они организованы?

— В две ячейки, — ответил Батлер. — Фабричную и городскую. Я состою в фабричной ячейке. У нас двадцать шесть человек. Остальные — в ячейке у Аббот.

— Все члены вашей ячейки работают на заводе?

Батлер кивнул.

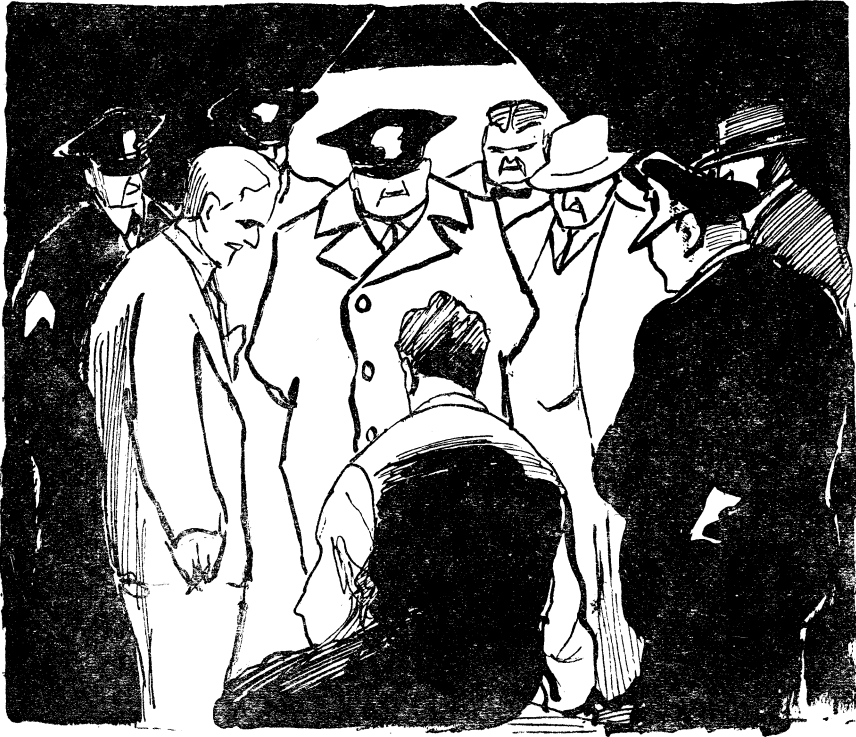
— Что вы знаете о городской ячейке?

— В нее входят Рут Аббот с мужем; Джо Сантана, парикмахер, и его жена; старый профессор Риверс с сыном, преподавателем Уильям-колледжа; Кольдштейн, адвокат, и его жена; Мил Купер, недавно демобилизовавшийся из армии...

— Остальных можете не перечислять, — прервал его Гелб, и, повернувшись к Кэрзону, спросил: — У вас, наверное, есть полный список?

— Держу глаза и уши открытыми...

— Здравствуйте, Райан. Давно хотел познакомиться с вами.

Кэрзон утвердительно кивнул.

— А откуда вы так хорошо знаете другую ячейку?

— Обе ячейки раз в месяц проводят совместные собрания. А с тех пор как началась забастовка, такие собрания проводятся чуть ли не каждые три дня. На них разрешаются все возникающие вопросы.

— Скажите, где проводятся эти собрания?

— Городская ячейка собирается в доме Аббот или на квартире Сантана, при парикмахерской. Наша ячейка собирается либо на квартире у Райана, либо у кого-нибудь другого.

— Какую роль играют в забастовке коммунисты?

— Они пытаются извлечь из нее как можно больше выгоды для своей партии.

— Как? — почти шопотом спросил Гелб.

— Райан накачивает товарищей по линии политической. Он разъясняет рабочим, что забастовка — это еще не предел мечтаний, говорит, что они должны научиться тому, как переходить к политической борьбе. Райан привлекает в партию новых людей, разъясняет рабочим единство классовых интересов, обещает им с три короба, вроде того, что все они попадут прямо в рай, верхом на книге Карла Маркса. Масовое пикетирование и прочая чушь — все это дело рук Райана. Трое из их товарищей руководят походными кухнями, в которых питаются забастовщики. Многие добровольно вызываются быть начальниками нарядов пикетчиков, а это не забава, потому что, какая бы ни была погода, надо обязательно быть на месте. Они привозят пищу и распространяют повсюду свою газетенку «Дэйли уоркер».

— Нельзя ли с кем-нибудь из них поговорить по-деловому?

— Попробуйте, — усмехнулся Батлер.

* * *

Райан сидел на деревянном табурете. Яркий свет от сильной электрической лампочки резал ему глаза. По обе его стороны стояли люди Кэрзона.

Начал Гелб. Уилсон и Норман отступили в сторону, и тень поглотила их. Кэрзон стал на краю освещенного круга.

— Здравствуйте, Райан, — небрежно произнес Гелб. — Давно хотел познакомиться с вами.

— А с черномазым тоже? — усмехнулся Кэрзон.

— Нет. Только с Райаном. Райан — прекрасный парень.

— А негр?

— Только Райан, только Динни Райан — прекрасный парень. Он мне нравится. Я его уважаю. Только и слышишь в Кларктоне, что о Динни Райане. Он большой человек здесь.

— Это вы, Гелб? — с едва заметной усмешкой произнес Райан. — Я люблю видеть того, с кем разговариваю.

— Он любит видеть, с кем разговаривает! — засмеялся Кэрзон. — Ей-богу, это мне нравится. Любит видеть, с кем разговаривает!

— Вас-то я вижу, Кэрзон, — произнес Райан. — Зрелище, не из приятных для утомленных глаз.

Гелб вошел в круг света, образованного на полу электрической лампочкой, и остановился, серьезно глядя на Райана. Затем спросил:

— Вы честный человек, Райан?

— Еще у матери мелочь воровал. С того и начал.

— Я задаю прямой вопрос, Райан, и хочу получить прямой ответ. Если вы слишком горды, чтобы подработать лишний доллар, то будем разговаривать по-другому.

— О, я гордец! Ведь Райаны — потомки королей, не слышали разве?

— У него есть чувство юмора, — произнес Кэрзон.

— Мне приходилось встречать красных, которых не удавалось купить, — медленно проговорил Гелб. — Вы не из таких?

— Я же говорю, что я из королевского рода. Денег у меня куры не клюют.

— Вы сопляк, — неторопливо произнес Гелб, — такой же, как и все ваши приятели. Нам не нужны ваши песни, Райан. Оставьте их при себе. О вас и этом негре Джое Рэй, которого мы захватили вместе с вами, нам все известно. Все, понимаете? И если вы не хотите разговаривать по-человечески, тогда вами займется Кэрзон.

— Что вам от меня нужно?

— Вот здесь бумажка, коротенькое письмецо, рассказывающее о том, как вы и ваши товарищи ради политических махинаций вашей партии подстрекали рабочих начать забастовку. В письме названы кое-какие имена. Это письмо не будет использовано, если для этого не будет необходимости, но такой необходимости я не предвижу. Даю вам в этом честное слово. Я хочу, чтобы вы подписали это заявление. Мистер Лоуэлл согласен заплатить вам две тысячи долларов.

— Это ниже существующих цен, — сказал Райан. — Я знал одного журналиста, цена которому была не больше четвертака, но он продался Херсту и тем самым обеспечил себя и свою семью на весь остаток жизни. Но то журналист! Для рабочей скотинки, вроде меня, двух тысяч это, конечно, чертовски много!

— Не произносите речей. Вы не на митинге, — тихо проговорил Гелб с едва сдерживаемой злобой. — Скажите только — да или нет, Райан? Вот и все, что я от вас хочу, — да или нет!

— Беда в том, Гелб, что вы отстали от жизни. И Лоуэлл этого не знает. Иначе он не нанял бы вас. Вы все еще живете тридцать седьмым годом, но теперь не тридцать седьмой... Теперь стачки не срывают силой... Все меняется, не меняется лишь такой негодяй, как вы, Гелб!..

Кэрзон ударил его по лицу, и Райан повалился на пол вместе с табуретом, на котором сидел. Полицейские поставили табурет на место и подняли Райана. Райан затряс головой, пытаясь выплюнуть выбитый зуб, повисший на обрывке десны. Верхняя губа у него была рассечена и уже начала распухать. Тонкая черная струйка крови стекала из угла рта.

— Он прекрасный парень, — произнес Гелб.

— Безусловно, — усмехнулся Кэрзон. — И храбрый к тому же. Ему ничто так не нравится, как небольшая взбучка.

— Может быть, он хочет мира, тишины, покоя и комфорта, — сказал Гелб. — Он ведь семейный человек. Пятеро детей. Семейный человек устает от взбучек. Он хочет мира и покоя. Райан считает, что я отстал от жизни, но возможно, что это он отстал. Вы ему слишком испортили лицо, — продолжал Гелб, обращаясь к Кэрзону. — Он и так не очень-то красив, почему же вы решили вовсе обезобразить его, Джек?

— Больше не буду бить по лицу, — улыбнулся Кэрзон.

— Не надо больше. — Тон Гелба в отношении Райана был проницательным и льстивым. — Ну, так как же, Дanni?.. Мне самому все это не нравится...

— Убирайтесь к чорту!

На этот раз Кэрзон со всего размаха ударил его в живот, и Райан вместе с табуреткой с грохотом вновь покатылся за конус света в темноту.

Полицейские поставили на место табурет и усадили Райана. Он весь склонился, с трудом глотая воздух широко раскрытым ртом, хватаясь руками за живот. Выбитый зуб свисал изо рта на обрывке розовой десны.

— Он молодец! — сказал Гелб. — Красавец хоть куда!

— Мне он нравится, — улыбнулся Кэрзон. — Хотя негр и покрупнее, но мне нравится Райан.

Гелб бросил через плечо:

— Обратите внимание, Норман. Райан — человек принципиальный. Я предлагаю ему две тысячи долларов, но он гордый человек. Коммунисты — очень гордые люди. Когда я вежливо задаю ему вопрос, он посылает меня к чорту. Слишком уж много гордости для паршивого ирландского оборванца!

— Он любит, когда его бьют! — хихикнул Кэрзон. — Любит!

— В его воле прекратить это избивание. Пусть подумает. Ведь когда откроется завод, и он и его друзья останутся без работы. Пусть задумается над тем, какое будущее ждет его в Клэрктоне. Взвесил бы это он — и избежал бы побоев и деньги заработал.

Райан отдышался. Он стянул зуб и поглядел, как он упал — сперва к нему на колени, а затем соскользнул на пол.

— Ну, погеройствовали, и хватит, — вздохнул Гелб. — Теперь давайте перейдем к делу, Райан. Я расцениваю дела в долларах и центах. Что вы на это скажете? — Его голос снова изменился. — У вас жена и дети, Райан. Куда заведет вас ваше упрямство? Подумайте об этом здраво! У вас всего одна жизнь, и нежелая вы хотите испортить ее чертовски?! Не упрямитесь! Легче смотрите на вещи. Мы сумеем договориться с мистером Лоуэллом. Он хочет быть справедливым. Я хочу быть справедливым. И вовсе нет нужды доходить до таких крайностей. Никакой нужды! Что бы вы ни думали обо мне, Райан, что бы вы ни слышали обо мне, я честно скажу, что ненавижу жестокость, и искренне сожалею, когда необходимость заставляет прибегать к ней. Я люблю действительность, эффективность. Вот почему я преклоняюсь перед вами. Я не слушаю того, что про вас болтают всякие глупцы. Я искренне преклоняюсь перед такими людьми, как вы. Вот почему я назвал сумму в две тысячи долларов. Вот почему я назначил справедливую цену.

— Проклятая, грязная сволочь! — сказал ему Райан.

Фредди Батлер жил на углу Черри-стрит и Третьего авеню, в двух кварталах на восток от Оук-стрит и в трех кварталах от штаб-квартиры профсоюза. Батлер просил Кэрзона подвезти его только до Второй авеню. По дороге они не сказали друг другу ни слова, и Батлер, с пятьюстами долларов в кармане и гложущей горечью на сердце, подумал: «К чорту мерзавцев! К чорту их всех, сволочей!» Он почувствовал себя обманутым, одиноким и жалким. Когда-нибудь, недоброй ночью, он будет вынужден снимать с насиженного места свою семью и, укладывая скудный скарб, выслушивать жалобы жены, скрывая от нее истинные причины происходящего, а затем на пронизывающем холоде ждать, ждать, ждать товарного поезда. Эта представившаяся ему картина была не из ободряющих. В эту минуту, как это бывало и прежде, им овладела мысль бросить жену, детей одних, бежать с полученными за предательство деньгами и самому пробиваться в жизни. Но, как и много раз прежде, он отверг эту мысль. Некогда это влекло его — выйти на дорогу, переезжать из города в город, обладать правом поступать на работу или бросать ее, когда заблагорассудится. Однако такой жизни была необходима молодость, а он был уже далеко не молод. Сила и энергия оставили его, и семья была его единственным спасением. Батлер хорошо понимал, что без нее он опустится на самое дно, превратится в бездельника, слабого, грязного бродягу...

Он сунул руки в карманы и зашагал по спящему городу, сквозь холодную, молчаливую, лунную ночь, прислушиваясь к отдаленному одинокому зову поезда и сумрачному лаю собак какого-то фермера.

Он поворачивал за угол Третьей авеню, когда послышался мягкий голос:

— Алло, Фредди! Довольно поздно для семейного человека ты возвращаешься домой... — Голос был не угрожающий и не гневный, но мягкий и приветливый.

Батлер, подавленный страхом, резко остановился. «Вот оно!» — подумал он... Он мог бежать, скрыться, закричать, но «это» надвигалось на него все последние годы, и в том, чтобы бежать, не было смысла.

— Кто это? — спросил он.

Это был Джой Рэй, здоровенный негр, который вышел из подъезда магазина, где он стоял, скрываясь от резких порывов ветра. Скаля белые зубы под распухшими губами, исковерканными кулаками Кэрзона, он повторил:

— Алло, Фредди!

Держа руки в карманах синей матросской двубортной куртки, с шерстяной вязаной шапочкой на макушке, он спросил своим мягким голосом:

— Гуляешь?

— Сыграл партию на бильярде. — Батлер улыбнулся и добавил: — Нервы!.. Вышел купить сигару и сыграл партию на бильярде.

— Где? — поинтересовался Рэй.

— В заведении у Бени.

— Я заходил к Бени, думал, что встречу тебя там.

— Должно быть, я выхолил в этот момент, — прямо глядя негру в глаза, соврал Батлер. — Тебе следовало бы отдохнуть, Рэй. Они здорово избili тебя.

— Да, они излупили меня по всем правилам, — усмехаясь, произнес Джой Рэй. — Чертовски излупили. Бог мой, белые люди умеют бить здорово...

Он приподнял брови так, что Батлер поежился.

— Холодно?

Батлер утвердительно кивнул, и Рэй сказал:

— Войди в подъезд, спрячься от ветра. Ветер режет, словно бритва.

Батлер вошел в подъезд.

— Сигарету?

Батлер взял сигарету, но его руки дрожали, и дважды у него гас огонь. Рэй чиркнул спичкой и держал ее в сложенных ладонях, где она горела, словно свеча.

— Корабельный трюк, — усмехнулся негр. — Когда я вышел в море первый раз, это заняло у меня шесть недель, пока я научился зажигать спичку и держать ее так, на ветру. Полезная штука. Ты, наверно, и не знала, что я плавал, а, Фредди?
Батлер покачал головой.

— Я побродил порядочно, — продолжал Джой Рэй. — Бог мой, где я только не был! И на автозаводе работал, и на сталелитейном, и моряком был, и даже упаковщиком в Омахе некоторое время. Вот это место, так место, Омаха! Ну и места же есть в этих Соединенных Штатах, куда может попасть человек в поисках работы, чтобы было чем брюхо набить. Но это было в недобрые старые времена...

— Мне пора домой, — сказал Батлер. — На расвете ведь надо идти в пикет...

— Ты не забьешься о пикете, — улыбнулся Джой Рэй. — Давно ли ты в партии, Фредди?

— Всего несколько месяцев. Ты же знаешь, когда я вступил.

— Интересно, очень интересно. Мне кажется, что очень-очень давно я знал кого-то похожего на тебя, то ли в Охайо, то ли в Калифорнии, или еще где-то. Возможно, конечно, что это был кто-то другой, ведь я так давно в партии и столько людей встречал за это время! Я очень давно в партии, Батлер. Пятнадцать лет будет весной. Это довольно большой срок.

— Да, срок порядочный, — согласился Батлер.

— Знаешь, как я вступил? Это тоже забавная история! Мой отец был издольщиком в Миссисипи. Нагружает он однажды полную тележку хлопка, и едем мы вместе с ним на хлопкоочистилку. Самую последнюю партию хлопка сдавать везем. Приезжаем. Идет отец к главному хозяину все уладить и возвращается, и говорит мне: «Честное слово, Джой, я получил ровно семьдесят пять центов», и вот так протягивает мне эти деньги на ладони, деньги за свою работу, за весь сезон!.. Нам надо было привезти для мамы да для двух моих маленьких сестренок всяких разностей, но мы ничего не могли привезти, — только эти семьдесят пять центов, которые отец держит на ладони. Так и стоит он, и вдруг начинает плакать, а мне кажется, что сердце у меня вот-вот разорвется. Тогда я говорю ему: «Не плачь, папа. Езжай домой». — «Что ты хочешь сделать?» — спрашивает он. Я ему говорю: «Не плачь и не беспокойся. Езжай домой». Потом я иду в помещение и даю тому белому боссу такую трепку, какой он в жизни не видывал. Там было двое других белых, и это им не понравилось, так что мне пришлось и им тоже всыпать. Потом я выхожу наружу, а отец все еще там, плачет и говорит мне: «Боже мой, боже мой, будь милосерд!.. Что ты наделал?!» — «Я отстегал этих белых людей», говорю я. Тогда он сажает меня на тележку и везет в город, всю дорогу без передышки погоняя мулов. Меня спрятали у тети под домом, и я сижу там два дня и две ночи пока обшаривают весь проклятый округ, разыскивая меня. Затем я вскакиваю на товарный поезд — и был таков... Больше я никогда не возвращался в Миссисипи.

Батлер начал овладевать собой. Он отшвырнул окурок на тротуар и сказал:

— Иди домой, Фред Батлер... и сейчас же убирайся отсюда!

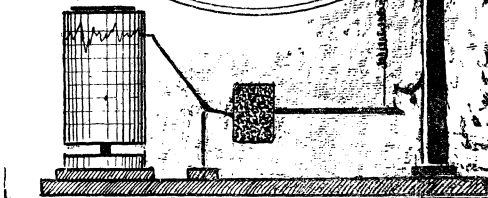
— Ну, Джой, мне пора.

— Конечно, конечно. Я только хотел рассказать тебе, как я вступил в партию, вот и все. Итак, два-три года я шлялся повсюду, выполнял черную, негритянскую работу: чистил уборные, подметал бары, чистил обувь, мыл посуду... А потом даже такой работы не стало. Никакой работы нельзя было достать, совершенно никакой. Все это время у меня в сердце была ненависть к белым людям, ненависть, которая гноилась, как чирей, растекалась из сердца по всему телу и превращала меня из человека в животное. Затем я попал в Питтсбург, а в тридцать первом это был очень дрянной город. Там я встретился с одним белым парнем, который пытался организовать безработных. Он угостил меня завтраком. Никогда прежде не решался я есть вместе с белыми, но в тот день я был чертовски голоден... Мы идем в ресторан, а нас хотят вышвырнуть отсюда, но он устраивает чертовский скандал, этот белый парень, вступившись за меня. Мы кончаем в кутузке, но на следующий день нас выбрасывают отсюда, — так была переполнена кутузка... Белый парень говорит мне, что будет демонстрация, и я иду вместе с ним, но сам держусь все время на-чеху, все еще не доверяю ему. Но он относится ко мне так, как ни один белый не относился до этого. На демонстрации мы идем с флагами, лозунгами, призывающими к солидарности, — тысяч сорок-пятьдесят человек наверно. И на нас налетают полицейские, и я еще плохо ворожаю мозгами, получаю страшную трепку, и — опять в кутузку. Тот же самый белый парень приходит ко мне с адвокатами, и после того, как полицейские еще разок избивают меня, меня отпускают. Я все еще слежу за парнем в оба, не верю ему, белому, но мало-помалу он заставляет меня изменить отношение к нему. Он учит меня. В жизни я ни одного дня не был в школе, но он учит меня, и понемногу я начинаю понимать, почему дела обстоят так, как они обстоят, и вместо жизни в мире ненависти и убийства я приобрел брата в каждом трудящемся человеке. Я начинаю понимать, что ненависть к черным является орудием в руках дурных людей, и понимаю, что за несчастный глупец тот, кто позволяет использовать себя в качестве этого орудия. Затем я вступил в партию. Это было пятнадцать лет назад, и теперь партия — это моя мать, и моя сестра, и мой брат, и вся моя жизнь, потому что никто из людей не святой, и есть хорошие люди и плохие люди, но в партии — все люди братья, и я видел белых и черных, которые пожинали руки друг другу и умирали друг за друга тоже...

Он глубоко перевел дыхание и затем продолжал:

— Я говорю тебе все это, Фредди, чтобы ты знал, почему я не убиваю тебя. В этом нет никакого смысла, — тихо, почти грустно произнес он. — Нет никакого смысла в том, чтобы стереть маленькое пятнышко грязи. Это даст удовлетворение только мне, и все, а я могу прожить и без удовлетворения такого рода. — Он расправил свою огромную ладонь. — Я могу свернуть тебе шею, как курице, но что из этого?.. Ничего хорошего из этого не выйдет. Иди домой, Фред Батлер. Собери жену и малышей — да поможет им бог! — и сейчас же убирайся отсюда! И никогда не возвращайся обратно!..

Перевод с английского Юрия Смирнова

Подземная стихия

Проф. В. Ф. БОНЧОВСКИЙ, Г. АЛОВА

1. КАРТА ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ

На стене огромного зала, освещенного люминисцентными лампами, висит карта Советского Союза. Она не похожа ни на физическую, ни на политическую карту. Нет на ней зеленых, голубых и коричневых тонов, которые так привычны нашему глазу. Местами карта расцветена желтыми и розовыми пятнами. Они покрывают территорию Кавказа, переходят на Крымский полуостров, тянутся вдоль побережья Тихого океана, до страны вулканов — Камчатки. Среди желтых и розовых пятен, кое-где виднеются и красные. Первые цвета указывают на районы пятибальных и шестибальных, малоощутимых землетрясений. Желтые и розовые пятна охватывают широким кольцом озеро Байкал, окружают сибирские города — Усть-Каменск, Новосибирск, Минусинск. Бледно отсвечивают и там, где проходит гряда Уральских гор. Значит, и здесь еще не совсем успокоились подземные могучие силы, воздвигавшие горные хребты.

Большая часть территории СССР не знает землетрясений, или, как говорится, безопасно в сейсмическом отношении. Но некоторые восточные и южные районы, например, побережье Тихого океана и Средняя Азия, испытывают подземные толчки, при которых колебания почвы достигают

иногда большой силы. Карта сейсмичности рассказывает и об этом. Для того чтобы узнать районы семибальных, восьмибальных и более сильных землетрясений, достаточно взглянуть на карту. В этих районах розовый цвет переходит в красный и сгущается до темнокрасного.

Карта сейсмичности Советского Союза, созданная десять лет назад, — гордость советских ученых. В ней отразились все достижения русской геофизики и сейсмологии, которые занимали ведущее место в мировой науке еще со времен Михайлы Васильевича Ломоносова.

Далеко опережая зарубежную науку, этот гениальный русский ученый рассматривал землетрясения как действие внутренних сил Земли. В своих работах он указывал районы, где преимущественно происходят землетрясения, и подчеркивал, что это явление особенно частое в горных странах. Значит, и Ломоносов еще в те годы связывал землетрясения с тектоническими процессами, то есть процессами горообразования.

Рядом русских ученых, начиная от Орлова и кончая Мушкетовым, Вебером, Вознесенским и многими другими, созданы крупнейшие научные труды, посвященные исследованию причин землетрясений.

Отечественная сейсмология получила еще большее развитие в работах академика Голицына. Этот крупней-

ший ученый, живший в конце прошлого и начале настоящего столетия, стал основоположником физической сейсмологии в России. Он основал в нашей стране сеть сейсмических станций, на которых с помощью специальных приборов — сейсмографов — изучаются явления, протекающие в недрах Земли. Сейсмические станции также показаны на карте. За годы советской власти количество этих научных очагов значительно возросло. Сейсмические станции построены в Крыму, на Кавказе и в Средней Азии.

Сейсмические станции Советского Союза регистрируют землетрясения, происходящие не только на территории нашей страны, но и во всем мире. В какой бы точке земного шара ни возникли подземные толчки, их мгновенно «услышат» точные и чувствительные приборы, первым конструктором которых был академик Голицын — выдающийся ученый-физик, конструктор и экспериментатор. И поныне на сейсмических станциях всего мира работают сейсмографы Голицына.

На карте землетрясений также эпицентры — точки, под которыми в глубоких недрах скрыты очаги землетрясений, тающиеся в глубоких недрах.

Метод определения этих подземных очагов также разработан и впервые предложен академиком Голицыным.

Во время землетрясений в подземных слоях возникают колебания огромной силы. Они распространяются через толщи пород в виде различного рода упругих волн. По их скорости и направлению определяется географическое положение эпицентра.

Карта сейсмичности Советского Союза вобрала в себя весь ценный опыт, накопленный русскими учеными до Великой Октябрьской революции, и все достижения советской науки, которая за истекшие десятилетия одержала ряд значительных побед. Изучая эту карту, можно с большей вероятностью предположить, в каких пунктах и с какой силой могут в будущем происходить землетрясения.

2. ЛИК ЗЕМЛИ

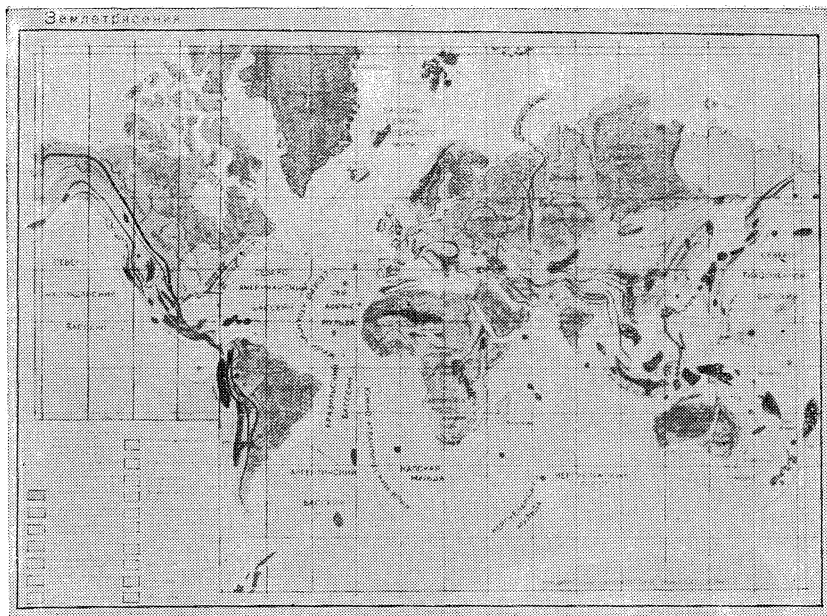
Внешний вид земной поверхности постоянно изменяется. Но эти изменения медленны. Правда, современная наука и точные приборы позволяют наблюдать влияние даже медленно действующих сил, которые изменяют лик Земли. Ветер и вода разрушают горные породы, уносят плодородную почву с полей, незащищенных лесами, отлагают грунт в новых местах. Ни на миг не прекращается работа волн, борьба между сушей и водой. Волны морей и океанов размывают сушу, разрушают берега и в то же время возводят песчаные острова, отмели и косы.

Если результат работы этих сил становится видимым через длительные промежутки времени, которые иногда измеряются целыми геологическими периодами, то землетрясение вызывает мгновенные изменения. Очень часто результаты мощных подземных толчков отражаются на поверхности так рельефно, что их нельзя не заметить. Мы сталкиваемся с разломами, повышениями и понижениями поверхности, перемещениями огромных масс горных пород. Например, как сообщают газеты, в результате июньского землетрясения 1948 года, гора, находящаяся западнее города Фукуи, в центральной части Японии, передвинулась больше чем на метр, а равнина опустилась приблизительно на полметра.

Бывает и так, что работа подземных сил не отражается на поверхности, остается скрытой в земной коре или в еще более глубоких подкорковых слоях. Этого, конечно, увидеть нельзя. Но обо всех изменениях, скрытых от человеческого глаза, рассказывают наши лучшие помощники — приборы.

За последние тридцать лет советские геофизики и сейсмологи наряду с изучением отдельных землетрясений обогатили отечественную науку многими первоклассными работами в области упругих колебаний и получили новые данные о строении земного шара.

Наша планета состоит из ряда концентрических слоев. Толщина верхнего слоя — земной коры — 30 — 60 километров. Под ним лежит подкорковая материя, глубину которой

Карта землетрясений.

считают простирающейся до трех тысяч километров. Удельный вес ее пород почти в два раза выше пород земной коры. Третий слой доходит до центра земного ядра. Радиус его, по видимому, больше половины радиуса всего земного шара.

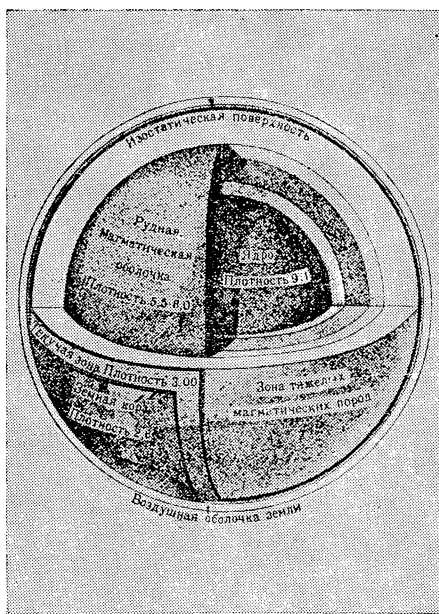
По современным научным представлениям, ядро нашей планеты обладает свойствами жидкости или газа, ибо оно не пропускает через себя поперечные сейсмические волны, которые могут распространяться только в телах твердых.

Некоторые данные позволяют судить о физических условиях, господствующих на этой огромной глубине. Возможно, что температура в ядре

достигает двух-трех тысяч градусов, а давление колеблется между 1,5 и 4 миллионами атмосфер. При этих условиях вещество в ядре не может иметь того «вида», с которым мы привыкли сталкиваться на земной поверхности или на сравнительно небольшой глубине. Обычно мы видим остывшее вещество, облеченное в форму устойчивых элементов, в основе которого лежат молекулы, атомы и заключенные в них электроны. Эти «кирпичи мироздания» сложены в стройную систему, для нарушения которой необходимы колоссальные усилия.

В ядре Земли, по видимому, господствуют такие условия, при которых возможен самопроизвольный распад сложных элементов на простейшие, а простейших — на свободные заряды. Распад молекул и атомов должен сопровождаться выделением колоссальных количеств энергии — света, тепла и других не менее мощных излучений.

Процессы, происходящие в верхних слоях Земли, в ее коре вызывают чаще всего постоянные и очень медленные пластические перемещения вещества. А это ведет к разнообразным нарушениям земной коры. Горные породы морщатся, сбегаются в складки. Поднятия и опускания вызывают разрывы. При подобных процессах в толще Земли накапливаются напряжения. Достигнув огромной силы, они разрывают слои пород. Эти явления, сопровождающие процессы горообразования, вызывают сотрясения земных масс. Так возникают землетрясения. Чаще всего они бывают в тех районах, где горные хребты формировались в сравнительно недавние геологические эпохи. На территории Советского Союза землетрясения наблюдаются, например, в районах таких молодых гор, как Тянь-Шань, Памир и Копет-Дар.

Карта строения земного шара.

3. СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ

Землетрясения, наводнения и другие явления природы, вызывающие катастрофы, называются стихийными бедствиями. На всем земном шаре за год происходит до десяти тысяч ощутимых землетрясений. Подавляющее их большинство относится к категории слабых. Только некоторая, весьма небольшая часть сопровождается разрушениями. Особенно тяжелыми по своим последствиям являются землетрясения в ночное время.

Землетрясения большой силы особенно часты в Японии, Индии, Греции, Италии и в некоторых государствах Южной Америки. На протяжении последних восьмидесяти лет в результате подземных толчков и колебаний земной поверхности были почти полностью разрушены такие крупные города, как Лиссабон, Сан-Франциско, Мессина, Токио. Во время крупного июньского землетрясения в Японии в 1948 году большая часть префектур Фукуи и Исикава, в том числе город Фукуи, который насчитывал около 85 тысяч жителей, была опустошена.

Частые подземные толчки наблюдаются и на некоторой части территории СССР. В Таджикистане, например, сейсмические станции регистрируют за год по несколько десятков и даже больше землетрясений. На долю этой горной страны приходится более половины землетрясений, наблюдаемых в Средней Азии.

Гораздо реже бывают такие колебания почвы на территории Туркмении. За последние семьдесят три года там было отмечено всего около 140 заметных подземных толчков, причем большая их часть не причинила сколько-нибудь существенного вреда.

Весьма опасным было так называемое Кучанское землетрясение 1893 года, за которым через двадцать шесть месяцев последовало второе Кучанское землетрясение. Еще через полгода произошло сильное Красноводское землетрясение, а через тридцать четыре года — первое Ашхабадское.

Во время этих бедствий особенно пострадало население соседнего Ирана. Даже во время первого Ашхабадского землетрясения, бывшего в 1929 году, толчки особой силы наблюдались не на территории этого города, а за много километров от него, в городах Ирана — Кефане, Рабате и других населенных пунктах. В Ашхабаде было значительно меньше разрушений.

Среди этих землетрясений ни одно, однако, не может быть сравнено с недавним стихийным бедствием, которое постигло Советскую Туркмению — цветущую, солнечную республику нашего Союза. Это стихийное бедствие унесло много человеческих жизней и разрушило большую часть зданий в столице республики — городе Ашхабаде.

В ночь с пятого на шестое октября 1948 года, в двадцать три часа семнадцать минут пять секунд, сейсмическая станция «Москва» Геофизического института Академии наук СССР зарегистрировала первый толчок от землетрясения. Смещение почвы было мгновенным, без предварительных толчков. В ту же ночь сейсмические станции Свердловска, Иркутска, Ташкента, Владивостока, Тбилиси, Еревана, Сталинабада, Алма-Аты, Фрунзе, Анджана, Самарканда и других городов тоже зарегистрировали землетрясение большой силы.

Эпицентр этого землетрясения расположен всего в нескольких десятках километров к юго-востоку от столицы Туркмении, в предгорьях Копет-Дага. В пределах этого хребта находятся почти все эпицентры прежних землетрясений, наблюдавшихся в северном Иране и захватывавших территорию Туркменистана.

Сила последнего землетрясения была так велика, что в Москве, в двух с половиной тысячах километров от эпицентра, смещение почвы достигло 0,4 миллиметра. Сильные колебания почвы были отмечены и остальными сейсмическими станциями Союза.

Чем же объясняется постоянное географическое положение эпицентров северо-иранских землетрясений?

Копет-Даг относится к так называемым молодым горным системам, формирование которых еще не закончилось. И в наше время там продолжают процессы горообразования, которые вызывают неравномерное поднятие и опускание частей горного хребта, усложняющих структуру и ведущих к дальнейшему росту. Все эти факторы вызывают сотрясение земных масс.

4. РАССКАЗЫ СЕЙСМИЧЕСКИХ ВОЛН

Советское правительство тратит большие средства на содержание научных экспедиций, в том числе и сейсмологических. Геофизики, сейсмологи, геодезисты и многие дру-

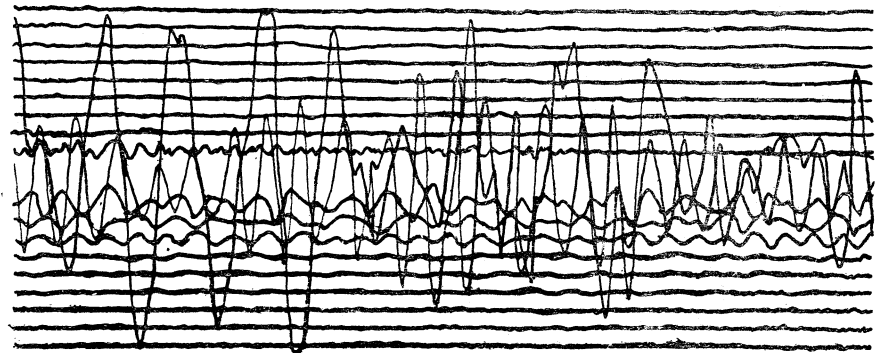
гие ученые и инженеры различных специальностей, вооруженные знаниями, точными приборами и инструментами, ежегодно отправляются в наиболее характерные сейсмические районы, где наблюдаются медленные движения земной коры, пристально изучают механизм землетрясений. Наши отечественные приборы с исключительной точностью записывают показания сейсмических волн. При этом некоторые из волн достигают земного ядра и возвращаются на поверхность. На основании показаний сейсмических волн получены новые данные о географическом распределении землетрясений и глубине подземных очагов.

В некоторых местах очаги землетрясений располагаются вдоль определенных наклонных поверхностей, уходящих в глубь земли и являющихся границами различных структурных элементов. Вообще же очаги подземных землетрясений лежат на самых различных глубинах.

Горообразовательные процессы протекают в земной коре на глубинах, не превышающих 50—80 километров. Совсем еще недавно наука не знала более глубоких очагов землетрясений. Но, расшифровывая показания сейсмических волн, ученые установили, что очаги землетрясений могут находиться и значительно глубже — в 100, 120 и даже 700 километрах от поверхности планеты.

Причины возникновения таких глубоких очагов еще неизвестны. Разгадка этого явления — одна из самых интересных задач современной геофизики. Характерно, что очаги глубоких землетрясений располагаются по берегам Тихого океана, этого гигантского, заполненного водой углубления, равного которому нет на нашей планете. За последние годы найдена еще одна группа глубоких очагов — в Северном Афганистане.

Сейсмические волны, проходящие через дно Тихого океана, сообщают сведения, на основании которых наука делает свои выводы. Судя по показаниям сейсмических волн, они проходят через дно этого океана с такой же скоростью, как и сквозь подкоровую матерью. Таким образом, можно предположить, что дно

Сейсмограмма землетрясения на острове Целебес, происшедшего 19 мая 1945 года в 20 часов по московскому времени. Его зарегистрировала Пулковская сейсмическая станция. Эпицентр землетрясения находился на глубине 80 километров. Расстояние от Пулкова до острова Целебес 10 тысяч километров.

Тихого океана — это поверхность остывшей магмы, которая близко подошла к земной поверхности. Очаги глубоких землетрясений располагаются на некоторых плоскостях, которые, повидимому, связаны с разломами в вышележащей земной коре. При скольжении земных масс по таким плоскостям и возникают землетрясения.

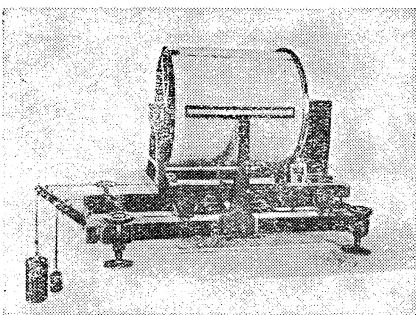
Отечественные приборы записывают показания сейсмических волн. Расшифровывая их, ученые изучают характер и причину землетрясений, происходящих на огромной глубине, недоступной человеку. Показания приборов позволяют изучить и строение земного шара.

5. СЕЙСМОСТОЙКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

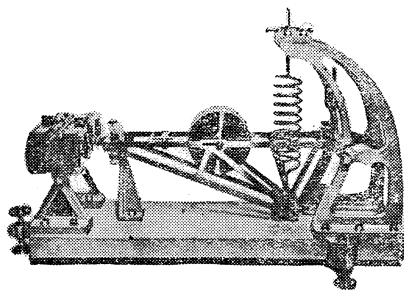
Советские ученые много и плодотворно работают в области изучения механизма землетрясений, борются за ослабление их последствий. Кроме карты сейсмичности, с помощью которой можно с некоторой точностью заранее определить, где может возникнуть землетрясение, в сейсмических районах строятся здания особой конструкции, которые должны устоять при колебаниях почвы.

Конечно, выявление районов, подвергающихся землетрясениям различной силы, — дело очень сложное. Но сейчас проблема сейсмического районирования в основном уже решена.

В нашей стране ни одна организация не может приступить к строительству без справки о сейсмичности района, в котором намечено строить. Опыт прошлых землетрясений, бывших в данном сейсмическом районе, учитывается при каждом новом строительстве. Во время второго Ашхабадского землетрясения некоторые здания, построенные с учетом колебаний определенной силы, выдержали мощные подземные толчки. Массивные каменные дома, высотой в два-три этажа, разрушались меньше. Сохранились и цилиндрические строения. Характерно, что самое высокое здание в Ашхабаде — гигантская башня элеватора — уцелело. Другая же часть элеватора — прямоугольное здание,

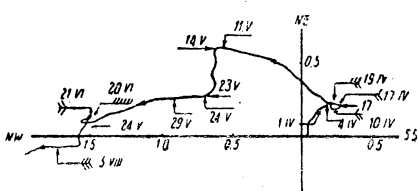
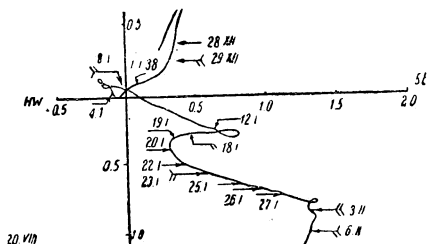

Барaban регистрирующего аппарата с сейсмограммой.

Сейсмограф системы Гольдина.

хотя и не разрушилось, но наклонилось набок. Не разрушились и многие другие дома цилиндрической формы, сложенные из саманных кир-

Клинограмма. В тех местах, где наблюдались «Бури наклонов», выразившиеся на клинограмме в виде петель, происходил ряд землетрясений.

пичей. Менее подвергались разрушению и дома с сейсмостойкими конструкциями — железобетонными поясами или специальными металлическими креплениями. Такие же здания, но построенные без учета сейсмостойких норм, пострадали в гораздо большей степени.

Ашхабад будет восстановлен в самые короткие сроки. Со всех концов нашей страны — из Москвы, Ленинграда и братских республик — в пострадавший от стихийного бедствия город идут эшелоны с материалами, оборудованием, механизмами. Строители возведут новые здания, построят их по последнему слову техники, с учетом новых норм. В основу нового строительства будет положено изучение зданий, устоявших во время этого короткого, но сильнейшего землетрясения.

6. ИЗУЧЕНИЕ МЕХАНИЗМА ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ

Землетрясение — очень сложное явление. Поэтому работа советских ученых-сейсмологов сопряжена со значительными трудностями. Особо важной проблемой сейсмологии

является прогноз землетрясений. Эту задачу ставили перед собой и зарубежные ученые, но ни одна из их попыток не увенчалась существенным успехом.

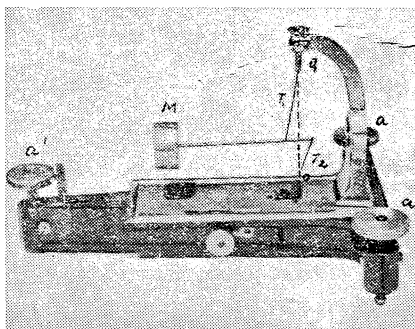
Чтобы прийти к ясным выводам, нужно разгадать механизм землетрясений, полностью выяснить порождающие его причины. Только знание факторов, вызывающих это явление, превращающееся иногда в стихийное бедствие, позволит заранее указывать место и время подземных толчков и, следовательно, принимать меры для предупреждения разрушений, увечья и гибели людей.

Для изучения предвестников землетрясений в Советском Союзе применяется метод исследования наклонов земной поверхности, возникающих в процессе горообразования. Но для того чтобы получить данные о внутренних процессах, надо исключить из записи приборов ту часть, которая зависит от внешних явлений природы.

Современная геофизика располагает приборами — наклономерами — которые фиксируют малейшие наклоны земной поверхности. При советской власти в ряде пунктов СССР сооружены наклономерные станции. Они действуют в Алма-Ате, Сталинабаде, Оби-Гарме, Самарканде, Кулябе и Ташкенте.

В районе Алма-Аты, где наблюдались землетрясения силой до девяти баллов, установили наклономер, который записывал все изменения наклонов земной поверхности. В результате обработки материалов наблюдений были зафиксированы изменения наклонов в виде весьма сложных движений перед землетрясениями происходящими где-либо в радиусе двухсот километров от места наблюдения наклонов. Этому явлению дано название «Бури наклонов», потому что наклоны земной поверхности в наблюдаемых точках сменяются часто и хаотично. Однако метод записи наклонов земной поверхности еще нельзя считать окончательно разработанным для практического применения. Разрабатывает я и другой метод, который основан на интересном явлении, обнаруженном советскими учеными.

Сейсмические волны проходят с различной скоростью через разные горные породы. Это их свойство широко используется в практике геолого-поисковых работ во всех странах.

Наклономер конструкции Бончковского.

РИСУНКИ НА СКАЛАХ

Археологические экспедиции сделали в 1948 году много важных и ценных в научном отношении находок.

В разных концах нашего великого Союза археологами были обнаружены в 1948 году однотипного характера рисунки на скалах, сделанные нашими далекими предками. О некоторых из таких находок (на горе Манхай в Восточной Сибири, в Кабристане и других) на страницах нашего журнала уже сообщалось. Большую ценность представляют и новые такого же рода открытия, сделанные нашими археологами летом и осенью 1948 года.

Замечательные рисунки, изображающие однорогого архара, дикого кабана, маралов с ветвистыми рогами и охотника с луком и стрелой, найдены на отвесной скале в Горном Алтае, недалеко от колхоза Дьяны-Дзель. Другой рисунок — горные олени и охотники — обнаружен в том же районе на скале близ села Каракол. Его относят к VII—VIII векам нашей эры.

Всего пока в горах Алтая найдено 20 таких «писанных скал».

Следы художественного творчества наших

народов в их глубоком прошлом обнаружены также в Бурят-Монголии на горе Бага-Зараа, в двух километрах от местности Биил, Джигжинского аймака. Один из отрядов Бурят-монгольской археологической экспедиции, возглавляемой профессором А. П. Окладниковым, нашел на горе Бага-Зараа свыше 150 «писаниц». На отдельных камнях этой своеобразной «картинной галереи» изображены козлы с круто загнутыми рогами, олени, лани, верблюды, кабаны, рыбы, целые сцены охоты. На одном из таких камней, в давно прошедшие времена свалившемся с вершины горы, высечен рисунок, изображающий магическую пляску охотника вокруг оленя. Другой рисунок изображает женщину в рогатом головном уборе. По своей тематике «писаницы» относятся к различным историческим периодам, начиная с бронзового века (рисунки, изображающие рыб).

Кроме рисунков, найденных на скалах Кабристана в Азербайджане (см. о них «Вокруг света» № 4 за 1948 год), там же на одной из вершин недавно обнаружена надпись, представляющая большой научный интерес. Надпись была найдена старейшим азербайджанским археологом Джафар-Зале, а затем подробно исследована группой ученых — историков, археологов,

латинистов. Общими усилиями эта полустершаяся надпись была прочитана.

На скале латинскими буквами, до 15 сантиметров высоты каждая, высечен полный титул третьего императора династии Флавиев (81—96 годы нашей эры) Домициана: «Имп. Домициан цезарь Август Германик Юлий Великий XII легион фул».

Из истории известно, что первым из римлян в Закавказье вторгся в 65 году до нашей эры полководец Помпей, дошедший до среднего течения Куры (район Мингечаура). Древние азербайджанцы оказали здесь римскому захватчику сильнейшее сопротивление и нанесли урон его войскам. До наших дней, однако, в Азербайджане еще не было найдено ни одного следа пребывания там римлян. Надпись, выбитая на скале Кабристана, — первый памятник такого рода. Ученые устанавливают значение этой надписи. Предполагается, что здесь, недалеко от родника, одного из немногих в этом районе, был раскинут лагерь XII римского легиона. О том, когда и при каких обстоятельствах он сюда попал, расскажут дальнейшие исследования, производящиеся советскими учеными.

(О к о н ч а н и е)

При сейсмическом методе в разведочной скважине производят взрыв, который возбуждает упругие волны. По скорости их прохождения судят и об особенностях окружающих пород. Было замечено, что помимо упругой волны после взрыва возникает и электрическое поле, которое бежит вперед и как бы указывает путь волне.

По аналогии такое же электрическое поле может находиться и впереди упругих волн, вызванных землетрясением. Значит, такое электрическое поле может быть зарегистрировано на станции наблюдения раньше самого землетрясения. В ближайшие годы предполагается использовать измерения звуков в земных недрах, а также исследование изменений упругих свойств горных пород перед землетрясениями для выявления признаков, для их прогноза.

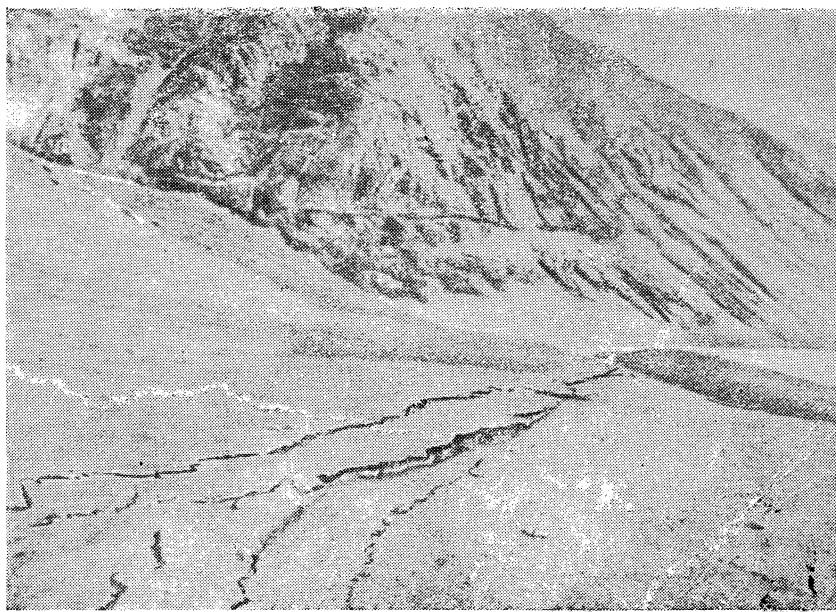
7. ЛАБОРАТОРИИ В СКАЛЕ

В строении Таджикистана — страны, в которой ежегодно регистрируется около ста землетрясений различной силы, огромную роль играют хребты и отроги Тянь-Шаня и Памира. В различных частях горного Таджикистана наблюдаются сжатия, подвижки, скольжения и сбросы горных пород.

На территории этой страны подземные очаги залегают на сравнительно небольшой глубине. Есть места, где они находятся приблизительно в десяти километрах от поверхности. Это обстоятельство делает территорию Таджикской ССР очень удобной для изучения землетрясений.

В Гармской области еще три года назад была создана сейсмическая станция, оборудованная новыми приборами, которые проявили отличные качества в прежних исследованиях. В этом году сейсмическая станция переходит из наземного помещения в подземное. В границе прорублена штольня — широкий коридор с семью комнатами-лабораториями. Постоянная температура, поддерживаемая в подземном помещении,

освободит показания приборов от посторонних влияний. В штольне будут установлены геофизические и сейсмические приборы. Комплексное изучение механизма землетрясения позволит советской науке заранее узнавать о пробуждении грозных подземных сил и предупреждать стихийные бедствия. К этому направлены совместные усилия советских ученых — геофизиков, геологов и сейсмологов.

Трещины в урочище Кугантур на стороне Занлейского Алатау.

У партизан Леванта

ХЕСУС ИСКАРАЙ

Рис. Л. Ройтера

Трижды преданный на протяжении всего лишь десяти лет, героический испанский народ со все нарастающей силой продолжает свою борьбу против кровавой диктатуры палача Франко.

Сердце каждого истинного испанца обливается кровью, когда он думает о подлой роли, которую играют англо-саксонские империалисты по отношению к его родине.

В 1936 году англо-саксонские дипломаты, лицемерно спрятавшись за щит политики невмешательства, отдали на растерзание германо-итальянским фашистским стервятникам молодую Испанскую республику, завоеванную народом-мучеником ценой долгой борьбы и обильной крови.

Протесты советского народа против наглого вторжения в Испанию германо-итальянских войск не остановили предателей. Перед глазами возмущенного мира совершилось невиданное по своему цинизму надругательство над правами целого народа.

Но испанский народ после трехлетней неравной борьбы за свою свободу не покорился диктатору, посаженному на престол силой иностранных штыков. Народ ушел в горы и начал борьбу, несмотря на пытки и виселицы.

Во время второй мировой войны франкистская Испания, под маской нейтралитета, воюет на стороне Гитлера, посылая свои войска на советский фронт, предоставив в распоряжение фашистского главаря все ресурсы Испании.

Все честные испанцы-республиканцы, где бы их ни застала война, вступили в армию Объединенных наций, будучи уверены, что с разгромом фашистской Германии ненавистная народу кровавая диктатура, лишившись опоры извне, не продержится и одной недели. Это было ясно и самому Франко. В страхе перед гневом народа он заранее позаботился о новом хозяине, обратившись с письмом к господину Черчиллю. Бывший премьер-министр Англии и нынешний главный поджигатель новой войны охотно пошел на сделку. Черчилль смеялся Гитлера!

Народ усилит свою борьбу внутри страны, добиваясь одновременно перед ООН действенных мер, которые помогли бы восстановить уничтоженную фашизмом республику.

Но англо-американские империалисты решают окончательно, что Франко их кровный брат по борьбе с демократией. Вместо разрыва дипломатических отношений с Франко (за что они были вынуждены голосовать под напором мирового общественного мнения в организации Объединенных наций) новоявленные муды, напротив, стали делать все, чтобы сохранить франкистский режим, укрепить его и

использовать в своих агрессивных целях. Экономические сделки с Франко, торговля с фашистским диктатором стали обычным явлением, несмотря на протесты демократов всего мира. Но этого мало для империалистов США. И они посылают Франко оружие. Посылают танки, самолеты, пушки, чтобы убивать испанский народ, который вот уже больше десяти лет Франко не может усмирить.

Десять лет хозяйничанья фалангистов принесли неслыханные страдания испанским трудящимся. Стоимость жизни в стране по сравнению с 1936 годом возросла на 900 процентов. Нищенскую зарплату, голодный паек, непрерывный рост безработицы несет франкистский режим испанскому рабочему. Поборы и реквизиции, нищету и безземелье несет Франко крестьянам. Но жестокий фалангистский режим не сломил воли испанского народа к сопротивлению.

Несмотря на все усилия Франко и на щедрую помощь его новых хозяев, вооруженная борьба испанского народа внутри страны приняла в настоящее время мощный размах. Руководство освободительной борьбой теперь берут в свои руки те, кто сражается с оружием в руках, — сами партизаны. Чтобы объединить всех, кому ненавистен режим Франко, партизаны Леванта и Арагона обратились ко всем испанцам с призывом к объединению, к сплочению всех сил для борьбы за республику.

Этот призыв явится переломным моментом в развитии борьбы испанского народа.

Первой горячо откликнулась на этот призыв коммунистическая партия Испании, единственная партия испанского народа, решительно и последовательно борющаяся против франкистского режима. Свой ответ на призыв партизан Леванта и Арагона генеральный секретарь коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури заканчивает следующими словами:

«Коммунистическая партия Испании, отзываясь на призыв партизан, будет самоотверженно бороться за сплочение сил как внутри страны, так и в эмиграции и донесет до всех стран, до всех уголков, где существует хотя бы маленькая группа друзей республиканской демократической Испании, голос испанского народа, который в мужественном решении партизан Леванта и Арагона выражает свою волю продолжать борьбу до полного освобождения нашей родины от франкистского гнета».

О героической борьбе испанских партизан — «герильерос» — рассказывает талантливый испанский писатель Х. Искарай, который в прошлом году побывал в Испании и провел более месяца с партизанами Леванта.

* * *

Мы оставили позади Пеньяголаса и по козьим тропкам двигаемся в направлении горы Гудар. Вверху — тучи, внизу — туман. Нахожусь на родине — и не вижу ее. Но как я ее чувствую! Ноги мои осязают и узнают родную землю. Эта земля — моя.

Я прибыл сюда, одержимый одним желанием — связаться с группировкой партизан Леванта. Проходя через города и села, я нес только одно это чувство. Лица людей, их голоса, поля и горы вокруг — все это отражалось в моем сознании, путалось с воспоминаниями далекого прошлого, и я не мог и не пытался отделить одно от другого.

«Итти, — думал я, — только итти, чтобы достичь цели!»

На протяжении всего пути, как бы желая убедиться в этом, я повторял себе постоянно: «Я в Испании!» Именно сейчас, среди этих одиноких гор, на один шаг от моих стремлений, эти слова приобретают необыкновенную силу и полную свою значимость. Медленно и глубоко вдыхаю родной воздух. Будто после долгого и тяжелого бега с препятствиями душа набирает новые, живительные силы. Какое сильное физическое чувство после двойной разлуки снова быть среди своих, снова ступить по родной земле!

На прогалине одной из гор холодный ветер сбивает нас назад, упорно преграждая путь. Это суровое гостеприимство Арагона, где люди и природа, даже лаская, причиняют боль.

Мы остановились отдохнуть, и один из моих спутников, обращаясь ко мне, замечает:

— Ты очень молчалив.

Я ему отвечаю что-то. Они все время здесь, они не уходили отсюда, и, естественно, им чужд этот трепет возвращения. Я не могу им открыться. Во-первых, потому, что не должен, во-вторых, все равно бы не осмелился. Сейчас со мной происходит то же, что и в первое мое возвращение в Испанию. Помню, мы шли по одной горе, не похожей на эту. Та была зеленая, нежная, ласкающая... Я был взволнован и, не зная, что сделать, чтобы освободить грудь от стесняющих ее чувств, сказался усталым. Когда мы сели, я лег лицом вниз и, сделав так, чтобы этого никто не видел, обнял родную землю и прижал к ней лицо. Потом я приподнялся снова и сказал таким безразличным тоном, каким только мог:

— Когда, вам кажется, мы сможем двинуться дальше?

В это туманное утро, поднявшись на возвышенность, я охватываю взглядом пространства моей родины. Мне кажется, что я вижу ее всю, от камня до камня. Там, на юге, почти прямо, находятся мои родные горы и долины — мое золотое детство. На этих землях трудятся люди моей крови и моего языка. Здесь покоятся мертвые, — и сколько их пало в борьбе за то же, за

что борюсь и я!.. На западе — Кастилия, моя школа и начало моей жизни. На равнинах Леванта остались ее лучшие дни. В той, другой стороне находится Мадрид... Из Мадрида была та девушка, лицо которой и сейчас, как живое, я вижу перед собой. Тут находится наше далекое прошлое и наше будущее, будущее единиц и будущее всего народа. Все это вместе есть родина, и родина — здесь, вокруг меня обнимает меня, притягивает меня к себе со всей силой веков. Мы вернемся к своим порогам. Ни скалы, ни свинец не смогут создать таких преград, которые могли бы остановить нас. Будем сражаться до последнего. Мы взойдем на эти скалы, и эта наша земля будет полностью и навсегда нашей.

Моя «усталость» уже прошла немало, и я мог вернуться к своим спутникам и сказать им:

— Когда, вам кажется, мы сможем двинуться дальше?

* * *

Продолжаем наш путь по широкой долине. С того момента, когда мы оставили деревни Кастильона и поднялись в горы, я не встретил и признака жизни. Очень скоро я узнаю почему.

Под нашими ногами, ниже туч, прорываясь между скалистых гор, звенит вода.

— Это Гваделупе, — говорит мне один из проводников.

Нужно итти еще около десяти километров. Почти около полудня в поднимающемся тумане мы увидели трех человек, спускавшихся с горы.

— Это партизаны, — говорит один из моих спутников.

Да, наконец, это они — люди из партизанской группировки Леванта!

Проводники мои возвращаются назад, потому что хотя в воскресенье быть в Плано, и я остаюсь с тремя партизанами.

Они похожи друг на друга и в то же время совершенно разные. Из осторожности не откровенны, хотя и знают, что меня ожидают в отряде. Но путь далек... Один из них, по всем приметам старший, — здоровый парень лет тридцати. По лицу его и по тому, как он то и дело поправляет съезжающий с плеча новенький автомат, видно, что ему хочется что-то сказать. Наконец, не выдержав, он объявляет, что он коммунист. Боясь, что его примут за болтливого, он сразу добавляет:

— Здесь у нас попросту, не как в городе, не нужно ходить с оглядкой. Здесь мы в горах, да и за спинами у нас вот это. — И он весело хлопнул ладонью по прикладу своего автомата.

Он шофер, имеет небольшое образование и ведет партийную работу в одной из больших деревень Теруэля.

— Я вступил в партизанский отряд во время франкистского наступления. Кое-что уже видел... Автоматом этим обзавелся сам. — И он весело улыбается.

Впереди идет другой партизан. Это рослый паренек, не старше семнадцати лет. Легкими взмахами руки он сбивает с придорожных веток сухие шишки, разлекаясь, как мальчик. Этот юный партизан из деревни Хаваламбре. Его отец находится в заточении с 1939 года. Мальчика давно обуревало страстное желание посчитаться с франкистами, и при первой возможности он ушел в партизаны. Он прекрасный разведчик: никто не превзойдет его в выслеживании «цивилес»¹ в этих горах. За мелкие веснушки, покрывающие его щеки, партизаны зовут его Пекосо².

Во время отдыха завязываю разговор с партизаном, который идет сзади. Это крестьянин лет сорока с лишним, молчаливый, с суровым взглядом и упрямым лбом. Ушел от

1 Жандармы.
2 Веснушчатый.

своего клочка земли, чтобы стать сержантом армии Леванта. Потом — тюрьма в Валенсии до самой осени 1945 года. Затем — возвращение в пустой дом, туда, в Санта-Крус.

— Там протерпел только около года, служа партизанам в качестве связного, — начинает рассказывать он, очищая своей навахой¹ дубовую ветку.

— И не был женат?

— Был. Но жена моя уходила работать в Куэнку, а вернувшись в деревню, не позвала меня. «Шесть лет — это много», — сказала она. Если надумает вернуться, то вернется: но я не хочу, чтобы она это сделала против своей воли или из жалости.

И, помолчав немного, добавил:

— Ни я, ни она не виноваты. Это дело тех, кто разрушил здесь все...

Он резким ударом навахы сшиб с ветки сучок и продолжал:

— В апреле, вскоре после Дня республики, «Гвардия цивиль»² ворвалась в деревню и начала выламывать в домах двери. Всех, кто был связан с партизанами, арестовывали и сгоняли на площадь. Дядю Венансио, моего соседа, у которого сын был партизаном, расстреляли прямо на улице, против его дома. Когда сержант «Гвардии цивиль» с группой франкистов направился к моему дому, я выпрыгнул в окно и ушел в горы...

* * *

Продолжая идти на север по границе провинции Кастильона, мы вскоре поднялись на одну бурую, высушенную, без всякого признака какой-либо зелени, гору, с вершины которой предстает перед моими глазами пустынный пейзаж. На протяжении более километра лес выгорел совершенно.

— Его сожгли они во время одного наступления, — говорит парти-

зан из Санта-Крус, как о чем-то обыкновенном. — Такова их тактика. Всегда, когда им удавалось окружить партизан, они поджигали леса.

Там, где был густой сосновый бор, не осталось ни кустика, ни травинки. Мы ступаем не по земле, а по пеплу. Посыпанные пеплом, лежат черные, обгорелые стволы, словно обуглившиеся скелеты мертвых гигантов, и лишь несколько, также обгоревших и почерневших, сосен поднимают вверх свои голые острые вершины, слегка покачивающиеся от сильного ветра. Кладбищенская тишина. Звери погибли или разбежались, птицы улетели.

— А партизаны? — спрашиваю я.

Мои спутники смеются.

— Здесь был отряд около батальона, но франкисты не нашли даже следов его, — отвечает Пекосо.

— Да, здесь был костерик... — замечает партизан из Санта-Крус, орудуя своей навахой. — Это, как говорили деревенские старики, походило на конец мира. Я был там. — И он медленно, без всякого драматизма в голосе, начинает рассказывать.

* * *

— В этом сосновом лесу у нас был большой отряд. Здесь находились командир группировки и главный штаб. Его атаквали девятого августа. Рано утром франкисты, разделенные на четыре батальона, расположились вокруг леса и установили несколько артиллерийских батарей. В шесть часов утра с четырех сторон захлопотали орудия, ведя огонь по сосновому лесу Агвавива. Стреляли, как фурии, в центр леса. Этот сосновый лес принадлежал дяде Санцу, человеку не плохому, но с отсталыми убеждениями. Там, в самом центре леса, находился маленький домик, принадлежавший племяннице владельца. Ну вот, франкисты и думали, что мы находимся около домика. Но командир группировки еще в прошлую ночь имел кое-какие

сведения и поспешно переместил нас на край горы. Не хотелось бы еще раз видеть восход солнца в подобный день. Шестидесят километров леса представляли собой сплошное пламя. Оно, казалось, поднималось до самого неба. Дым разбежал нам глаза до крови; вдыхая воздух, мы обжигали легкие. Пожар быстро распространялся. Поднялся ветер и разносил тысячи горящих веток. Крестьяне, проклиная Франко, покидали гибнущие, возделанные ими поля. Жнивье и собранный в копны хлеб были уничтожены мгновенно. Будь ветер побольше, вся провинция Теруэль превратилась бы в сплошное пожарище. К довершению несчастья, у нас не было времени убрать снаряды, находившиеся в лагере. И когда они начали рваться, все это казалось адом. И в этом аду мы вынуждены были отсиживаться до полудня. К этому времени войска отошли, не рискнув проникнуть в наш лагерь, — боялись, думали, что мы его минировали. Мы вышли целы и невредимы и направились в другие горы...

— Я вернулся в лагерь, — перебивает Пекосо, — когда огонь уже погас. От наших шалашей, так хорошо нас укрывавших, не осталось и следа. Лишь две пишущие машинки, гордость нашего отряда, валялись черные и исковерканные. Никогда я не видел ничего подобного.

— Более чем на два миллиона несет убытку, — доскакивает партизан из Санта-Крус. — Возмущение соседних деревень было неопишимо. Не зная, как заглушить протесты, франкисты распустили слух, что сосновый лес дяди Санца был сожжен партизанами. Но крестьяне говорили: «Этот лес был нашим домом, и не было еще случая, чтобы кто-нибудь бросил камень в его крышу».

* * *

Весть о событиях в лесу Агвавива, как об окончательном разгроме партизан, франкисты разнесли по всем окрестным селам.

— С партизанами здесь покончено, — хвастали они, поглаживая усы. — Командир этой, как вы там ее называете, «группировки» удрал, и сюда его больше не заманишь.

— А остальные? — спрашивали алкалды, которым, более чем кому-нибудь другому, доставалось от партизан.

— Остальные? — выпячивая грудь, продолжали сочинять вояки. — Остальные поджарены в лесу Агвавива. Выше голову! Теперь мы надолго свободны от этих разбойников.

Но видя, что им никто не верит, франкисты решили инсценировать страшную трагедию. Однажды ночью они взяли из какой-то тюрьмы большую группу арестованных, привезли их на пожарище, расстреляли и, свалив в глубокую пещеру, которая служила укрытием для партизан, подожгли. А на следующее утро ходили и объявляли по окрестным деревням:

¹ Ножом.

² Название жандармерии в Испании.

— Кто хочет убедиться, что с партизанами покончено, пусть поднимется на гору дяди Санца.

На гору потянулись толпы женщин, детей и стариков. Там, среди обгоревших трупов, мог быть отец, брат или жених... Пришедшие первыми заполнили пещеру, остальные толпой стояли у входа. Вскоре из пещеры послышались причитания женщин:

— Бедняшки, соколики мои...

По земляной стене пещеры от света тускло мерцавших фонарей протянулись длинными фантастическими тенями руки с крепко сжатыми кулаками.

— Убийцы! Палачи!

Люди осматривали лица убитых, но никто не находил знакомых.

Вдруг один старик опустился на колени и стал внимательно рассматривать обгоревшие одежды. Потом он попросил поближе поднести свет и в наступившей тишине решительно заявил:

— Это не партизаны. Посмотрите-ка получше на их одежду, она ведь не совсем сгорела. Где вы видели, чтобы партизаны ходили такими оборвышами? Да уж и тощи-то они, бедняшки, точно скелеты. А наши-то разве такие?..

Всем было ясно, что это не партизаны, что все это лишь ужасная проделка жандармов.

В это время в пещеру протолкался один паренек и увлек всех к выходу.

— Смотрите, они привезли откуда-то эти трупы, — говорил он, указывая на землю, на которой можно

было ясно видеть след колес телеги, уходящей к дороге.

Все было ясно. Народ снова вернулся в пещеру и долго в раздумье разглядывал мертвых.

— Кто ж они такие? — прошептала, наконец, одна женщина.

— Это неважно, — заговорил снова старик. — Обыкновенные люди, которых преследовали; такие же, как и мы. Надо вот похоронить их должным образом.

Эти слова старика сразу сдвинули толпу с места. Тотчас же появились лопаты, и люди с жаром принялись за работу.

— Через несколько часов в Испании появилось еще одно кладбище, — угрюмо заключает свой рассказ партизан.

Некоторое время мы идем молча. Потом партизан снова, уже более оживленно, продолжает:

— Сказкам об уничтожении партизан очень хотели верить лишь фашисты, чтобы хоть как-нибудь отогнать постоянно висевший над ними страх. Не веря своим словам, они повторяли друг другу: «Да, наконец-то настало времечко... Теперь можно свободно подниматься на гору дяди Санца». Но очень скоро иллюзии их рассеялись.

* * *

— Очень скоро события большой важности показали самим жандармам, насколько мы были «живехоньки», — продолжал партизан из Сант-Крус. — Это произошло одиннадцатого ноября, когда «цивилес» уже успели разнести на все четыре стороны,

что партизаны отошли в область преданий. Утром этого дня мы получили сообщение от крестьян, что большая колонна «Гвардии цивиль» прибыла в Тортоса. Но не было известно, куда эта колонна направится оттуда, так же как и ее численность и вооружение.

В четыре часа вечера три партизана, контролировавшие дорогу из Тортоса в Алканиц, остановили пассажирский автобус. Партизаны с автоматами в руках вошли в него одновременно в обе двери. Автобус был полон народа. Среди женщин и девушек находилось много детей.

— Не бойтесь, — сказал один из партизан. — Мы хотели бы только знать, кто здесь едет. Будьте добры выйти.

Внезапное появление вооруженных партизан никого не испугало, из детей никто даже не вскрикнул. Все стали спокойно выходить из автобуса.

Среди пассажиров оказался один офицер «Гвардии цивиль». Партизаны направились к нему. Это был молодой парень с широким красным лицом, с лихо заломленной набок треуголкой, из-под которой как-то нелепо спускалась до самого глаза, почти закрывая его, тщательно прилизанная прядь волос. Он растерянно, бегающими глазами, смотрел на пассажиров, как бы желая найти у них поддержку; но, не встретив во враждебно глядящих на него глазах ни заступничества, ни сочувствия, безнадежно опустил голову. При виде его красного, вдруг покрывшегося белыми пятнами, подергивавшегося

лица было ясно, что он скажет и сделает все, что от него потребуют, лишь бы остаться живым.

Один из партизан повел обезоруженного офицера к командиру отряда, который с группой около двадцати человек находился недалеко от дороги. Другие двое, усадив пассажиров, приказали шоферу свернуть с дороги и укрыли машину в соседней оливковой роще.

Видя, что дети спокойно сидят на своих местах, с любопытством рассматривая их, один партизан сказал:

— А эти ребяташки, кажется, вообще ничего не боятся!

— Не забывай, дорогой, — отвечала одна из женщин: — эти ребята родились, когда началась наша война, и потому навсегда вылечены от всякого страха. Всего им пришлось наглядеться...

Завязался разговор. Женщина, ответившая партизану, доверчиво начала рассказывать о своей поездке в Тортоса, к мужу, сидевшему в тюрьме, как она говорила, «неизвестно за что». К разговору присоединились другие. Пошли жалобы на притеснения и произвол франкистских властей.

Вскоре вернулся партизан, уводивший офицера. Офицер рассказал все, что было нужно. Сам он оказался из колонны, прибывшей в Тортоса, и с поручением командира направлялся вперед. Колонна состояла из роты солдат гвардейской дивизии. Ей была придана артиллерийская батарея какого-то другого пехотного полка. Силы эти предназначались для усиления гарнизона, боровшегося с партизанами в районе Алканиц. Колонна должна была выйти из Тортоса с наступлением темноты. На вопрос, как организовано охранение колонны во время марша, офицер ответил, что никакого охранения нет, так как командир получил донесение о разгроме основной группировки партизан этого района в лесу Агвавива.

Командир партизанского отряда принял решение устроить засаду у Пуэтро де Монте, где дорога проходила между гор. Нужно было спешить, так как уже наступали сумерки. Выслав вперед отделение для разведки, отряд быстро направился к месту засады. Партизаны расположились с двух сторон дороги с расчетом открыть огонь по голове и хвосту колонны одновременно. Ко-

гда командир отдавал последние приказания, с той стороны, откуда должна была появиться колонна, стала доноситься песня. Пели франкисты...

Рассказчик на мгновение приостановился, затем продолжал:

— Все закончилось очень быстро. У партизан было три пулемета и до десяти автоматов. Внезапный огонь с двух сторон, с расстояния менее пятидесяти метров ошеломил фалангистов и посеял среди них дикую панику. Никто не пытался сопротивляться. Все в страшной суматохе, бросая оружие, метались из стороны в сторону, стараясь спастись бегством, но очень немногим удалось это сделать. Человек двадцать были взяты в плен. Партизаны вывели из строя пушки, собрали разбросанное по дороге оружие и, навьючив его на уцелевших артиллерийских лошадей, ушли в горы.

* * *

В течение нескольких дней мы двигаемся прямо на север, обходя деревни и хутора. По нижнему течению Гваделупе мы еще изредка ви-

дели крестьян, работающих на полях; дальше же вверх по реке не встречаем ни души, точно идем по необитаемой земле. Зброшенные оливковые рожи и виноградники стоят с черными, высохшими плодами — они опадают и гниют на земле. Иногда мы осторожно приближаемся к деревьям, но не находим в них ни одного живого существа. Двери и окна домов заколочены. На запорах, закрученных проволокой, висят пломбы, а на дверях наклеены приказы с печатью комендатуры «Гвардии цивиль».

Пройдя далеко на юго-восток от Вальдерробре, мы решаем остановиться на отдых в одном из хуторов.

— Нужно быть осторожным, — говорит шофер. — Иногда случалось так: мы стучим доверчиво в дверь, а из окон нам отвечают стрельбой засевающие в доме патрули «Гвардии цивиль». Так был убит Астуриас.

Мы останавливаемся у полусгнившей изгороди, в нескольких шагах от дома. Пекосо бросает в дверь камень. Никто не отвечает. Некоторое время прислушиваемся... Кругом царит тишина.

— Давайте-ка влезем в окно, — наконец решает шофер, — затопим печь и поедим что-нибудь горячее.

Партизан из Санта-Крус с трудом открывает заколоченное окно, и мы друг за другом проникаем внутрь дома. В нос ударяет спертый, нежилой дух. Стремительно разбегаются мыши, ставшие полными хозяевами дома. Большой дубовый стол, корзина для хлеба, медные и глиняные горшки, висающие по стенам, — все покрыто толстым слоем пыли. Трудно дышать. С щемящим сердцем я осматриваюсь кругом и думаю: «Какой смертельный ветер пронесся по этой земле?..»

На этих полях, теперь пустых и бесплодных, раньше поднимались густые хлеба, зрели оливки и виноград, тянулись зеленые огороды. В долинах, на склонах гор трудились крестьянские семьи... Теперь этот район — зона военных действий.

После того как многочисленные наступления «Гвардии цивиль» на партизанские районы Леванта позорно провалились, разъяренные франкисты начали массовые выселения целых провинций, прибегнув к тем варварским способам борьбы, какие в древности использовались тиранами-завоевателями по отношению к непокорным народам. Франко решил изолировать партизанские отряды, лишит их народной поддержки и заморить голодом. Тысячи крестьянских семей выбрасывались из домов, сгонялись с земель. Началось что-то похожее на великое переселение народов, о котором говорит Библия. По дорогам потянулись длинные караваны людей, навьюченных мулов, коров, овец, коз. Шли женщины с грудными детьми, тяжело шагали старики, придерживаясь слабой рукой за повозки, нагруженные домашним скарбом. Уходили от родных, навсегда дорогих мест, где жили, трудились и умирали отцы и деды.

Бросали высокие железные кровати, фамильные комоды орехового дерева и другие вещи, настолько вошедшие в жизнь семьи, что без них, казалось, всему наступал конец.

Франкисты, видя страшную ненависть крестьян, пытались их успокоить разговорами о том, что все это временно, что когда будет покончено с партизанами, все снова вернется на свои места.

«Мы вернемся, когда будет покончено с Франко, а не с партизанами», — злобно отвечали крестьяне.

— Можно было подумать, — говорит шофер, — что, по крайней мере, некоторые из крестьян будут обвинять в этой трагедии партизан. Но ничего подобного. Встречаясь с нашими, они говорили: «Что бы с нами ни делали, куда бы нас ни угоняли, всегда получите от нас помощь».

* * *

Партизан из Санта-Крус со знанием дела приготовил суп из ветчины с луком, и мы с большим аппетитом принялись за горячее. Не успели мы покончить с супом, как за дверью послышался шум, а через мгновение в окне показалась голова собаки.

— Моро! — произносит тихим голосом Пекосо.

Осторожно, с автоматом наизготовку, он подходит к двери и открывает ее. Огромный черный пес с визгом врывается внутрь и от радости начинает бешено прыгать от одного партизана к другому.

— Бедный Моро, на кого ты стал похож! — ласково говорит Пекосо, проводя рукой по заострившейся спине собаки.

Пес, как бы понимая, что говорят о его плачевном виде, смотрит на нас печальными и благодарными глазами. Собака по-хозяйски обходит углы родного опустевшего дома и снова обращает к нам свои добрые, грустные глаза, как бы понимая все происшедшее.

— Здесь ты умрешь с голоду, несчастный! — сокрушается Пекосо.

— Тихо... — хватаясь за автомат, шепчет шофер.

Слышится стук в дверь. Партизаны медлят с ответом.

— Откройте, это я, Фермин, — слышится голос из-за двери.

— Открой, — говорит шофер Пекосо.

В дверях показывается знакомый партизанам крестьянин, хозяин соседнего дома.

— Я вас видел, когда вы подошли к дому, да издали не мог узнать, кто вы такие. Потом вижу — вошел Моро и остался внутри дома. «Значит, свои», решил я. Как идут дела там, наверху?

Не дожидаясь ответа, он продолжал:

— Я здесь кое-что оставил для вас. Немного, да уж — чем можем! Два мешка картофеля да килограммов десять муки. Там у меня в соломе припрятаны. Да в соседнем доме поищите, там тоже кое-что должно быть.

— Спасибо, Фермин, спасибо! Как идут дела у вас? — спрашивает партизан из Санта-Крус.

— Что тут рассказывать! — махнув рукой, отвечает Фермин. — Все рухнуло. Как выгнали из домов, сами знаете, все, кто мог, ушли в горы, а остальные мыкаются и не найдут пристанища. Ну, ладно, я пойду, а то еще узнают, что я был здесь, ну и конец... На вас надежда, — говорит он вместо «до свидания» и уходит, уводя с собой Моро. Мы возвращаемся к совсем остывшему супу.

— И многие крестьяне, которых выселили, оставляют партизанам продукты? — интересуюсь я.

— Почти все, — отвечает шофер. — Кто успел, отправил нам до того, как покинуть дом, другие попрятали с надеждой оповестить нас. В каждой деревне, если поискать, можно найти все необходимое. Однажды в горах нас застал снегопад, и мы вынуждены были отсиживаться двое суток. Продукты у нас кончились. Так как до базы было далеко, мы направились в одну пустую деревню и нашли там все, что было нужно. Партизанские отряды здесь обеспечены на всю зиму не только продуктами, но и одеждой.

И я думаю: «Как Франко может покончить с партизанами, если за каждым из них стоят сотни крестьян?!»

* * *

Идем по горным тропинкам, то поднимаясь на голые скалистые

* * *

В Днепропетровской и Запорожской областях 25 государственных лесных питомников вырастили в 1948 году 18 миллионов саженцев. Осенью 1948 года здесь началось и весной текущего года будет продолжено создание 1400 километров новых лесозащитных полос из южных акаций, бересклета и остролистных кленов. Работники питомников продвигают на юг северные породы — липу, ясень, березу, которые хорошо приживаются даже в степной полосе Украины.

* * *

Немецкие оккупанты нанесли огромный урон Брянским лесам. Сейчас же по окончании Великой Отечественной войны здесь были начаты и с каждым годом ширятся восстановительные работы. В 1945 году здесь было посажено и посеяно 720 гектаров леса. В 1946 и 1947 годах новые посадки заняли уже площадь в 1500 гектаров. Кроме того, на площади в 3 тысячи гектаров были выполнены работы, способствующие естественному возрождению леса.

План посадок 1948 года был выполнен к 7 ноября. Подготовлено много посадочного материала и 5600 гектаров почвы для работ, которые начнутся ранней весной 1949 года.

* * *

В Азербайджане осенью 1948 года велись широкие посадки деревьев. В этом году под новые лесные массивы здесь была отведена площадь в 1300 гектаров. Особое внимание уделено насаждению лесов в степной зоне республики. В Мильской степи закладываются рощи шелковицы (тута) и ширококренного тополя.

На Мугани высаживаются хурма, белая акация. В предгорьях Араксинской низменности создаются массивы орешника, граба, каштана, клена. Колхозы степных районов подготовили ряд участков для весенних насаждений 1949 года. В ближайшие годы рощи засухоустойчивой эльдарской сосны раскинутся на тысячах гектаров пустынных степей Азербайджана, защищая колхозные поля от суховея.

* * *

В 1948 году впервые широко развернулись лесопосадочные работы на землях колхозов РСФСР. В один только весенний период всего в четырех областях — Воронежской, Тамбовской, Курской и Орловской — были заложены полезащитные насаждения на площади около 9 тысяч гектаров.

Выполняя сталинский план борьбы с засухой, колхозы Сталинской области провели в 1948 году посадку полезащитных полос на площади до 850 гектаров. Для посадки лесных полос в 1949 году колхозы области подготовили площадь свыше 1500 гектаров.

(Окончание)

хребты, то спускаясь в долины с густыми дубовыми рощами. Несмотря на усталость, спутники мои все больше ускоряют шаг. Солнце уже закатилось, и горы обволакиваются легким, прозрачным туманом.

Шагая по поросшей редким лесом долине, мы вдруг различаем на склоне противоположной горы группу до двадцати человек, идущую на нас. Вот уже хорошо видны их синие береты, широкие костюмы. За плечами пулеметы, автоматы и винтовки. Шофер подает голос.

— Это наши, — говорит мне партизан из Санта-Крус. — Они спускаются с горного хребта Сан-Хусто, и думаю, что идут в направлении Матрацго.

При виде такой большой группы партизан душа моя ликует. Они уже рядом. Мое лицо им незнакомо. И, не скрывая своего удивления, они сурово и проницательно рассматривают меня, как бы желая определить, кто я такой. Таков всегда первый взгляд людей гор. Потом... Я никогда не встречал глаз, в которых бы так ярко светилась верность.

— Идет с нами. Его ожидают в главном штабе, — предупредил их шофер.

Это изменило дело; партизаны стали поудобнее размещаться и закуривать. Командир отряда начал рассказывать о последних событиях:

— Там, наверху, мы находились больше недели, застигнутые снего-

падом. Устроив небольшое укрытие, мы решили подождать лучшего времени. Но однажды утром раненый кабан пришел умирать у входа нашего убежища. Вскоре по его следам пришли «охотники», но, увидев нас, быстро скрылись. «Этим вечером прибудет «Гвардия цивиль», — подумал я. Но так как место было хорошее и окружить нас было невозможно, мы решили ждать.

Явилось около шестидесяти франкистов. Началась перестрелка, во время которой цепь их быстро редела. В нашей же «крепости» — ни одного раненого. Под вечер они отошли. А мы ночью направились вниз, оставив «гвардейцам» письмо со следующего содержания: «Если пойдете за нами, то еще раз хорошо встретим и хорошо угостим».

Партизаны смеются.

Между тем молодой паренек, который шел с нами, завязал разговор с двумя такими же из отряда. Речь шла об их новеньких винтовках.

— Мы обзавелись ими, когда проходили по деревне Андрора, — рассказывает один. — Увидели на улице двух ночных сторожей с этими ружьями на ремне. «Зачем этим дялущкам такие ружья?» — подумали мы. Прямо посреди улицы мы вышли им навстречу, и я сказал им: «Отдайте нам эти ружья, они так нужны нам!» И они отдали.

Отряд возобновляет свой путь. Я провожаю его уходящие ряды, как

что-то сказочное и легендарное, вдруг переставая верить в реальность того, что только что видел и слышал. До меня доносится старинная испанская песня:

Дед мой был землепашцем,
Отец же стал батраком.
Я ушел в партизаны,
Чтобы идти вперед...

«Я ушел в партизаны, чтобы идти вперед...» С какой великой простотой народ выражает свои мысли!

«Да, здесь ты со своими пробиваешь дорогу в будущее. По этим вот узеньким горным тропинкам ты выйдешь на нее, широкую и светлую...»

Пять провинций смело пересекает партизанская группировка Леванта, еще более сильная после многочисленных яростных атак Франко. Крепнут и растут легионы патриотов, получая непрерывно необозримые силы от обильно орошенной ими потом и кровью родной земли.

Я смотрю на ряды людей, исчезающих в тумане... Испания родилась в горах, как рождаются орлы. Теперь она рождается снова в этих горах Леванта, как и раньше в горах Реконксты.

Я снова долго смотрю на широкие просторы моей родины, подернутые легким туманом... И дрогнувшим голосом говорю этой земле:

— Испания... Душа моя!

Перевод с испанского
Н. Милочкина

Прогулка по полесским рекам

Среди болотистых лесов Пинщины течет Гнилая Припять, река без берегов, где за высокой стеной очерета скрываются чистые, глубокие озера, тихие заводи, покрытые водяными лилиями и кувшинками, тенистые лесные островки, бездонные темные омуты и небольшие деревушки с ветряными мельницами на холмах.

Ранним июньским утром садимся в лодку. Солнце еще не взошло, тянет холодом, и редкие порывы ветра поднимают с реки Пины белые дымки тумана. Пинск спит. Спит на берегу и древний монастырь иезуитов — мрачное наследие средневековья. Высоко на полуразбитом снарядами куполе загорается первый луч.

С восходом солнца мы выбираемся на Струмень. Эта река сильно отличается от своих полесских сестер. Быстрая, полноводная, с обрывистыми сухими берегами и песчаными отмелями, она блестящим серебристым поясом охватывает зеленые луга и пашни.

Терпеливо и настойчиво боремся с течением, отталкиваясь от берега длинными веслами. Вот и другая бурная река — Простыря. Езда по ней требует сноровки. Узкая, в высоких берегах, покрытых древними дубами, она делает огромные петли.

Простыря — самая тяжелая для сплава полесская река. Только трудолюбивые и старательные полешуки могут провести плот крутыми извилинами и не разбить его.

Последние усилия воли и ослабевших мускулов, и мы, отойдя на тридцать километров от Пинска, сворачиваем в маленькую речушку, затерявшуюся в кустах лозы.

Недалеко время, когда такие места станут в Полесье лишь островками нетронутой заповедной природы среди плодородных осушенных земель. По плану послевоенной сталинской пятилетки миллионы гектаров

болот и заболоченных пространств Полесской низменности будут осушены. Широким фронтом начинаются здесь мелиоративные работы.

* * *

Тихая и полноводная река без берегов каждый вечер затягивает густой вуалью тумана свои прекрасные спокойные заводи. По обеим сторонам мокрый лес, в нем гнездятся тысячи пернатых, оглушающих нас своим гамом. Молодые соловьи неумело пробуют свои голоса, воркуют голуби, кукуют кукушки. Разгуливая по пышной зелени, глубоко-мысленно молчит лишь один длинноногий аист.

Гнилая Припять — настоящая полеская экзотика. Пароходы здесь не ходят, и край этот знают немногие.

Чем дальше в речную глушь, тем больше неожиданностей. Вот смешные дикие курочки, выскочив из-за куста, перебегают лужайку и кудахтают, скрываются в лесу. В трех шагах тяжело захлопал крыльями огромный селезень. А вот и целый выводок утят. Мать, повидимому, встревожена, но дети не чувствуют опасности и спокойно плавают у берега, не обращая на нас никакого внимания.

Вот, наконец, подходящее место для остановки — лужок в густом лиственном лесу. В центре небольшой стог свежескошенного ароматного сена, по бокам — кусты созревающей малины, а за ними непролазная гуща разнообразных растений. По лозе и молодому ольшанику вьется дикий виноград, из-под папоротника краснеют волчьих ягоды, смородина и малина.

Чижи, щеглы, синицы целый день поют на все лады, соперничая друг с другом. Но пальму первенства, безусловно, завоевывают непревзойденные артисты здешних мест — большие зеленые лягушки, каждый вечер и утро дающие свои концерты.

Клев превосходный, и я до самой темноты сижу за удочками. Все время меня развлекают лесные обитатели. Птицы распевают, любопытные выдры рассматривают меня из-за кустов.

В эту ночь, самую короткую в году, мы совершенно не спим.

* * *

Утро открывает для нас новое поле для наблюдений. Гнилая Припять широко разлилась. На большом острове выросла одинокая ивушка. Сюда из ближайшей деревни Ласицы привозят на лодке скот и оставляют пастись на все лето. Недалеко от избы виден загон, сплетенный из лозы, а в нем до полусотни коров, дожидаящихся своих доярок.

Мы весь день проводим в лодке, исследуя многочисленные речные заливы, выживая из них прожорливых, горбатых окуней и купаясь в прозрачной глубокой воде. Только к вечеру трогаемся в обратный путь. Борясь с ветром, медленно проливаемся к Простырни, но как только выплываем на ее быстрые воды, лодка стрелой несется вперед. Однако, как мы ни торопимся, ночь застигает нас в пути. Берега растаяли, как будто ушли под воду, только огоньки на баржах указывают профиль реки.

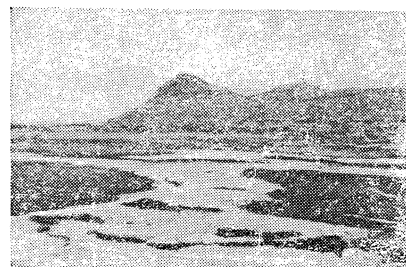
Проходит пароход, залитый ярким светом электричества, и долго не успокаиваются разбуженные сонные воды.

Вот и искусственный «копанец», который соединяет Струмень с Пиной. Показывается изогнутая линия огней набережной Пинска. Мы дома.

В. Коротышевский

ГОРА „ВУЛКАН“

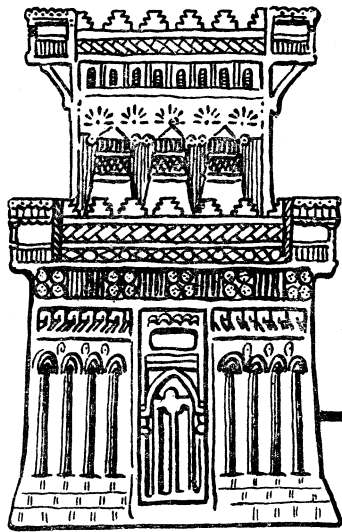
По берегам реки Енисей, на отрогах горного хребта Западного и Восточного Саяна, встречаются дымящиеся горы. Местное население считает эти сопки вулканическими. Однако, по заключению исследователя Саян профессора С. В. Киселева, почвы этих гор сложены из осадочных пород каменноугольного периода, а не вулканического происхождения. Поднимающиеся над горами в жаркие дни облака есть не

что иное, как теплый водяной пар, выделяющийся из трещин. В летнее время это явление не наблюдается.

На снимке одна из таких гор под местным названием „Вулкан“, около села Кома Новоселовского района Красноярского края, на правом берегу Енисей.

Снимок сделан Г. З. Соколовым весной 1947 года.

ПУТЕШЕСТВИЕ в древний Хорезм

Кинооператор М. БЕРКОВИЧ

Рис. В. Бродского

ГДЕ ЖЕ ТОПРАК-КАЛА?

Доехав до места, носящего название Султан-баба, мы сворачиваем прямо в пустыню.

Солнце клонится в пыльное море на горизонте. Следы машин, еле заметные на солончаке, теряются совсем на твердых и гладких такырах. Они проложены Хорезмской экспедицией Академии наук СССР. Производимые ею раскопки — основной объект нашей работы.

Нам нужно попасть в Топрак-кала — развалины столицы древнего Хорезма. Семнадцать веков тому назад добраться туда было, наверное, легче, — сейчас же мы окончательно сбились с дороги. Песчаный буран. Еле заметную колею закрыло пеленой летящей пыли, а ночь, мгновенно опустившаяся на землю, и совсем лишила нас направления. В свете фар из-под машины взлетают пыльные фазаны, мечутся зайцы.

Пересекаем сухое русло какой-то реки, но через несколько минут снова оказываемся около того же русла. Сомнений нет — плуаем. Выключаем свет и выглядываемся в темноту. В отдалении, приближаясь к нам, движутся огоньки.

Подняв руку, останавливаем караван грузовиков. Ослепленные яркими лучами фар, ветром и песком, подходим к первой машине.

— Вы не знаете, как проехать на Топрак-кала? — спрашиваем мы.

— Знаем. Следуйте за нами.

— А вы не Хорезмская экспедиция?

— Она самая.

— Вы не профессор Толстов?

— И это правильно.

— Мы киноэкспедиция. Едем работать с вами.

— Очень приятно. Поработаем вместе.

Из машин экспедиции высыпают

сотрудники и студенты. Из темноты появляется еще одна машина. В ней — Орлов, заместитель Толстова.

Он только что с Топрака: выехал навстречу машинам Толстова, завершающим первый этап экспедиции — разведочный маршрут через северные Кызыл-Кумы. Смех, рукопожатия, шутки и расспросы. Кто-то вытаскивает из машины дыню, мы — огромный арбуз. Желающие утоляют жажду. Никто уже не замечает бурана, бушующего с прежней силой.

Через полчаса мы прибываем на место. В крошечной тьме залезаем в спальные мешки.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ШТУРМ

Путнику, свернувшему с дороги Нукус — Шаббаз примерно на 110-м километре и углубившемуся вдоль хребта Султан-Уиздаг в глубь пустыни на 20—25 километров, представится удивительное зрелище. Он увидит руины огромного, возвышающегося на 25 метров над солончаковой равниной, замка-крепости Топрак-кала — резиденции древних хорезмшахов, столицы могучего античного государства Хорезма.

У подножья крепости он увидит и лагерь с многочисленными палатками, ряды машин, выстроившиеся на линейке, баки с водой, на кострах — котлы с готовящейся пищей, и толпы людей, карабкающихся по стенам дворца и городища.

Обладая фантазией, путник может легко себе представить, что это одна из многочисленных вражеских осад, какие не раз приходилось выдерживать древней столице Хорезма много веков назад...

Однако, приблизившись, он легко

убедится, что это лагерь друзей, самоотверженно воскрешающих старинное сооружение.

Научное «войско», ведущее планомерную «осаду» крепости, преодолевает очень большие трудности. Замок назван Топрак-кала, что означает «Земляная крепость». Справедливое название! Тысячи тонн глины и песка преграждают ученым дорогу к разгадкам исторических тайн. Изнуряющая жара мучит людей, работающих на вершине дворца. Но ничто не может остановить археологов.

— Эх, — вздохнул кто-то однажды, — подумать только: пятьдесят градусов в тени!..

— А кто тебя просит в тени сидеть? Работай на солнце..

И это не только каламбур. В работе забываются и жара, и надоедливые мухи, и жажда, и песок, хрустящий на зубах. Впрочем, нас, кинороботников, особенно допекает песок. Одной песчинки, попавшей внутрь механизма камеры, достаточно для гибели всего нашего труда.

Умывшись остывшей за ночь в баках водой, ученые, научные сотрудники, студенты-практиканты и рабочие казахи и узбеки из соседних колхозов длинной вереницей карабкаются по крутым склонам. Сверкают на солнце лопаты..

СТАРИК БЕК-ДИЛЛЯ

Не первый год работает здесь экспедиция профессора С. П. Толстова, и много помещений дворца раскопано ранее. В этом году работы развернуты еще шире. Возбравшись на вершину крепости, мы видим полную панораму раскопок. Около южной башни человек сорок местных колхозников во главе с бригадиром Ермахановым сбрасывают мощный завал. Песок, взды-

маемый десятками лопат, уносится ветром, и замок издали напоминает вулкан.

Рабочие для раскопок выделяют-ся ближайшими колхозами «Алгабас» и «Қзыл-казах». Работая по несколько лет подряд, они многому научились, и некоторым уже поручаются самостоятельные работы.

Старику Бек-дилля Ташпулатову 72 года, но он — подлинный энтузиаст археологии. Вот уже шестое лето он проводит с экспедицией. В промежутках, когда экспедиция уезжает в Москву и Ленинград для обработки найденных материалов, он по собственной инициативе обходит развалины и собирает мелкие вещи, встречающиеся на поверхности земли около них. Это так называемый «подъемный материал».

И в этом году то же: не успели установить палатки, как на своем ослике приехал Бек-дилля. Вежливо поздоровавшись со всеми, он направился к Толстову и вручил ему несколько монет, наконечников для стрел и металлических украшений. Обычно экспедиция оплачивает такие находки, но старик, пожав руку профессору Толстову, отрезал:

— Силау!

Это значит — «подарок», денег он не возьмет.

Сейчас Бек-дилля орудует уже не лопатой, а ножом. У археологов это огромная разница в квалификации — следующий класс точности. Кисть из жесткой щетины и хирургический скальпель довершают самые тонкие работы. Вместе с сотрудницей экспедиции Соней Трудиновской Бек-дилля разбирает свод одной из комнат. Свод, правда, лежит на полу, он обвалился, но все кирпичи в порядке и представляют интерес своей характерной для сводов формой.

Рядом с Бек-дилля и Соней работают самый молодой из участников экспедиции Рюрик Садоков и самый молодой из местных рабочих Есымбай Ерназаров. Тут стиль работы определяет молодость. Глина и песок так и летят из их раскопа. Рюрик хорошо обучил своего напарника и доверяет ему не напрасно.

Молодой задор учителя и ученика совмещаются у них с особой, чисто археологической осторожностью. Постепенно из песка и глины «выходят» (так здесь говорят) несколько огромных сосудов — хумов. Сосуды так велики, что Рюрик и его «адыстант» скрываются в них с головой,

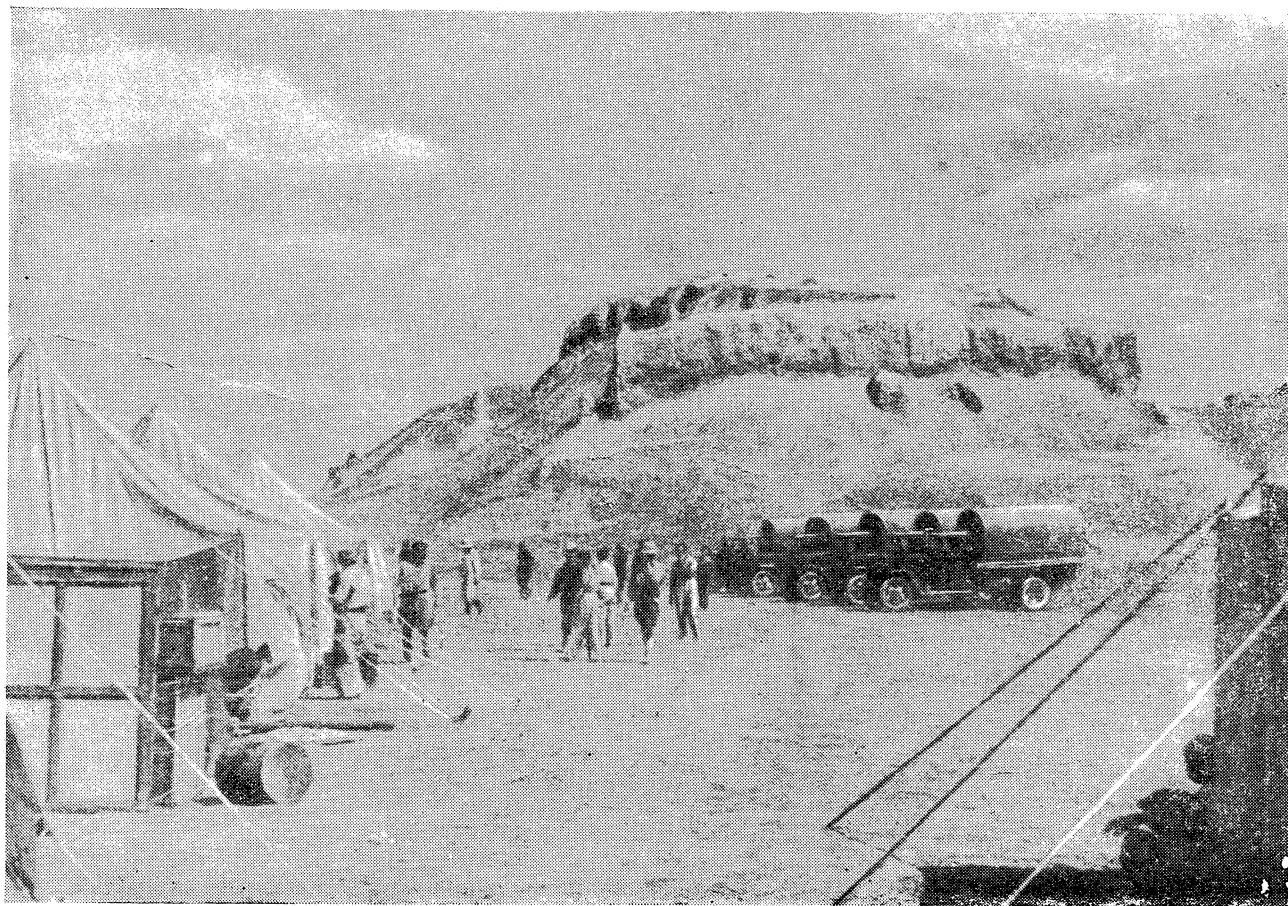
В другой раз, вскрывая комнату около Северного двора, они нашли и расчистили одну из лучших фресок дворца.

ЗАЛ ЦАРЕЙ

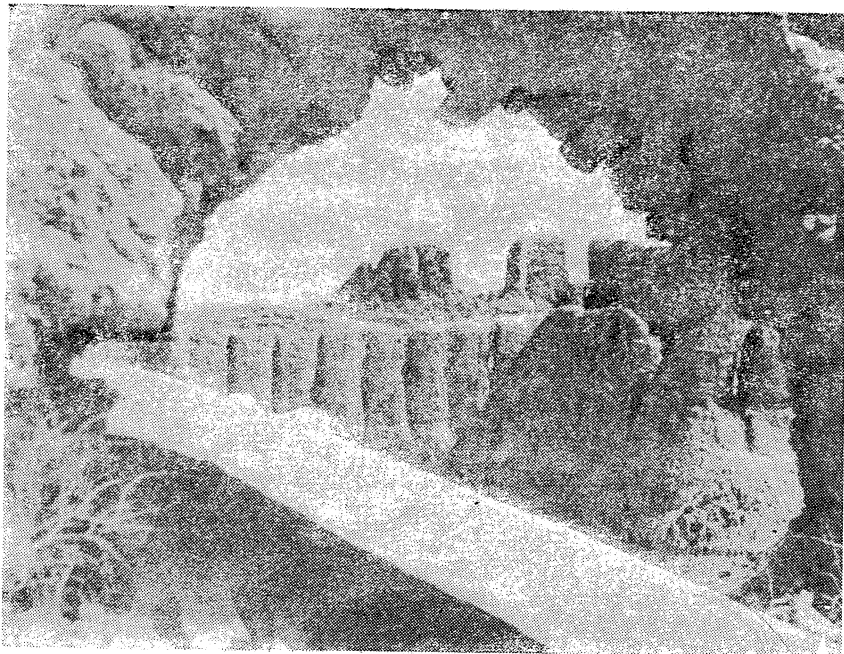
Студентки Тася Сенитрова и Марьяна Итина второй год посвящают работе над воскрешением центрального помещения дворца. Здесь были сделаны ценнейшие находки. Вдоль стен обширного помещения на глиняных постаментах стояли глиняные же изваяния. Стены и основания скульптур украшены сложными ажурными орнаментами из той же глины. Стены и скульптуры покрыты мастерской росписью.

Каждый взмах ножа приоткрывает новую страничку истории. Большинство скульптур разбито обвалившимся перекрытием на отдельные части, но они извлекаются из хаоса завала и восстанавливают картину замечательного сооружения.

Сходство короны одной из найденных голов с изображением на монетах того времени приводит к заключению, что это было изваяние шаха Хорезма — Вазамара, правившего в III веке нашей эры.

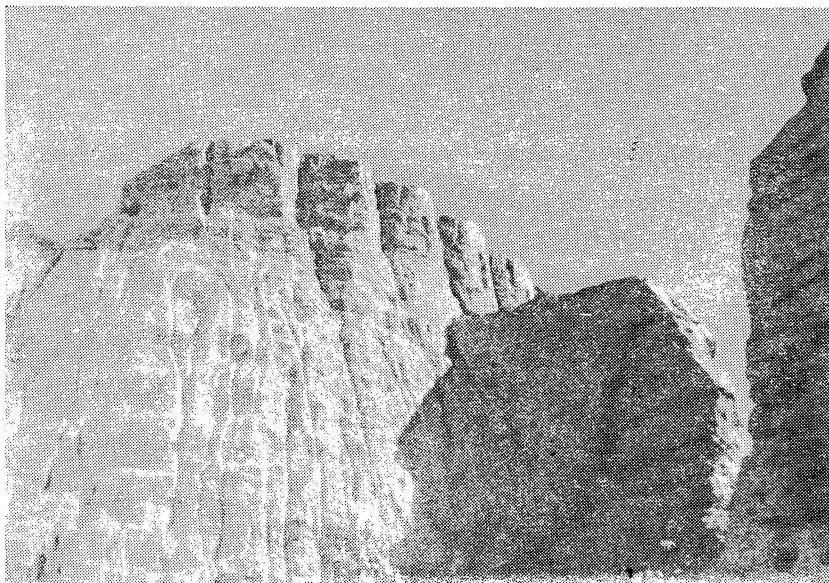
Лагерь экспедиции профессора С. П. Толстова у развалин Топрак-кала.

ГЛИНА ОТ ГЛИНЫ

Работа раскопщика трудна вообще, но освободить от окружающей земли мраморную скульптуру или каменную стену сравнительно легко. Даже неквалифицированный рабочий без труда заметит, что его лопата затронула мрамор или гранит. Но отделять глину от глины, необожженные глиняные скульптуры или стены из кирпича-сырца, скрепленного глиняным раствором, от глины, на протяжении десятиков веков размываемой дождями, обжигаемой знойным солнцем, развеваемой ветром, — это задача, не имеющая себе равных по трудности. Мировая археологическая наука не знала опыта подобных раскопок в таком широком масштабе.

Снимаем работу раскопщиков — и невольно поражаемся их мастерству. Удар за ударом, широкий нож отламывает куски веками слежавшейся глины. Метр, два, и вдруг темп работы меняется. Неопытный глаз ничего не замечает. Та же глина, того же цвета. Но еле заметное изменение структуры и плотности породы говорят специалисту, что здесь была приложена творческая энергия человека. Через несколько часов начинают вырисовываться очертания находки, и ювелирная очистка довершает ее раскрытие.

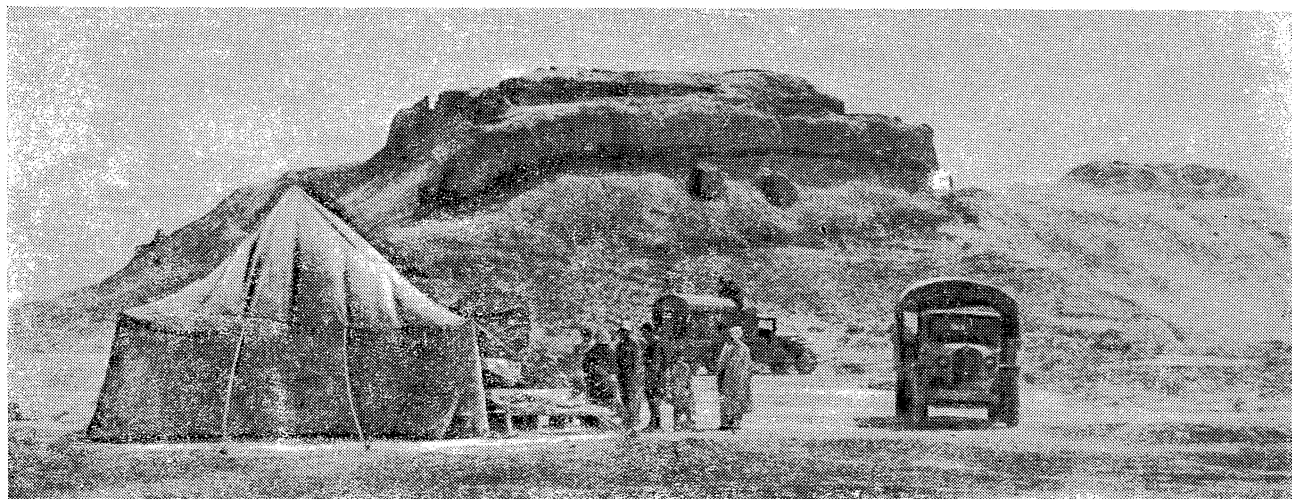
СТО ТРИДЦАТЬ КОМНАТ

Научный сотрудник экспедиции Нина Николаевна Вактурская начинает изучать новую — сто тридцатую — комнату. Она только что закончила раскопку нескольких помещений в северо-восточной башне и приступает теперь к расчистке нового — в центре дворца.

Легко сказать «приступает». Как на ровной поверхности земли уга-

---

На снимках: сверху — развалины крепости Джанбаз-кала; ниже — Аяз-кала. Крепостная стена; внизу — прибытие экспедиции к развалинам Топрак-кала.

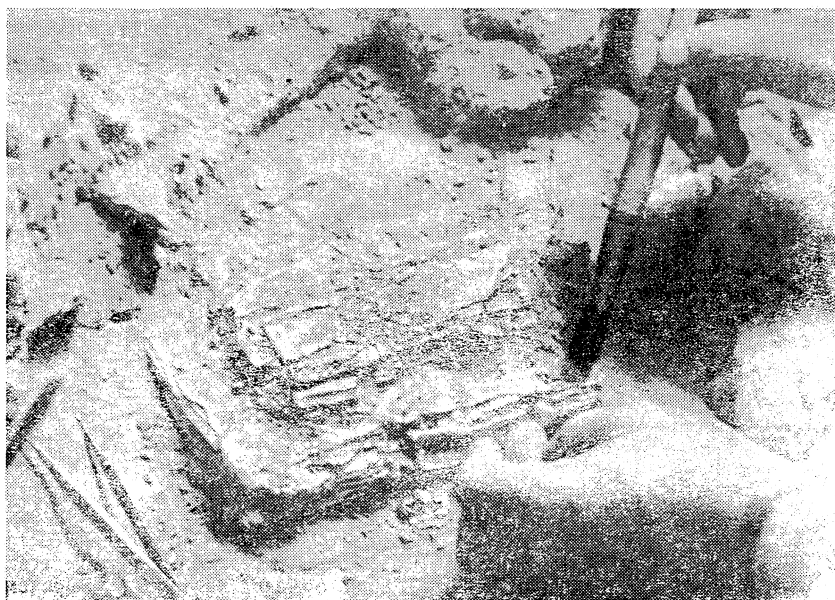
дать контуры строения, таящегося под тоннами грунта? Где проходят стены? Не поранят ли лопаты и ножи подточенные водой и временем линии сооружения?..

Но не напрасно же Нина Николаевна уже девять лет работает над воссозданием истории древнего Хорезма. Огромный опыт и чутье позволяют ей с непонятной для нас быстротой выявить план комнаты. Через несколько часов Нина Николаевна начинает медленно «погружаться» в землю.

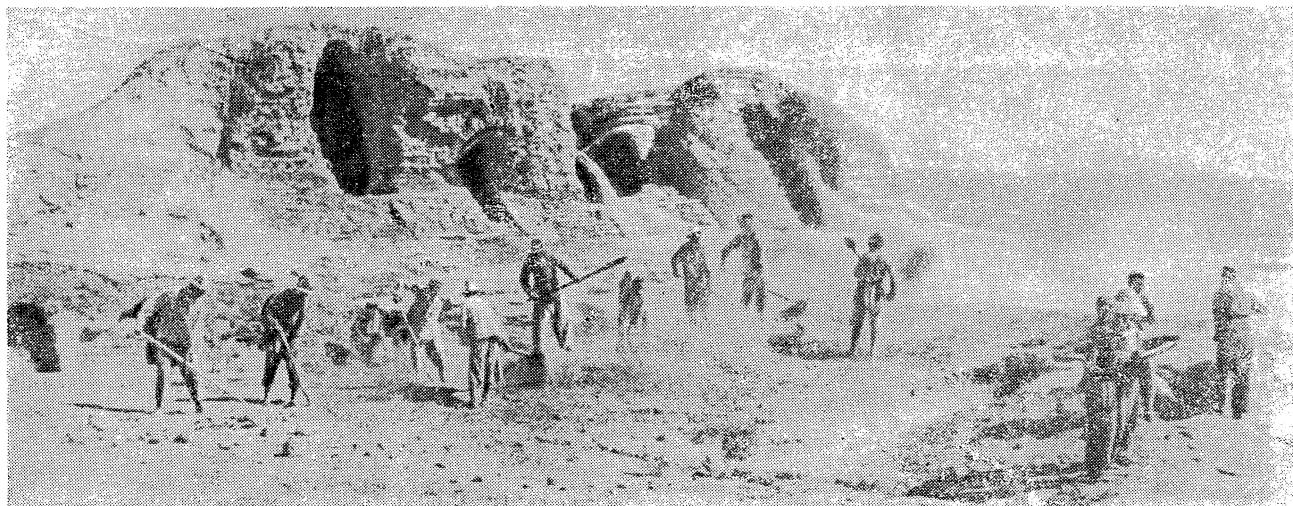
ПОЛЕЗНЫЙ УРАГАН

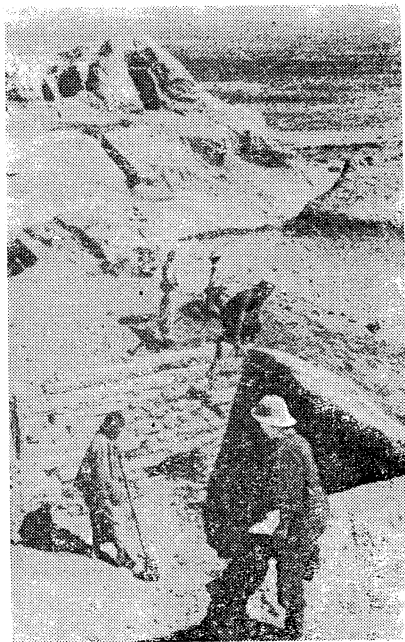
Стихии, которые своей вековой работой преграждают ученым путь к цели, иногда оказывают им и неожиданную помощь. Разыгрался такой ураган, что даже здесь, где сильный ветер явление будничное, он оказался необычным. Воздух, мчавшийся с невероятной быстротой, взметнул с земли густые облака песка и пыли, закрывшие солнце. Работу пришлось прекратить. На ногах устоять было невозможно, да и все равно ничего не было видно в этой песчаной мути.

Сильнейшим порывом ветра снесло самую большую палатку экспедиции. Четыре часа бушевал ураган, и трудно было предвидеть, какой ущерб он принесет. Лишь на закате ветер стих, и участники раскопок, поднявшись к месту работ, увидели всю поверхность развалин, начисто выметенную ветром! Кучи лессовой пыли были унесены в пустыню, и вся земля оказалась совершенно оголенной струями воздуха от верхнего, наносного слоя песка. Много дней работы десятков людей потребовала бы такая расчистка. А тут быстро и точно удалось наметить выявившиеся линии стен и контуры скульптур.

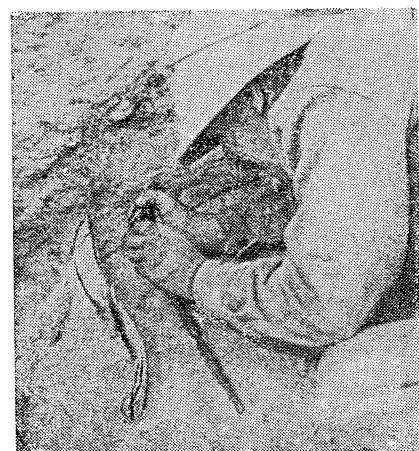

На снимках: сверху — С. П. Толстов за работой; ниже — одна из найденных во дворце рукописей; внизу — общий вид раскопок у северной башни.

Топрак-кала. Комната дворца, в которой найдена основная часть древних рукописей.

Топрак-кала. Ценная находка — луки из склеенного дерева.

Топрак-кала. Раскопки скульптур.

С каждым днем все большее число комнат впервые за много столетий видит солнце. К концу четвертого сезона раскопок их стало уже свыше ста тридцати.

«КАБИНЕТ» ПРОФЕССОРА

Если у каждого сотрудника экспедиции есть «свой» закрепленный за ним объект, то С. П. Толстов появляется везде и всюду. Порой кажется, что он бывает одновременно в нескольких местах, в самые трудные минуты берясь за нож, чтобы помочь молодому сотруднику своим опытом.

Только что он помогал Гале Васильевой выявить контуры скульптурной группы, изображающей, по видимому, Нику — богиню Победы. Богиня увенчивает одного из хорезмских царей, изображенного сидящим на низком троне.

Чтобы добраться до замечательной скульптуры, профессору пришлось всем телом втиснуться в узенький раскоп.

Через несколько минут мы снимаем комнату, в которой работает Т. А. Жданко; и Толстов уже здесь и помогает сотруднице определить характер свода, обвалившегося на пол.

Нас зовут вниз. Взяв на плечи тяжелую камеру, спешим по тропинке в лагерь. Там нас ждет колхозник-охотник. Он привез нам двух «артистов». Это орлы-беркуты. Проходя мимо палатки Толстова, мы видим, что он уже у себя. Сидя на чемодане около импровизированного из двух ящиков стола, он правит грудю гранок своей книги о Хорезме.

Профессор — доктор исторических наук... В нашем сознании эти слова ассоциируются с большим кабинетом, тихой библиотекой, письменным столом, заваленным книгами.

Как мало похожа здешняя обстановка на обывательские представления о человеке науки! Впрочем, это и неудивительно. Здесь наука в наступлении, и каждый работник — на переднем крае. Из цепких когтей забвения советские ученые вырывают утерянную историю древней культуры. Кто же думает об удобствах и комфорте?!

АРТИСТЫ ЧЕТВЕРОНОГИЕ И КРЫЛАТЫЕ

Приехавший на ослике охотник приветливо кивает нам и ведет показывать своих птиц. Два крупных беркута, привязанные к кустам джунгля, взволнованно клекочут. Охотятся они замечательно. Надев на голову беркуту кожаный колпачок, охотник сажает его на руку, защищенную от цепких и сильных когтей птицы доходящей почти до плеча толстой рукавицей. Заметив зайца или лису, охотник снимает колпачок и выпускает птицу. Взлетев, беркут молнией бросается на

жертву и вонзает в нее свои когти. Охотнику остается только побыстрее подбежать и, накрыв беркуту голову колпачком, отнять добычу.

В нашей картине мы обязаны показать зрителям своеобразных представителей животного мира азиатской пустыни. Но сделать это не легко. Вокруг Топрак-кала, например, очень много сусликов, но у них отлично поставлена «служба наблюдения и оповещения». Идем по равнине и слышим впереди себя только тонкий свист. Никого не видно. Между тем нор много, и из них изредка сверкают бусинки глаз. Дружные зверьки предупреждают друг друга о надвигающейся опасности. Пришлось объявить премию за поимку любого животного.

Вскоре нам притащили ежа. Он совсем непохож на обычных в России ежей. Иглы и мордочка у него длиннее, а уши, широкие и нежные, придают ему вид летучей мыши. Сперва еж долго лежал, свернувшись в колючий шарик, но стояло застрекотать киноаппарату, как он бесстрашно развернулся и, с любопытством разглядывая все вокруг, превзошел своими «актерскими способностями» все наши ожидания.

«ГЛУБОКАЯ КОМНАТА»

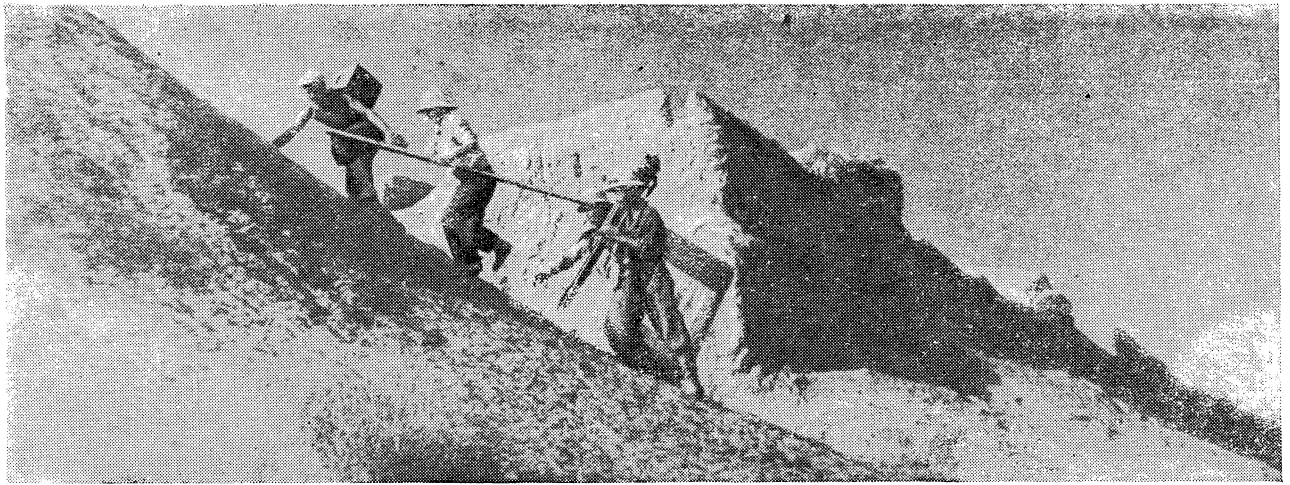
В начале эта угловая комната в юго-восточной части дворца отличалась от других только своей большой глубиной. Обычно о комнатах говорят «высокая» или «низкая», но здесь проникают в помещения сверху, и они соответственно становятся «глубокими» или «мелкими».

В этой глубокой комнате находки начались внезапно и притом в таком изобилии и такой ценности, что мы устали лазить и снимать их.

Сперва здесь нашли много обломков стрел, наконечников к ним, металлических с позолотой блях для поясов и стеклянных квадратиков, из которых тоже складывалось убранство пояса. Удивительно отшлифованные, эти стеклышки дают повод для установления приоритета хорезмцев перед венецианцами во времени производства и в качестве стекла. Потом из земли появились маленький бронзовый колокольчик и лоскутки истлевшего ковра и шелковой накладки. Мелкие бытовые детали, но как важны они для науки, какие далеко идущие исторические выводы вытекают из детального их изучения! Культура, быт, уровень развития производительных сил выясняются пытливыми археологами-историками на основании, казалось бы, незначительных находок.

Но вот однажды весь лагерь был взволнован. Все в той же комнате обнаружили одна за другой сперва небольшая деревянная табличка с надписью, а затем несколько рукописей на коже. Вот это сокровище! Мертвый язык, полностью утраченный много веков назад, может быть теперь воскрешен. Трудно

Архитекторам, составляющим план дворца, приходится брать крутые подъемы.

переоценить значение этих находок для восстановления исторической правды о величии и причинах падения великого Хорезма.

Дальнейшее показало, что это были не случайные находки. За первым документом нащупываются десятки новых. В углу комнаты нашлась целая грудa, до полусотни экземпляров документов, высыпавшихся из разбитого глиняного кувшина, в котором они хранились.

Через несколько дней, работавший здесь студент Юра Раппопорт обнаруживает новые документы на коже и в соседней комнате. Еще через несколько дней другой молодой работник экспедиции, Юра Аксенов, открывает несколько десятков документов в третьей комнате.

Археологи могли торжествовать победу — это был целый архив документов! Ключ к ним — в руках экспедиции. Еще в 1937 году профессор Толстов расшифровал надписи на открытых тогда экспедицией древнехорезмских монетах. Пройдет, конечно, немало времени, прежде чем рукописи будут прочитаны, но уже сейчас профессор Толстов имеет возможность определить их как документы хозяйственной отчетности. Это особенно интересно, так как позволяет проникнуть в самые основы общественного строя древнего Хорезма.

РАЗВЕНЧАННЫЕ ИДЕАЛИСТИЧЕСКИЕ ИЗМЫШЛЕНИЯ

Потребуется годы для изучения всего найденного экспедицией. Потребуется месяц, а может быть, тоже годы, для реставрации и расшифровки древнехорезмских текстов на рукописях, но важнейшие выводы уже сейчас ясно обрисовываются. Идеалистические домыслы буржуазных лжеученых о наступлении пустыни и усыхании рек, как причины гибели древних

городов в пустынях Средней Азии, оказываются ошибочными и вредными.

Исторический материализм — единственно правильный метод изучения истории — ясно доказывает, что расцвет и гибель Хорезма зависели от глубоких социальных причин. Не усыхание рек, не наступление пустыни, а кризис античного общественного строя и жестокие варварские завоевания обусловили гибель древних хорезмских городов. В результате войн разрушались каналы, уходили люди, пустели города.

Кроме того, работами экспедиции Толстова неопровержимо доказываются, что нелепы и лженаучны «теории» буржуазных ученых об особом пути развития Азии, о некоем многовековом феодальном мраке, окутывавшем эти области.

Работы экспедиции уже сейчас ясно показывают, что Азия, как и все человечество, повиновалась единым законам общественного развития, пройдя все его этапы — от первобытно-общинного и рабовладельческого строя к феодальному устройству общества и, далее, через период господства колониального режима к социалистической революции и достигнутому, благодаря мудрому руководству партии Ленина—Сталина и помощи русского народа, торжеству социалистического хозяйства и культуры.

«МАШИНА ВРЕМЕНИ»

Кроме Топрак-кала, вокруг нас много памятников античной древности и средневековья. Решаем использовать свободное от съемок раскопок время, чтобы осмотреть их.

Один из пяти «газиков» экспедиции. «Газик» как «газик», но на нем за два дня мы проделали фантастическое путешествие по векам. Здесь это возможно.

Началось с того, что утром проблема воды, сложная и без того,

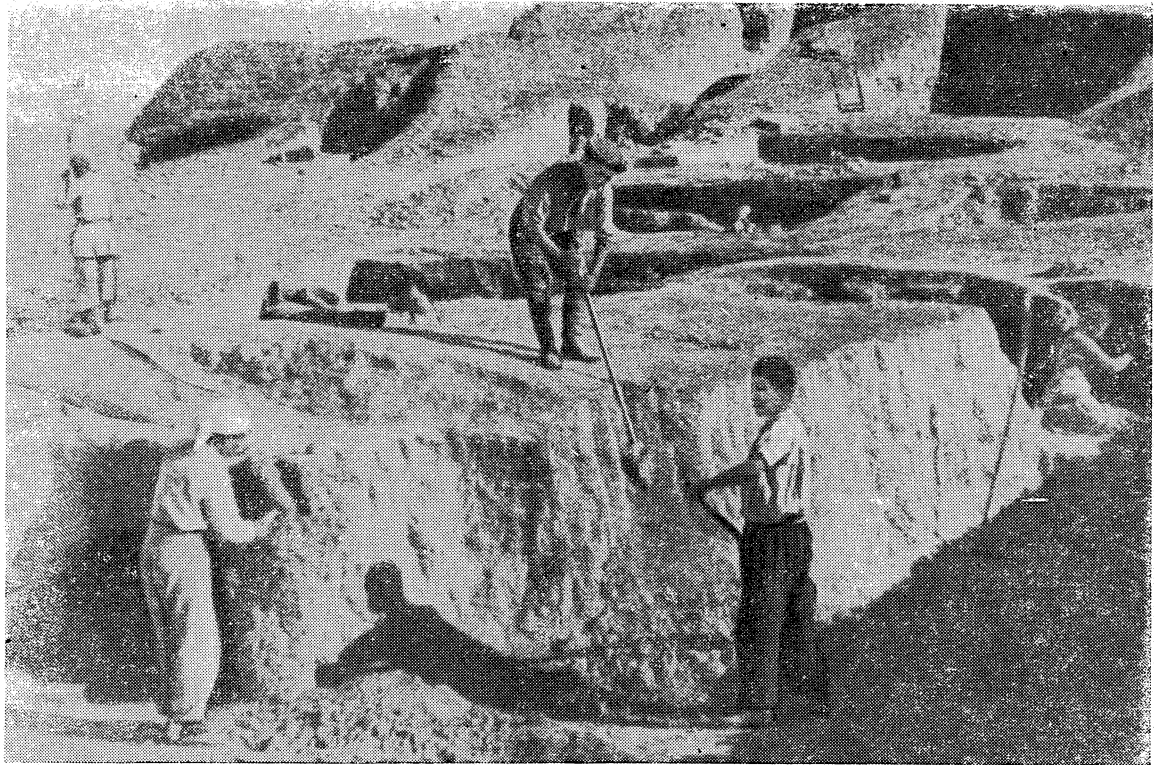
внезапно еще больше обострилась. Арык, из которого за шесть километров возили воду для экспедиции, закрыт. Две с половиной тысячи колхозников сегодня вышли в поле рыть новый, усовершенствованный канал, и старый на пять дней закрыт. Вот почему машина, посланная за водой, вернулась только к обеду. Другая ушла в Шаббаз за ватой для упаковки драгоценных находок, третья — в пустыню, за «дровами» для походной кухни.

«Дрова» — это саксаул. В Кара-Калпаки он не очень высок, и вблизи от Топрака его не видно. Здесь в основном обычны верблюжатник, тамариск, полынь. А саксаул — топливо замечательное, и за ним стоит съездить далеко. Стоит, конечно, но.. мы опять без машины.

Аппаратура готова. Наши съемочные камеры заряжены; и в ожидании мы утешаем себя размышлениями о том, что лучше всего снимать в песках вечером и утром.

Таким образом, покинув после обеда лагерь, мы действительно могли рассчитывать попасть к первому из намеченных нами для осмотра памятников только к вечеру. Впрочем, наша «машина времени» недолго тряслась по кочковатому солончаку. Вскоре мы выбрались на ослепительно белые поля такыров. Здесь раздолье для автотранспорта. Твердые, как сталь, и гладкие, как зеркало, пространства сливаются в сплошной автодром, допускающий любую скорость.

Через полчаса утомительной гонки, во время которой впереди нас, наподобие герольдов, мчались стайки диких джейранов, мы врзались в лабиринт высоких ребристых барханов кочующих песков. Между ними все тот же гладкий такыр, но напрямик не проедешь. Приходится петлять и даже возвращаться назад. Шаг за шагом движемся вперед, и вот, вылетев из-за очередного бархана, наша машина остано-

Тысячи тонн земли покрывают развалины дворцовых зданий.

ливается. Вылезаем — и замираем в восхищении: живописнейшие остатки крепости. Но разглядывать их долго некогда. Солнце клонится к горизонту, надо скорее снимать...

XII ВЕК НАШЕЙ ЭРЫ

В книге профессора Толстова «Древний Хорезм» есть глава, называемая «Стена в пустыне». Большинство памятников сейчас представляет собой лишь «стены в пустыне», но вряд ли какая-нибудь другая крепость могла бы ярче оправдывать это название, чем Кават-кала.

Восемь веков тому назад здесь шумел город. На солнце сверкали высокие башни и дворцы. Пестрая толпа заполняла площади и улицы. Десятки верблюдов и ослов сновали через огромные ворота. Но сейчас мертвая тишина застыла над затейливыми изгибами барханов.

Песчаные волны взметнулись и как бы окаменели в своем чудовищном всплеске, а самая большая из них взлетела и до самого верха большой стены.

Кават-кала не одинока. Километрах в пяти еще одна крепость, а недалеко от нее — другая. Между ними, в песках, множество мелких сторожевых башен и укрепленных домов. На фоне голубого неба рисуются силуэты средневековых развалин, а земля расчерчена следами каналов древнего орошения.

Снимаем тщательно и подробно. Особенно пески. Во всей Кара-Калпакии таких немного. Вечернее освеще-

ние подчеркивает их, могучие рельефы.

Возвращаемся снова в III век нашей эры: ночуем на Топраке.

СУЛТАН-УИЗДАГ. АВТОГРАФЫ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Жаркий безветренный день. Мчимся по гладким длинным такырам, но горы, казавшиеся близкими, все отступают от нас. Вокруг выжженная равнина, и на ней, выделяясь на лоне небесной лазури, изящными колонками изгибаются тонкие смерчи.

Черный, словно выкроенный из бархата, хребет внезапно совсем отодвинулся на горизонт, а наша

машина уперлась в обрывистые террасы предгорий.

Наш шофер с разгона подбегает к самому основанию мощного уступа. Отсюда, взвалив камеру на плечи, карабкаемся вверх.

Геология в нашей экспедиции не представлена, и сейчас мы имеем случай особенно пожалеть об этом. Если за два дня мы на полуторке сумели пересечь столетия, то здесь каждый метр подъема разделяют тысячелетия.

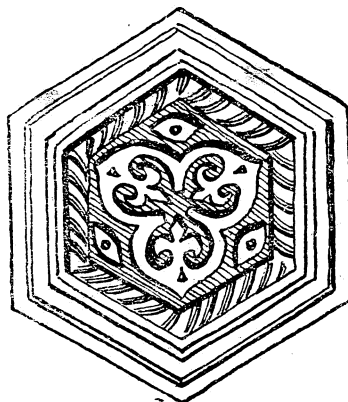
Естественная схема слоев земной коры, обнажившаяся по воле капризов стихий, могла бы послужить записной книжкой для опытного геолога. Вот мы поднимаемся по гладким скалам. На многих — отпечатки древних растений и раковин. Лезем выше и вдруг срываемся, откатываясь назад. Ноги скользят по двухметровому слою плотно слежавшихся ракушек. Здесь когда-то было море. Сколько миллионов лет назад?..

Выше снова разноцветные этажи многовековых отложений, и на самом верху ослепительные пласты белоснежного известняка.

Очень ветрено и жарко. Снимаем величественные пейзажи, растянувшиеся перед нами, слоеные извилины разноцветных пород и даже нашу машину, спичечной коробкой прислонившуюся к подножью склона. Оттуда машут руками. Нам нужно побывать еще во многих местах.

Какой же век следующий?
В дорогу!..

(Окончание следует)

Хорезмский орнамент.

В. Л. НЕМЦОВ

Научно-фантастическая повесть

Рис. Н. Арцеулова

Вадим Багрецов и Тимофей Бабкин были сначала учениками в моей лаборатории. Наматывали катушки и трансформаторы. Помогали в испытаниях. Учились. Потом их перевели в отдел, где конструировались автоматические радиометеорологические станции; сокращенно их называли АРМС.

Никогда я не думал, выбирая на опытный завод нашего института учеников для своей лаборатории, что через некоторое время мне придется написать целую книгу об их необыкновенных приключениях. Мои герои были очень скромны. Впрочем, узнав, что я их называю «героями», они, пожалуй бы, смутились. Рассказывая о своих приключениях, эти ребята все время подчеркивали, что они ничего особенного не сделали, так может случиться со всяким, и каждый на их месте поступил бы так же...

Но перейдем к нашему повествованию.

1. АВТОР КОРОТКО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СВОИХ ГЕРОЕВ, И СРАЗУ ЖЕ НАЧИНАЮТСЯ ИХ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Дождь начинал идти несколько раз еще с вечера, но ему не удавалось даже прибить пыль на дороге. Мелкие капли, как дробинки, летали в пыли. Их можно было рассмотреть в свете прожекторов, заливавших своими лучами дорогу, идущую вдоль ограды испытательного полигона.

В воздухе пахло пылью, свежим сеном и бензином. В будке, приподнятой над стеной, чуть слышно скрипывали доски. Там стоял чайной.

По черному южному небу медленно плыли сероватые облака. Казалось, они гасили яркие, пылающие звезды.

На полигоне было темно. Только в здании института светилось открытое окно, вероятно в комнате дежурного, да в кустах у подземного склада чуть теплился слабый огонек. У светящейся шкалы маленького приемника застыли две фигуры. Это были Багрецов и Бабкин, молодые техники.

— Дим, а Дим, сколько минут еще осталось? — спросил Бабкин.

Вадим отер платком мокрые от дождевых капель брови и взглянул на часы.

— Шесть.

Он вздохнул и прислушался. Откуда-то издалека донесся звонок телефона.

— Тим! — после недолгого молчания окликнул Бабкина Багрецов.

— Ну? — недовольно отозвался тот.

— А вдруг?..

— Чего ты меня пугаешь?

Бабкин сердито отвернулся и надел наушники, словно подчеркивая, что на этом разговор закончен.

Вадим поднялся, нечаянно задев куст с повисшими на нем каплями дождя. Они, как мокрые муравьи, поползли ему за воротник.

Недалеке темнело здание с куполообразной крышей. В тусклом свете, падавшего из комнаты дежурного, изредка мелькала тень часового, охранявшего вход в здание.

Бабкин поставил приемник на траву и тоже встал. Он был значительно ниже ростом, чем его товарищ. Широкоплечий, коренастый крепыш, Бабкин слегка вразвалочку прошелся по влажной траве, по-

смотрел на мокрые, словно лакированные, носки своих новых ботинок, поблескивавшие в свете звезд, и, нарочито зевнув, спросил:

— Теперь сколько осталось?

— Четыре минуты... И если не выйдет...

— Тогда домой поедем, — закончил твердо Тим. — Вот и все. Мы не виноваты, что машина испортилась и нас привезли сюда только к ночи. За два часа разве что проверишь как следует?

— А ты слыхал, куда они эту станцию отправляют?

— Нас это меньше всего должно интересовать. Прибор поставили, проверили, а там хоть на Памир пусть ее тащут. Определенно. Нам-то какое дело?..

Вадим удивленно взглянул на товарища. Тому, что он говорил, никак нельзя было поверить. Все, хотя бы немного знавшие техника Бабкина из лаборатории АРМС, поражались его любознательностью. Инженеры охотно все показывали и объясняли способному пареньку, а подчас и доверяли ему кое-какие монтажные работы.

Багрецов ни к кому не приставал с вопросами. После работы его часто можно было встретить в садике института с какими-то тетрадиками в руках. Говорили, что он пишет дневник, но точно об этом никто ничего не знал. Вместе с Тимофеем Дим прекрасно смонтировал новый электронный прерыватель к автоматической метеостанции: дневник не помешал.

Собственно говоря, из-за этого-то прибора — оригинального электронного прерывателя — они и приехали в незнакомый им испытательный институт. Техникам поручили уста-

У светящейся шкалы маленького приемника застыли две фигуры.

новить свой прибор на одной из автоматических станций, через два часа отправляющейся на длительную эксплуатацию в каких-то «особых условиях». Правда, к обиде друзей, их прерыватель включили только в систему, передающую сигналы влажности, но и то хорошо. Значит, в институте ценят прибор, сделанный руками молодых техников. Ведь это их первая самостоятельная работа. От тщательности монтажа прибора зависит передача сигналов влажности. Разве можно допустить, чтобы из-за плохой и небрежной работы техников лаборатории № 9 Багрецова и Бабкина были сорваны важные испытания?.. Страшно даже подумать!

Но именно об этом думали наши друзья. Они молча стояли под дождливым небом и с тревогой смотрели на слабо освещенный вход, где застыл часовой. Он охранял помещение, где находилась автоматическая радиометеостанция, а в ней электронный прерыватель. Его только что установили, проверили. Прерыватель работал нормально. Инженеры, которые готовили аппаратуру к отправке, остались довольны и ушли отдыхать.

Но, несмотря на утомительную дорогу и бессонную ночь, полную волнений и тревог, ни Вадим Багрецов, ни Тимофей Бабкин не могли покинуть полигон. Они словно не верили в надежность сделанной ими конструкции и решили проверить ее еще раз — лишний контроль никогда не помешает. Мало ли что может случиться?..

И они стояли с затаенным волнением, ожидая, когда в телефоне приемника послышатся знакомые сигналы.

— Кто это? — спросил Дим, ука-

зывая на одинокую фигуру, тенью проходившую по полигону.

Бабкин прищурил глаза. Это, кажется, незнакомец, которого он видел час тому назад у входа в помещение, где находилась метеостанция.

Тимофей еще тогда почувствовал, что от этого человека зависит очень многое в предстоящих испытаниях.

Кто он, Тимофей не знал, но по отношению к нему молодых инженеров догадывался, что человек этот пользуется здесь глубоким уважением.

— Кто это? — повторил свой вопрос Дим.

Бабкин пожал плечами. Откуда он знает?..

Вадим поднял воротник и взглянул на темное небо. В этот момент сквозь разорванную тучу проскользнул тонкий лучик далекой звезды. Кто знает, может быть, именно в это мгновение впервые домчался луч до Земли, как вестник рождения нового мира в бесконечной глубине вселенной?

«Кто разгадает тайну рождения и гибели миров? — думал мечтатель Багрецов, всматриваясь в небо. — Кто первым скажет об этом человечеству? Может быть, исследования космических лучей поведают нам о величайшей загадке вселенной».

Вадим вздохнул и снова наклонился над приемником. По светящейся шкале ползли ленивые струйки дождя. Сквозь них трудно было рассмотреть цифры.

...Прошли томительные минуты. Радиостанция автоматически включилась, и в телефоне приемника записали сигналы.

Они были такими громкими, что Тим услышал их на расстоянии от приемника. Вадим, прислушиваясь,

говорил: «Так... Прекрасно. Это передается температура... Восемнадцать градусов... Направление ветра. Ветра в помещении... нет... Но — неважно... Давление... Сейчас — влажность...»

Послышались тонкие звенящие звуки. Как будто бы кто-то ударял ложкой по стакану.

Прерыватель работал прекрасно и четко. Все сомнения оказались напрасными. Ну, еще бы, этот прибор делался в лаборатории № 9.

— Успокоился? — насмешливо спросил Тим и, зевнув, добавил: — Идем, спать хочется.

Дим прослушал до конца передачу сигналов и щелкнул выключателем. Шкала погасла.

— Подожди! — остановил его Бабкин, увидев, что тот, закрыв крышку приемника, направился к проходной. — Дай дух перевести. Спасибо за ботиночки. Удружили!

Он сел на траву и стал развязывать шнурки. Распутывая шнурки, Тим думал: «Как это он, такой серьезный и рассудительный техник Тимофей Бабкин, поддавался легкомысленному влиянию своего друга, за что (и подделом!) достойно наказан?..»

Тим, не в пример своему другу, привык очень просто одеваться: брюки военного покроя, гимнастерка... Дим же уговорил его надеть штатский костюм. «Неудобно, — говорил он, — тебе ехать в командировку в таком виде. Ты же представитель Центрального института, и вдруг — в сапогах...» Пришлось срочно приобрести новые ботинки. Выбирал их для него Дим — он в этих делах специалист.

Понравившиеся ему ботинки были лимонно-желтого цвета, но это не такая большая беда — потемнеют, а вот жали они дьявольски!.. Острая ноющая боль постепенно поднималась вверх. Даже чашечки коленные болели. Не хотелось ни о чем думать — только бы скорее сбросить с себя эти орудия пытки...

— Скоро? — нетерпеливо крикнул Вадим.

Бабкин не ответил: потирая освобожденные пальцы, он наслаждался сладостным ощущением затихающей боли.

Багрецов осмотрелся и, заметив около склада скамейку, вытер ее платком и сел, стараясь не запачкать костюма.

Он снова раскрыв чемоданчик и включил приемник. На все лады пищали телефонные станции. Слышались чужая речь, музыка... Невольно он подвинул стрелку шкалы к сорок четвертому делению. Вадим никак не мог подавить в себе желания снова услышать четкий стеклянный звон прерывателя.

Ну, конечно, после сигналов барометрического давления должен включиться он. Его звук приятнее любых мелодий. Но что это? Какие-то трески. Метеостанция передает сигналы влажности.

Все перепуталось. И главное — в этой путанице виноват прерыватель!

— Тимка! — глухо крикнул Багрецов. Он никак не мог ожидать подобной неудачи.

Бабкин почувствовал что-то неладное. Он быстро натянул один ботинок, хотел было надеть второй, но тот не налезал.

Хромая и подпрыгивая на одной ноге, Тим подбежал к товарищу.

— Слушай, — сказал тот, передавая ему трубку.

Тимофей, нахмурившись, дослушал передачу сигналов до конца.

— Спасибо за открытие! — подчеркнуто спокойно заметил он.

— Благодарю! — в тон ему ответил Багрецов, но не выдержал и взволнованно заговорил: — Надо сейчас же сказать дежурному. Я пойду... Они отложат отправку...

— Напрасно. Метеостанцию погрузят во-время. А наш прерыватель выкинут к чертям и поставят прежний. Станут они с нами возиться.

Тим встал, недовольно ощупал промоки на коленях брюки и посмотрел в сторону часового. Тот, накинув на голову капюшон прорезиненного плаща, шагнул около фонаря.

К воротам полигона подъехали две машины. Свет их фар пересекался тонкими блестящими нитями дождя.

— Теперь все... — упавшим голосом произнес Дим. — Сейчас отправят метеостанцию... А мы...

Тимофей выключил приемник, захлопнул крышку чемоданчика и размеренно, шопотом проговорил:

— Узнай я, что мой друг Багрецов, получив такое задание, не сделал всего возможного, чтобы его выполнить, я бы этого друга.. на комсомольском собрании пробрал так, что он после этого целый год не посмел бы взглянуть в глаза честным людям. Определенно... — Сжав руку Дима, Бабкин потащил его за собой.

Послышались приглушенные голоса людей, подошедших к часовому.

Тим старался рассмотреть среди группы инженеров заинтересовавшего его человека, но, по видимому, тот прошел уже в здание.

Никто не заметил, как наши друзья вошли в помещение, где находилась метеостанция. Впрочем, даже если бы их увидели, то вряд ли кого-нибудь удивило присутствие молодых техников. Пожалуй, не был бы удивлен, встретив юношей, даже начальник радиоотдела инженер Дерябин, поздним вечером отметивший им командировочные предписания.

Нашупав в темноте тонкую алюминиевую лесенку, ведущую к люку кабины, наши герои вошли внутрь станции. Здесь, пользуясь лампочкой, освещавшей шкалу портативного приемника, они отыскали серый лакированный кубик прерывателя, доставившего им столько хлопот.

Затаив дыхание и прислушиваясь к голосам, раздававшимся за стен-

ками кабины, Бабкин торопливо пытался освободить крышку прибора.

Отвертка скользила по лакированной поверхности металлического ящичка, руки дрожали... Было отчего волноваться. Оставались считанные минуты до того момента, как, герметически закрыв кабину, ее погрузят на платформу и отправят неизвестно куда... «Только бы успеть... Только бы успеть!..» — повторял Тим про себя. Ему показалось, что кто-то ходит по крыше: осторожные, медленные шаги. Тим прислушался. Шаги затихли. Вероятно, кто-то проверял наружные приборы.

Бабкин отвернул последний винт, снял крышку и сразу же заметил и устранил причину неисправности прерывателя. Как это он раньше не разглядел этот слегка отогнувшийся контакт? Сам виноват. Ну, теперь после исправления этот контакт уже никогда не откажет.

Тим торопливо начал завинчивать мелкие винтики. Затем поставил прерыватель на панель, затянул его снизу двумя надежными винтами и тут только заметил, что винтов не хватает. Должно быть, неосторожно задел рукавом и смахнул их вниз.

— Димка, помоги скорее! — крикнул он, опускаясь на пол.

В темноте было очень трудно искать. Свет от шкалы приемника направлен вверх, внизу ничего не видно. Дим и Тим ползали по металлическим гофрированным листам, шарили по ним руками, но винтов не находили. Надо думать, закатились под каркас с аккумуляторами.

Между полом и каркасом — узкое пространство. Можно ли в него протиснуться?

Первым полез туда Дим, а за ним и Бабкин, предусмотрительно взяв чемоданчик. Жаль, что шкала и здесь не освещает пола.

Тим методично проводил пальцами по желобкам гофрировки, стараясь нашупать в них потерянные

винты. Они никуда не могли укатиться.

— Нашел! — обрадованно сказал Дим, нашупав застрявший в желобке винт.

Бабкин приподнял голову и больно ударился ею о ребро каркаса. «Как здесь тесно, еще, пожалуй, и не вылезешь обратно. А неудобно получится, если в этом положении нас тут застанут. Техники из Центрального института, и вдруг такая неприятность. Дерябин — человек суровый, — думал Тим. — Штатский человек, а перед ним вон как все вытягиваются...»

Бабкин не знал, что именно в эту самую минуту «штатский человек» стоял от него совсем близко, в последний раз осматривая приборы перед отправкой метеостанции. Видно, ему и в голову не могло прийти, что под панелью, на которой был закреплен прерыватель, сейчас не хватает трех винтов. Два часа назад он сам придирчиво осматривал эти винты и даже пробовал их затяжку отверткой, не очень доверяя «мальчишкам из Москвы». А уж представить себе, что эти ребята находятся сейчас в узком пространстве под аккумулятором, Дерябин и подавно не мог...

Осмотрев кабину, инженер осторожно спустился вниз.

— Закрывать люки! — вдруг совсем неожиданно услышал Дим громкую команду. Он схватил Бабкина за плечо. Тот, поняв, в чем дело, сделал попытку вылезти из-под каркаса, но уже было поздно.

С мягким стуком захлопнулся внутренний люк. Заскрипели завинчиваемые болты. Через минуту чуть слышно звякнула крышка наружного люка. Настала тишина. Ни один звук не проникал сквозь толстые стенки кабины. Казалось, что из нее выкачали воздух...

Послышался легкий толчок, как в вагоне, когда трогается поезд. Герметически закрытая кабина метеостанции сдвинулась с места и поехала...

Техники бросились к люку, стучали по нему ногами, кричали, били кулаками в стены... Но никто их не слышал, кабина продолжала двигаться.

Куда? В каком направлении? Неизвестно.

Так начались необыкновенные приключения Вадима Багрецова и Тимофея Бабкина.

2. НЕОЖИДАННОЕ ОТКРЫТИЕ ТИМОФЕЯ БАБКИНА

Кабина метеостанции продолжала двигаться.

Убедившись, что ее толстые стенки с термоизолирующими прокладками совсем не пропускают звуков, что стучать и кричать бессмысленно, Багрецов неожиданно для самого себя почувствовал радостное облегчение.

Больше всего его смущала перспектива оказаться в смешном положении, если бы, услышав их стук,

Затаив дыхание, Бабкин торопливо пытался освободить крышку прибора.

инженеры открыли люк кабины и они с Тимом вылезли для всеобщего обозрения. Он даже покраснел при этой мысли.

Вадим представил себе сцену объяснения с Дерябиным и поморщился. Глупейшее положение! Теперь он доволен, что неприятный разговор оттягивается.

Багрецов вспомнил, что когда он и Тим приехали на полигон, то прежде всего встретились с дежурной радисткой. «Аня, — назвала она себя, протягивая руку Вадиму, и сказала хмуро: — Вы бы еще завтра приехали. Мне придется сейчас ваши новые сигналы учить. С такой спешкой все перепутаешь! А ну, показывайте».

Пока Тим распаковывал приборы, Вадим знакомил Аню с сигналами, которые она должна была принимать. Эти сигналы, передаваемые с помощью прерывателя, привезенного техниками из института, несколько отличались от обычных. Девушка оказалась понятливой, но на восторженного юношу, который, увлекшись объяснениями, размахивал руками, словно мельница, она поглядывала довольно иронически.

Вадим это чувствовал, но уже не мог остановиться, и вскоре, забыв о прерывателе и сигналах, заговорил о космических лучах и тайнах атомного ядра. Он говорил бы на эту тему без конца, если бы Тим, знавший все слабости своего друга, вовремя не прервал его.

Когда Вадим попробовал узнать у Ани, куда должна отправиться экспериментальная установка, девушка только загадочно улыбнулась.

Бабкин трезво оценивал создавшееся положение. Неприятно, если об этом происшествии узнают в институте. Засмеют!

...Кабина метеостанции словно пыла по воздуху, поддерживаемая руками несших ее людей. Вдруг она остановилась. Вероятно, сейчас ее погрузят на платформу многотонного грузовика.

В кабине было темно. Абсолютная тишина. Ни один звук не проникал сквозь ее глухие стенки.

Бабкин ползал около люка, пытаясь найти внутренние запоры. Вадима это удивляло. «Напрасно ищете, какие тут замки? Установка рассчитана на автоматическое управление. Людей здесь быть не должно».

— Ты вот что, — мрачно проговорил Тим, стараясь придать своему голосу солидность. — Особенно не беспокойся. В пути установку будут проверять. Тогда мы и вылезем..

Дим не ответил. Он, собственно говоря, и не беспокоился. Для него это было началом необыкновенного путешествия. Будет о чем записать в свой дневник. Может быть, об этом путешествии он мечтал еще с детства, когда в поездке по железной дороге каждый маленький полустанок казался вновь открытым, никому неизвестным городом. В этом городе люди были иными, неизвестными, а потому и загадочными. В те годы крохотная рожица у полотна железной дороги представлялась Диму усурийской тайгой. Там даже крик коростеля казался странным и непонятным.

Друзья неожиданно почувствовали, что кабину приподнимают куда-то вверх, словно подъемным краном. Диме пришлось уцепиться за шит с приборами, чтобы не упасть.

— На платформу грузят? — спросил он.

Тимофей заметил, что его друг не на шутку взволнован.

— Ну и что же из того? — с подчеркнутым равнодушием заметил он. — Не беспокойся, далеко не уедем.

— Ну, а вдруг? — с неожиданным, так мало подходившим к обстановке оживлением воскликнул Вадим. — Представь себе, что эту метеостанцию установят на каком-нибудь пике.. Ну, скажем, в горах Алатау?

— Опять ты за свое, — недоброливо заметил Тимофей, поняв причину волнения восторженного охотника до приключений.

Он встал и, еле переступая обувью в остроносые ботинки ногами, подошел к своему чемоданчику.

Вынув из него аккумулятор и присоединив к нему запасную лампочку от шкалы, Тимофей осветил внутренность кабины.

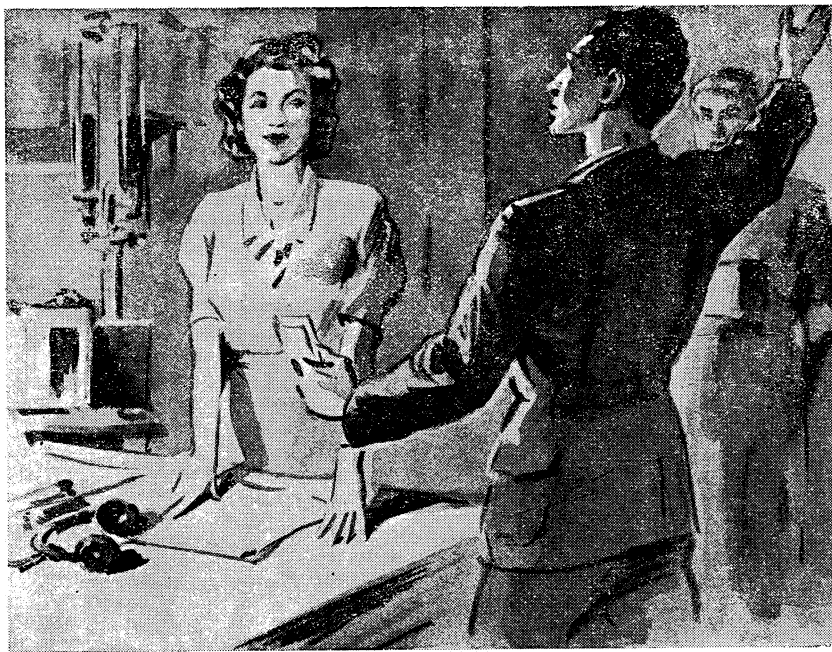
Она была цилиндрической формы. В металлических каркасах, расположенных по ее стенкам, разместились блестящие кубики приборов, отмечающих погоду. Радиостанция находилась в другом отсеке. Большинство приборов было вынесено за пределы кабины и только надписи на щитках говорили о том, что сюда подходят провода от автоматического анемометра, показывающего скорость ветра, от барометра, отмечающего давление, от актинометра, следящего за интенсивностью солнечных лучей, от облакомера, от термометра, от дождемера.. от множества других приборов, показания которых дают полную картину состояния погоды в местности, где установлена автоматическая радиометеостанция. Сеть таких метеостанций, сильно развивающаяся за последние годы, дает возможность достаточно точно предсказывать погоду, что имеет такое огромное значение для нашего хозяйства и особенно для воздушного транспорта. Однако большинство приборов Бабкину было незнакомо. Они казались ему слишком сложными для метеостанции.

В герметически закрытых ящиках щелкали многочисленные реле, вспыхивали зеленым светом какие-то колбочки, изредка гудели, как пчелы, крошечные моторчики.

Стены кабины были гофрированными, видимо из дюралюминия. Внимание Бабкина привлекла дверь, ведущая в соседний отсек кабины. Может быть, там он найдет второй выход? Он оглянулся на товарища. Вытащив свою «мемуарную тетрадку», как Бабкин в шутку называл дневник товарища, он даже в этом необычайном положении что-то записывал в нее. Еще бы, такое приключение!..

Бабкин приподнялся на носках (чорт возьми, как больно!), отвернул один запор наверху, другой внизу и открыл дверь.

Тимофей считал необходимым никогда и ничему не удивляться. Но к тому, что он сейчас увидел за

...размахивал руками, словно мельница...

дверью, он не мог остаться безучастным.

В тусклом свете лампочки, падавшем из-за его спины, можно было различить множество блестящих рычагов, стоявших вертикально. Они образовывали узкий коридор, идущий вправо и влево от двери. Коридор казался маленькой аллеей, обсаженной молодыми деревьями. Их стволы блестели, словно в лунном свете. «Нет, это что-то не то, — подумал Тимофей, переступая порог кабины. — На метеостанцию совсем непохоже».

Он не мог себе представить назначения этого сооружения. Непонятные рычаги терялись где-то далеко в темноте. Коридор казался бесконечным.

Перешагнув через низкие перегородки, Тим попытался пройти вперед. Это было трудно, так как пол часто уходил из-под ног. Кабина покачивалась, словно машина, на которой ее везли, ехала по холмам. Нет, этого, конечно, не может быть. Никакая машина не сvezет такое громоздкое сооружение. Может быть, оно установлено на специальной платформе?

Кабина сильно наклонилась. Невольно, чтобы не терять равновесия, Тимофей уцепился за рычаг. В ту же минуту он почувствовал, что рычаг поднимается вверх...

Ощупью, цепляясь за рычаги, оживавшие при малейшем прикосновении к ним, Бабкин долго шел по узкому коридору. Казалось очень странным, что коридор такой длинный, что ему все нет конца...

Вдруг прямо перед собой Бабкин увидел узкую полосу света. Подойдя ближе он с удивлением заметил полуоткрытую дверь. Осторожно заглянув в нее, Тимофей увидел человека, сидящего на полу. Это был Дим. «Что за чепуха такая? — подумал Бабкин. — Неужели я шел вокруг кабины? Надо проверить еще раз».

Тим снова пошел по аллее из металлических стволков. Сомнений не было — он шел по кругу. Дальше проверять уже не стоило.

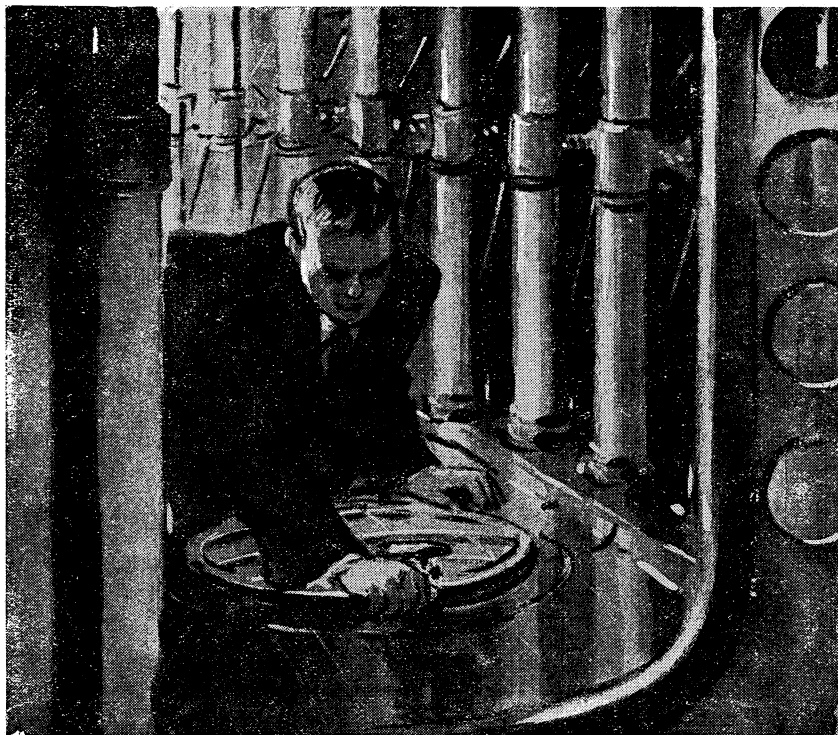
Решив вернуться, Тимофей сделал несколько шагов назад и вдруг почувствовал под ногами слегка выпуклую крышку люка.

«Значит, отсюда, из этого кольцеобразного коридора, есть выход? — подумал Тимофей, опускаясь на колени и ощупывая люк. — Не открывается ли эта крышка?»

Найдя солидные запоры, Бабкин по очереди начал поворачивать их, и люк действительно открылся. Бабкин наклонился над ним, нашупал лесенку, идущую вниз, и осторожно опустился в узкий колодезь.

«Вероятно, и внизу есть люк, который можно открыть изнутри, — думал Тим, держась за трубчатые перекладины лестницы. — Тогда мы вылезем отсюда, и никто никогда не узнает, в какое положение попали техники из института».

Внизу и на самом деле оказался второй люк. Его крышка долго не

«Не открывается ли эта крышка?..»

поддавалась, — повидимому, удерживали резиновые прокладки. Наконец она уступила усилиям Бабкина.

В открывшееся отверстие хлынул свежий ночной воздух. Было темно. Утро еще не наступило. Или кабина закрыта чехлом?.. Тимофей хотел было вылезти из люка, но в этот момент его внимание привлекли какие-то блестящие точки, расположенные по квадрату. Может быть, это дырочки в брезенте? Но что это? Они плывут?..

Приглядевшись, Бабкин понял, что под ногами огни земли. Они быстро уходили вниз...

3. ЛАБОРАТОРИЯ БЕЗ ЛЮДЕЙ

Есть такая наука — аэрология. Тимофей кое-что в ней понимал. Знал о воздушных течениях, знал, что они исследуются шарами-пилотами. Он часто монтировал маленькие передатчики радиозондов, которые, достигая стратосферы, автоматически посылают оттуда сигналы. Сигналы записывают опытные радисты, дежурящие внизу у приемников, или специальные пишущие приборы. По этим сигналам с высоты метеорологи определяют направление воздушных течений, температуру, влажность и ряд других показателей, характеризующих состояние атмосферы.

Воздушный океан исследуется не только радиозондами; нередко сюда посылаются на воздушном шаре или самолете и летающие лаборато-

рии. В одной из таких лабораторий повидимому, и находились сейчас Багрецов и Бабкин.

В летающей лаборатории стоят автоматические приборы. Значит, людей здесь быть не должно. Но как же сообщить на полигон, что произошла ошибка, что в лаборатории люди? Радиостанция находится наверху, в изолированном отсеке. К ней не доберешься. Что же можно еще придумать?

Бабкин наклонился над люком. Внизу было темно. Огни земли давно уже померкли, превратившись в тускло светящееся пятно.

Тимофей смотрел в черную глубину. Как ни странно, но он вдруг почувствовал себя абсолютно спокойным. Может быть, потому, что пока еще не до конца осознал всю безвыходность своего положения. Впрочем, что мог он еще сделать при данных обстоятельствах? Кричать? Бесцельно. Кто может его услышать с такой высоты? И самое главное — Бабкин не мог себе представить, чтобы из-за него с Димкой пришлось прекратить первые, самые важные испытания летающей лаборатории.

«Ничего, — подумал он, — мы здесь не помешаем, да и — почему знать? — может быть, даже будем полезны!»

Тимофей поднялся наверх и сел около люка.

Какое счастье, что, наконец, можно снять ботинки! Он нагнулся и стал развязывать шнурки. Ноги горели и ныли от нестерпимой боли, словно их опустили в кипяток. Тимофей изо всех сил дернул за шну-

рок. Ботинок скользнул с ноги, упал в люк и исчез в темноте.

Тимофей почувствовал двойное облегчение. Теперь он уже никогда не сможет надеть эти шикарные лимонно-желтые ботинки, предназначенные для испытания крепости нервов. Он снял и второй, послав его вдогонку за первым. На память его оставлять не хотелось...

Несмотря ни на что, Тимофей испытывал в эту минуту настоящее счастье. Он с наслаждением пошевелил отекавшими пальцами и тихо рассмеялся. Если бы не счастливая случайность, то он, пожалуй, никогда бы не расстался с ненавистными ботинками.

Но первое ощущение радости быстро прошло. Как быть с Багрецовым? Ведь он пока еще ничего не знает. Может быть, и не говорить ему ничего до утра, а там видно будет?

Но Дим уже стоял рядом.

— Тим, а Тим, ты что-нибудь понимаешь? — спрашивал он, наклонившись над Бабкиным.

— А ты?

— У меня такое впечатление, что мы движемся, словно по воздуху.

— Да... хорошая дорога..

В открытый люк ворвалась ночная прохлада. Вадим зябко передернул плечами.

— Мне почему-то кажется, что где-то здесь есть открытое окно, — сказал он, все еще ничего не понимая. — Ты не чувствуешь?

— Да, здесь холодно. Идем обратно. — Тимофей зевнул, потянулся и добавил: — Спать хочется... Утром все узнаем.

— Ладно, только останемся здесь. Там душно. Хочешь мой пиджак подстелить? — заботливо предложил Вадим.

Бабкин отказался. Вадим растянулся на полу подложив руки под голову. Лежать было неудобно, пол и в этом кольцеобразном коридоре оказался гофрированным. Его ребра больно упирались в тело.

— Тим, а Тим! — послышался сонный голос из темноты. — Мне Аня говорила, что ей поручено следить за сигналами этой метеостанции.

— Ну и что из того?

— Поставят кабину на гору, — мечтательно продолжал Багрецов. — Полетят сигналы ее радиостанции в эфир... Аня их будет каждый день слушать... Записывать цифры влажности и давления... Может быть, даже радоваться ясной погоде: э пике в горах Алатау, но кто ей скажет, что там погибают запертые в железную коробку техники из Центрального института? Один из них был обыкновенный, а другой... в красивых желтых ботинках.

Бабкин промолчал. Он вспомнил, что девушка действительно насмешливо поглядывала на его дурацкие туфли, причем, как ему казалось, это было не совсем вежливо с ее стороны. А Димка тоже хорош! Сам же втравил его в это дело, а теперь издевается. Ну, ничего, по-

Дим сел на последней перекладине лестницы...

смотрим, что он скажет утром, когда посмотрит в люк. Увидит, какое это Алатау!..

Но Тимофей не злорадствовал. Он с тайной тревогой ждал рассвета.

«Что-то будет утром?» — думал он, искоса поглядывая на узенький злеликс люка, видневшийся в глубине кабины.

Люк становился все более и более заметным. Начинало светать. Воздушная лаборатория медленно плыла над землей, но находившиеся в ней случайные пассажиры совсем не чувствовали движения. Никакого пркачивания, словно все замерло на месте.

— Тим, — снова заговорил Багрецов, — шутки в сторону. Что, если наше путешествие действительно затянется, ну, скажем, на неделю, на две?..

— Помрем, — равнодушно заметил Тимофей. — Определенно, — добавил он, но тут же пожалел о сказанном: — «Зачем зря пугать парня? Ему и так скоро будет невесело».

— Ты хочешь сказать, что нам придется рассчитывать на помощь случая или добрых фей?.. Вот если бы Аня догадалась, куда мы исчезли. Она же знает, что нам неудобно было уехать, не простившись с ней.

Бросив случайно взгляд в глубину кабины, Дим сразу умолк. Тускло светилось овальное отверстие.

— Тимка, смотри, выход!..

Цепляясь за вертикальные рычаги, Вадим побежал к люку.

В прудуреннем тумане все на земле казалось серым, похожим на асфальт. Хотелось скорее спрыгнуть вниз, на дорогу, чтобы покончить с неизвестностью. Надоело сидеть в

этой железной коробке. Кстати, сейчас самое подходящее время для того, чтобы незаметно выбраться из нее. Темно, никто не увидит. Но Бабкин схватил товарища за плечи и с ожесточением потащил вверх.

— Не смей! — закричал он в запальчивости — Понимаешь, не смей!

Вадим в недоумении вылез из люка. Что это с Тимкой?..

Тимофей приподнял крышку и со стуком закрыл люк. В кабине стало темно.

Долгое время молчали. Вадим чувствовал себя глубоко оскорбленным. Какое имеет право Тимка ему приказывать?

А Тимофей в это время думал совсем о другом. Он пытался представить, что будет, когда Димка узнает правду? Как бы его подготовить? Как сказать ему, что они летят, а не едут на машине?..

— Дим, а Дим? — стараясь казаться беспечным, обратился он к товарищу.

— Ну? — ответил тот, все еще чувствуя себя обиженным.

— Ты помнишь, как мы монтировали передатчики для радиозондов?

— Пустая работа.

— Почему?

— Да так... Делаешь прибор на совесть, стараешься, а все, можно сказать, зря: поработает он несколько часов, а там улетит куда-нибудь в Арктику и — нет его!

— Ну, вот еще придумал! Таких случаев никогда не бывало. Так далеко радиозонды не залетают...

— Бывает и того лучше! Шары поднимаются на высоту в три-четыре десятка километров, лопаются, и все наши передатчики, батареи и всякие там метеорологические устройства летят вверх тормашками...

— Они не всегда разбиваются, — попытался возразить Тим, но тут же подумал: «Слабое утешение».

Разговор принял совсем неподходящее направление. После него трудно будет представить себе, как и эта метеорологическая лаборатория, достигнув стратосферы, лопнет и упадет «вверх тормашками»... Тимофей на мгновение задумался, но сразу же отогнал эту мысль: «Зачем бы нужно было строить такую сложную станцию, если она должна погибнуть?»

Все же слова Вадима на него подействовали. Где-то в глубине сознания Бабкин почувствовал неуверенность в благополучном завершении их путешествия. Перед глазами вставала картина гибели летающей лаборатории... Послышится легкий треск, где-то над головой лопнула оболочка... Зависит ветер по обшивке gondoly. Сразу опустится пол, уходя из-под ног... Оглушительный стук... Яркая вспышка света, похожая на пламя ацетилена...

Бабкин невольно закрыл глаза. Открыв их снова, он увидел светящийся круг люка и в нем... голову Багрецова! Откинув крышку и лежа на животе, Вадим смотрел на расстилавшуюся внизу панораму.

Бабкин, затаив дыхание, ждал, что скажет товарищ. Как-то он поведет себя?..

Летающая лаборатория проплывала над землей сравнительно на небольшой высоте — пятьсот-семьсот метров. Солнце уже показалось над горизонтом, и сквозь рассеивающийся утренний туман можно было заметить длинные тени одиноких деревьев. Тени падали на желтый ковер из одуванчиков и сурепки, покрывавший луга.

Иногда желтые пятна чередовались с белыми. Это были пушистые шарики отцветших одуванчиков. В эти минуты Бабкину казалось, что внизу проплывает огромная сковорода с яичницей.

Багрецов молчал. На лице его блуждала растерянная улыбка. Он что-то хотел сказать, но, видимо, не решился.

— Ну? — нетерпеливо спросил Бабкин. — Сдрейфил? Определено!.. — добавил он свое любимое словечко.

Лицо Багрецова покрылось красными пятнами. Он медленно отвернулся и снова посмотрел вниз.

Да, он чувствовал страх. Ему было страшно и за себя и за товарища потому, что он понимал, в каком положении они сейчас находятся. Свободный полет этой автоматической метеостанции может продолжаться многие дни. Ее путь определяется капризами воздушных течений, и они бессильны хоть как-нибудь его изменить.

Багрецов приподнялся на локтях, затем опустил ноги в люк и стал спускаться вниз по тонкой алюминиевой лесенке.

Тимофей замер от неожиданности, готовый в любую минуту броситься за ним.

Сев на последней перекладине лестницы, Вадим молча смотрел на проплывавшие под ним поля. Он старался себя успокоить и не думать о том, что может случиться сегодня или завтра. В глубине души он даже был доволен собой. Он сумел побороть охвативший его страх, теперь почти спокойно сидел на тонкой жердочке и с высоты пятисот метров смотрел вниз.

Земля казалась ему свежей, умытой утренней росой. Где-то в стороне остались густые леса, сквозь них пробежала прямая и блестящая, как река, автомагистраль Киев — Житомир. Проплывали хутора, окруженные розовой пеной вишневых садов. У дорог цвели желтые сережки акаций. Ярkokрасные мальвы жалась к свежeweбеленным стенам хат.

Может быть, и не все так подробно было видно с высоты, но воображение Багрецова дополняло этот пейзаж. Он осторожно поднялся вверх и молча сел у люка.

Бабкин чувствовал, что Дим обижен. Не надо было его упрекать в трусости. А теперь вот и не придумаешь, как бы загладить свою вину. Впрочем, он знал, что Дим незлобив и отходчив.

— Тим, а Тим! — и на самом деле услышал он, наконец, голос друга. — Вот что, Тим, — говорил Багрецов, стараясь казаться спокойным. — Мы находимся в гондоле стратостата, где установлена радиостанция, автоматически подающая сигналы погоды. Мне кажется, что стратостат рассчитан на подъем в верхние слои атмосферы без людей. Но... люди все-таки здесь оказались, вот почему стратостат и летит так низко. — Надо как-то сообщить на полигон, что так получилось.

— Ты думаешь, что из-за нас метеостанция не может подняться выше? — обеспокоенно спросил Тимофей.

— Да, мне так кажется.

— Мы им сорвали испытания, — задумчиво проговорил Бабкин, смотря в одну точку.

— Но ведь мы же не виноваты, — смущенно заметил Вадим. — Мы хотели сделать как можно лучше.

— Сколько они к ним готовились, — не слушая его, продолжал Тимофей. — Проверяли, рассчитывали... Я уверен, что таких стратостатов никто в мире и не строил. Определенно, — убежденно подчеркнул он, — это первый опыт. А мы... — Тим махнул рукой и с досадой добавил: — Да что там говорить!..

Внизу показалась река. Отраженный от воды золотой прыгающий зайчик ворвался сквозь люк в кабину, заметался на ребристом потолке и снова ускользнул.

4. «БЕСПОЛЕЗНЫЙ ГРУЗ»

Прошло несколько часов в свободном полете.

Внизу проплывали леса и луга, пашни и нивы. Уносились вдаль села, деревни и хутора. Изредка в

овальном отверстии люка показывался и небольшой городок и тоже уползал в сторону.

Бабкин, выросший в деревне, в отличие от своего товарища-горожанина заметал многое из того, чего не видел тот.

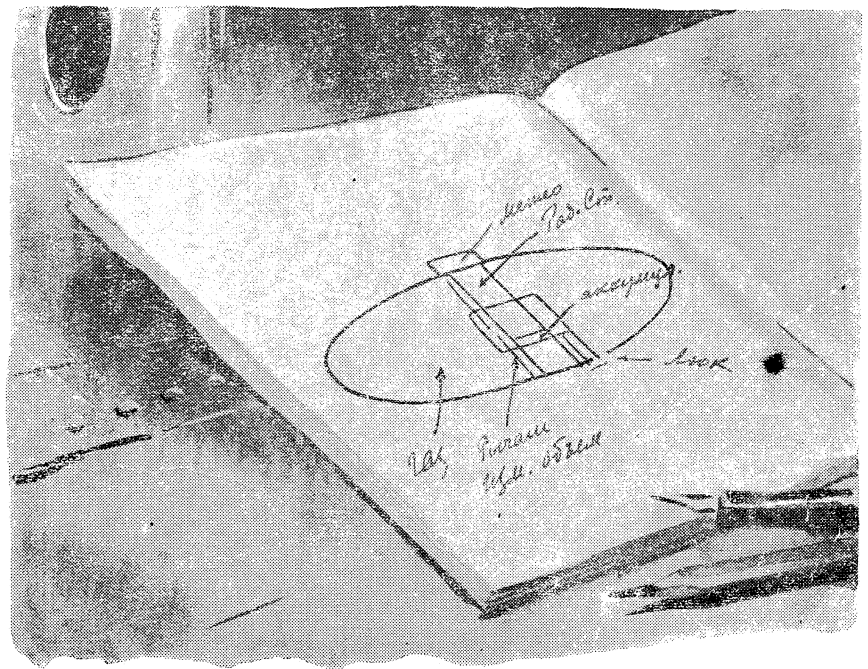
С высоты в пятьсот метров он мог определить, хороши ли яровые, его радовали ровные, густо засеянные поля. Он видел свежие, еще не успевшие потемнеть столбы на колхозных улицах. По ним он определял, что в этом селении недавно построили электростанцию.

Встречались совсем новые деревни, светившиеся золотом свежеструганного дерева. Только черные пятна давнишних пожарищ, оставшиеся в стороне, напоминали о том, что здесь проходила война. Тимофей опытным глазом определял богатства возрожденных после войны колхозов. Он сразу замечал вновь построенный скотный двор, молочную ферму, детский сад. Он видел свежий забор МТС, тракторы и машины, видел стада на водопое у реки, бахчи и огороды. Он знал, что все это принадлежит колхозам, и хорошее чувство гордости за советских людей, строящих новую жизнь, возникало в нем.

— Смотри! — услышал он голос товарища.

Тимофей взглянул в сторону, куда указывал Вадим. По зеленому лугу бежала огромная тень, отбрасываемая их стратостатом.

Нет, конечно, так его нельзя было назвать. Тень, скользившая по траве, никак не могла быть тенью воздушного шара. В косых лучах восходящего солнца она казалась длинной темной сигарой, с утолщениями сверху и снизу. Их летающая лаборатория должна была

«Вот диск с изменяющимся объективом...»

иметь форму либо дирижабля, либо диска, что нетрудно будет узнать, когда солнце поднимется выше. Однако Тим предполагал, что скорее это должен быть диск с цилиндрической кабиной посередине. Иначе как бы мог разместиться в сигаре кольцеобразный коридор с движущимися рычагами? Бабкину многое стало понятным. И гофрированные стены, сквозь которые не проникает звук, потому что они окружены газом. И то, почему ход во внутреннюю кабину должен идти через широкую трубу, с двух сторон закрытую герметическими крышками.

Тим мысленно представлял себе, как устроена летающая лаборатория, в которой они находились.

Это, как ему казалось, был цельнометаллический дирижабль необычайной формы и сравнительно небольшого объема, рассчитанный на длительный полет в верхних слоях атмосферы.

Отсутствие винтомоторной группы и экипажа, применение очень легкой аппаратуры, являющейся основной нагрузкой этого своеобразного, управляемого на расстоянии летательного устройства, видимо, позволило бы ему подняться очень высоко, может быть, даже туда, куда никогда не поднимались радиозонды, а тем более люди на обычных стратостатах. Но... сейчас эта летающая лаборатория ползет чуть ли не у самой земли, потому что в ней находятся люди, которые здесь совсем не нужны.

Чувствительные и надежные приборы автоматически передают по радио на землю не только показания температуры, давления, влажности, скорость воздушных течений, интенсивность солнечного сияния... Тимофей предполагал, что эта лаборатория рассчитана на возможность

передачи и более сложных показаний, например: состава воздуха и многих других данных — иначе зачем же здесь столько непонятных приборов? «Здорово все-таки придумали наши инженеры, — размышлял Бабкин. — Стратостат без людей. И как это мы ухитрились испортить им испытания? Первые испытания!»

Чувство глубокой вины ни на минуту не покидало Бабкина.

Багрецову надоело смотреть вниз. Он повернулся к Тимофею, спросил:

— Так ты думаешь, что это... дирижабль?

— Нет, что-то вроде «летающего острова», — лениво ответил Бабкин, погруженный в свои мысли.

Сильный ветер гнал летающую лабораторию к югу. Проплыли под нею степи Херсонщины, Днепр сверкнул яркой голубиной. У пристани стоял пароход, сверху казавшийся бумажным корабликом.

— Тим, а Тим, — сказал Багрецов, показывая на блестящую ребристую крышу кабины. — Как ты думаешь, зачем там эти стягивающие рычаги? Может быть, они служат для какого-нибудь автоматического управления?

— Я в этих делах плохо разбираюсь, — неохотно ответил Тимофей. — Но мне кажется, что это сделано для изменения объема стратостата. Его оболочка должна расширяться на высоте. Я помню, Циолковским была построена модель жесткого дирижабля с изменяющимся объемом.

— И я об этом читал, — сказал Вадим. — Погляди-ка.

Он вынул свою тетрадь.

— Я представляю себе эту лабораторию таким образом. Вот диск с изменяющимся объемом. — Он нарисовал в тетради эллипс, похожий

на сгусток. — При подъеме он, вероятно, должен делаться толще. В центре диска находится равномерно вращающаяся его в пространстве кабина с приборами и радиостанцией. — Дим нарисовал маленький продолговатый прямоугольник. — Она сообщается с внешним миром двойным люком, сквозь который мы вошли... Вокруг кабины, в кольцеобразной, изолированной камере, находятся автоматические устройства, управляющие изменением объема диска. Здесь же мы видим другой двойной люк. Вот этот. Вокруг камеры, в жесткой оболочке самого дирижабля, находится газ, вероятно гелий. Кабина разделена на две части. — Вадим провел горизонтальную черту. — В одном изолированном отсеке размещена радиостанция, а снаружи все метеоприборы, радиоторы, собственно говоря, и построена эта лаборатория. В другом отсеке — внизу, куда мы вошли, — показал он карандашом, — находится устройство, превращающее показания приборов в электрические импульсы, вроде нашего прерывателя. Здесь же находятся и аккумуляторы... Ты заметил, что эти рычаги то подымаются, то опускаются? Ты знаешь, Тим; — оживился Багрецов, — мне кажется, что эти движущиеся рычаги управляют дыханием нашего «летающего острова».

— Это еще что такое?

— От солнца газ расширяется, а ночью сжимается. И вот, для того чтобы эта летающая лаборатория не поднималась вверх и вниз в зависимости от времени суток, движущиеся рычаги, связанные с оболочкой, как-то компенсируют изменение объема дирижабля.

Вадим замолчал. Он вспомнил о Циолковском, проектировавшем не только цельнометаллические дирижабли, но и межпланетные ракеты, — ученом, отдавшем всю свою жизнь извечной мечте человечества расширить границы познания мира. В то время он не знал, что скоро люди будут стремиться в космические пространства, чтобы постигнуть тайну не Марса и не Меркурия, а... своей планеты — Земли. Они помчатся ввысь, навстречу еще не изученным, все пронизывающим лучам. В них таится загадка атомов, из которых создан мир. Открыв природу космических лучей, расщепляющих атомы, человек смог бы использовать неисчерпаемые запасы атомной энергии на земле. Большая, но близкая мечта! Багрецов представлял себе это время...

— Послушай, Тим, — решил он поделиться своими мыслями с другом. — Ты знаешь, о чем я думаю?

— Ну?

— Доживем ли мы до таких дней, когда атомной энергии, заключенной в обыкновенном кирпиче, будет достаточно для того, чтобы доехать на поезде от Москвы до Владивостока? Ты слышал об этом когда-нибудь?

— Опять ты за свое, — недовольно заметил Бабкин. — Фантазия!

Это блеснула молния в отверстии люка.

Издательство географической литературы выпустило в свет книги Д. М. Затуловского «На ледниках и вершинах Средней Азии» и П. С. Ротогаева «Побежденная Ушба». Обе книги посвящены восхождениям советских альпинистов на высочайшие вершины нашего Союза. На Ушбу в 1930 году безуспешно пытались взойти американские альпинисты. Наши альпинисты поднялись на вершины Ушбы (северную и южную) 21 раз и совершили 9 переходов с одной вершины на другую.

Тем же издательством выпущена книга Н. Бендер «Имена русских людей на карте мира», в которой рассказывается о великих открытиях русских путешественников и мореходов на протяжении пяти столетий, начиная с XV века.

Издательством географической литературы выпущены в серии «Русские путешественники»: брошюры Н. Г. Фрадкина — «Путешествия И. И. Лепехина, Н. Я. Озерцовского и В. Ф. Зуева»; А. Д. Добровольского — «Плавания Ф. П. Литке»; Р. Фраермана и П. Зайкина — «Плавания В. М. Головнина».

Московское общество испытателей природы выпустило книгу А. Г. Грумм-Гржимайло «Дела и дни Г. Б. Грумм-Гржимайло», в которой рассказывается о жизни и путешествиях знаменитого русского путешественника и географа, известного своими исследованиями Внутренней Азии.

Главным управлением геодезии и картографии при Совете Министров СССР выпущено два атласа. Один из них — «Атлас СССР» — предназначен для широких кругов населения нашего Союза. В атласе свыше 40 карт. Он составлен на основании новейших картографических и справочных материалов. Другой — «Атлас истории СССР» — дает всестороннюю геогра-

фическую характеристику образования русского государства от древнейших времен до XVII века.

Заканчивается работа над шестым томом «Истории Москвы», выходящей в издании Академии наук СССР.

В том же издательстве ведутся работы по созданию трудов, утверждающих мичуринское направление в естествознании. К числу таких трудов относится, в частности, «История земледелия в СССР», которая выйдет под редакцией академиков Б. Д. Грекова и Т. Д. Лысенко.

Горьковским областным издательством выпущена книга Д. Смирнова «Картины нижегородского быта XIX века». Отдельные главы этой книги посвящены знаменитым нижегородцам — изобретателям Кулибину и В. Калашникову, писателям М. Горькому, В. Короленко, А. Мельникову-Печерскому и другим.

В издательстве Главсевморпути вышла книга Н. Н. Зубова «В центре Арктики». В книге этой, написанной одним из крупнейших советских океанографов, дается описание арктического бассейна и его природы.

Издательством Главсевморпути выпущен ряд новых книг об Арктике. Третьим изданием вышла книга проф. В. Ю. Визе «Моря советской Арктики». Вышла также книга доктора исторических наук А. П. Окладникова «Древние русские мореходы у берегов Таймыра».

Издательством Главсевморпути переиздана книга знаменитого русского путешественника Ф. Врангеля «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю», впервые вышедшая из печати в 1841 году, — с тех пор она не переиздавалась. В виде приложения к труду Врангеля публикуются письма и рисунки спутника Врангеля — мичмана Матюшкина, близкого товарища А. С. Пушкина по Царскосельскому лицее. Письма Матюшкина считались утерянными и лишь недавно были обнаружены в личной библиотеке принца Ольденбургского, переданной в 1919 году Ленинградской публичной библиотеке. В этих письмах много интересных сведений о сибирской жизни начала XIX века. Сибирскую жизнь иллюстрируют и рисунки Матюшкина, сделанные акварелью.

«Описание земли Камчатки» — классический труд академика С. П. Крашенинникова, вышедший впервые в 1755 году, переиздается издательством Главсевморпути. В точности воспроизводится текст первого издания. В примечаниях приводятся выкладки, сделанные академической цензурой. Над подготовкой труда Крашенинникова к печати (30 печатных листов) работают академики Л. С. Берг, А. А. Григорьев и проф. Н. Степанов.

Тем же издательством выпускаются повесть писательницы М. Марич «Федор Литке», книга Л. Хвата «Три путешествия к Берингову проливу» и литературно-художественный альманах «Полярный круг».

— Ничуть. Один килограмм угля, если перевести его энергию в электрическую, дает при сгорании примерно восемь киловатт-часов, а атомная энергия одного килограмма даст двадцать пять миллиардов киловатт-часов. Ты представляешь себе, что это значит? Эта энергия только в три с небольшим раза меньше всей выработанной в нашей стране электроэнергии по плану пятидесятого года.

— Значит, из трех таких кирпичей можно взять столько электроэнергии, сколько за год дадут все электростанции в стране? — недоверчиво проговорил Тим.

— Ну конечно!.. Не нужно будет добывать уголь, нефть. Получай эту энергию хоть из воды. Ее на земле достаточно. Если бы узнать, что собой представляют космические лучи, да получить их в лаборатории, тогда все можно будет сделать.

— Я думаю, — проговорил Бабкин, — ученые не даром изучают высокие слои атмосферы. Не знаю, что они там найдут, но для них сейчас все важно, хотя бы состав воздуха, который исследуется анализатором.. И влажностью его они тоже интересуются. Значит, и наш прерыватель пригодится для науки.

Вадим нехотя согласился с ним. Никакой фантазии нет у этого Бабкина. «Пригодится...» Разве можно так говорить?.. Он взглянул на то-

варища и с удивлением заметил, что Тим сидит в одних носках. Куда же делись его прекрасные туфли?..

— Вот что, Дим, — после недолгого молчания проговорил Бабкин, — может быть, и на самом деле из-за нас сорвутся эти важные испытания. Но уж если мы здесь, то следить за всем надо. Понимаешь... по-хозяйски... Все записывать, замечать, как и что работает. И от этого польза будет..

— Да тут трудно разобраться, — попытался было возразить Дим.

— А если надо? Вадим внимательно посмотрел на товарища и, вынув из кармана тетрадь, сказал:

— Значит, разберемся...

Неожиданно в кабине стало совсем темно. Дим подумал, что захлопнулся люк. Нет, не похоже. Он взглянул вниз. Ничего не видно. Сизая мгла закрыла землю. Неужели гроза? Выдержит ли ее лаборатория? Дим поежился, как от холода.

Резкий порыв ветра высоко подбросил вверх летающий диск. Вадим больно ударился локтем о стенку и инстинктивно схватился за вертикальную трубку. В люке заматалась клячка разорванной тучи. Раскаты грома доносились издали, как гул приближающейся бомбардировки. Летающая лаборатория постепенно притягивалась к нижней кромке грозовой тучи.

Куда-то занесет сейчас эта черная туча летающий диск автоматической метеостанции?

Резкий толчок заставил Дима еще крепче сцепиться в трубу. Метеолаборатория вошла в тучу. Неожиданный вихрь закрутил, завертел ее, как оторвавшийся от дерева листок.

Бабкин тоже уцепился за борт люка и, стиснув зубы, смотрел вниз, стараясь определить высоту полета. Ему казалось, что в такой невероятной качке диск снизится настолько, что может удариться о землю.

Дим закрыл глаза и в отчаянии ждал, что вот-вот хрупкое сооружение летающей лаборатории переломится пополам, как лепешка. Иногда ему казалось, что диск поворачивается совсем вертикально и скользит вниз, как с крутой горы.

Оглушительный треск словно надвое разорвал металлическую оболочку диска. Сквозь сомкнутые веки Вадим увидел огненно-красный круг. Это блеснула молния в отверстии люка. Никогда в жизни он не видел молнии так близко. Чудилось, что до нее можно дотронуться, не вылезая из люка.

Снова удар... Багрецову показалось, что молния ворвалась в кабину и заматалась в ней, как в клетке.

(Продолжение следует)

ИЗ РУССКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СТАРИНЫ

ПЕРВЫЙ РУКОПИСНЫЙ УЧЕБНИК ПО ГЕОГРАФИИ

Всю ночь валил снег. Узкие улочки белокаменной Москвы занесло до самых крыш. К утру выюга кончилась. Едва забрезжил рассвет, как над огромным скопищем деревянных домишек, хором, теремов медленно поплыл колокольный звон.

На заснеженных улицах древней русской столицы показался народ. Шли стрельцы в ярких кафтанах с пищалями, торопились в приказы служилые люди и дьяки, купцы открывали лавки.

Нырять по ухабам, тащились длинные обозы с мукой, кожей, лесом, лаптями. Сытые кони мчали боярские возки. Звонко переключаясь, смеясь и швыряя друг в друга снежками, сыновья именитых людей торопились в училища.

День, зимний день 1553 года в Москве Ивана IV, начался.

В доме дьяка Афанасия Мартынова еще совсем темно. Утренний свет едва проникает сквозь заснеженные слюдяные окошечки, и только пламя лампад с трудом разгоняет мрак в большой унылой комнате с бревенчатыми стенами, дощатым полом и потолком, с большой печью в углу. Здесь, в этой комнате, — училище, где ребята от 10 до 15 лет все вместе обучаются «грамоте, книжному письму и церковному пению».

Впервые в 1551 году решено было такие училища завести в домах у священников, дьяконов и дьяков (служилых людей).

Вот и сейчас десяток ребят изучает у Мартынова книжную премудрость.

Все они сыновья бояр, дворян, служилых людей, богатых купцов. Отцы их, по уговору с учителем, платят ему и деньгами и продуктами за обучение своих детей.

Один за другим входят в школьную комнату ученики. Раскрасневшиеся от мороза, они раздеваются у

печи, кладут шапки на «грядку» (полку) и, стараясь принять степенный, скромный вид, кланяются низко учителю...

Выучиться грамоте в те времена было нелегко. Это был такой тяжелый труд, что одолеть его удавалось лишь очень способным.

Малыши хором выкрикивали названия букв: «аз... буки... веде... глаголь...» Мальчики постарше громко чеканили слоги: «ба... ва... га... да... жа... за...», как было написано в азбуке. Самые старшие, тоже во весь голос, хором читали Часослов или другую церковную книгу.

Шум и разноголосица стояли невероятные. И только чуткое ухо учителя могло определить, кто из учащихся читает неправильно. Если же кто из учеников пытался обмануть учителя и не следил по книге, а только раскрывал рот, поглядывая по сторонам, ленивцу грозило высканье. Наказание розгой, а то и плеткой было обычным делом при обучении.

Зубрежка сменялась уроком письма. Писали гусиными перьями. Нужно было особое умение так срезать и расщепить кончик пера, чтобы оно не цепляло и не делало кляксы.

Писать учились, списывая буквы, слоги и, наконец, слова и целые фразы из «прописи», то есть со специального образца.

Кроме чтения и письма, ребята обучались начаткам арифметики — цифирь, — церковному пению, знакомились с календарем и летоисчислением. Занятия продолжались с раннего утра до полудня. Во время двухчасового перерыва шуметь и играть не разрешалось. Все чинно сидели, хотя уже и не на своих местах, а кто где хотел, и подкреплялись принесенной едой, запивая ее водой из кадки и слушая чтение дежурного.

Дежурный ученик громко читал обычно главы из «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова. Это была настолько интересная книга, что даже отъявленные лентяи и несправимые шалуны заслушивались чтеца.

«Христианскую топографию» написал еще в VI веке александрийский монах, который в молодости был купцом и много путешествовал по Персии, Индии, Эфиопии, Цейлону и другим странам Азии и Африки, за что и получил прозвище Индикоплова, то есть плователя в Индию.

В XIII веке сочинение Козьмы Индикоплова перевели с греческого на славяно-русский язык, и с тех пор в течение нескольких веков оно пользовалось у наших предков большой любовью и популярностью. Тщательно переписанная, украшенная заставками и концовками, со множеством рисунков, эта «топография» служила не только книгой для чтения, но и учебником по географии, космографии, истории и естествознанию.

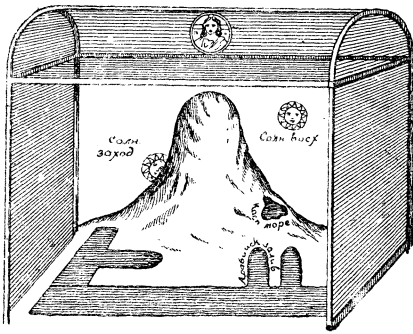
Козьма подробно и правдиво описал страны, где ему пришлось побывать или о которых он слышал от других путешественников. Он описал природу этих стран, животный мир, население, его занятия и образ жизни.

«Жители Варварии, — писал он, — отправляясь внутрь страны, привозят оттуда ладан, корицу, тростник и по морю отправляют их в... Индию, Персию». Вблизи Варварии находится Аксумитское царство (оно занимало территорию современной Абиссинии). Царь аксумитов через каждые два года посылал своих служителей в сопровождении пятисот воинов в богатую золотыми рудниками Сазу для обмена на золото, быков, соль, железо.

Живо и интересно описывает Козьма торговлю пришельцев с местными

жителями. Прибывшие располагались лагерем и прежде всего устраивали вокруг него невысокую ограду из терновника. Быков они убивали, туши разделяли на части. Мясо, соль, железо и другие предметы раскладывали на ограде лагеря, как на прилавке.

Жители страны Сазы осматривали выставленные товары и на приглянувшиеся им предметы клали слитки золота. Владельцы товаров или сразу брали золото, или даже не дотрагивались до него. Тогда покупатели при-

Устройство мира (по Козьме Индикоплову).

бавляли еще несколько золотых крупинок. Так продолжалось до тех пор, пока покупатель и продавец не сошлись в цене. Ярмарка длилась несколько недель.

Купцы старались продать товары и вернуться на родину до наступления зимних месяцев, так как пути из-за зимних дождей становились непроходимыми.

Наряду с правдивым описанием стран в книге Козьмы попадались кое-где и такие, например, сообщения: «Макарийский остров лежит близ блаженногорая», а недалеко от него расположены будто бы другие острова, на которых живут «люди с волосами львов» и «змеи с девичьим лицом и голосом».

Массу географических сведений и занимательных, порою точных, порою фантастических, описаний разных стран и народов получали московские школьники из этой книги. Но трудно даже представить себе, какую дичь нес Козьма Индикоплов, пытаясь описать строение мира, Земли, Солнца и звезд. Свою книгу он написал в VI веке, Задолго, почти за тысячу лет до Козьмы, грек Эратосфен измерил окружность земного шара и первым употребил термин «география». Уже за 800 лет до Индикоплова грек Кратес сделал первый глобус, за 500 лет до Козьмы римлянин Помпоний Мела начертил карту мира. Вот как высоко стояла в античном мире географическая наука.

Однако христианская церковь, считая все эти «языческие измышления» греков и римлян «ересью», всячески изгоняла их из памяти народов, стараясь доказать, что и мир и Земля устроены не так, как утверждали

греческие и римские ученые, а совсем по-иному.

Козьма Индикоплов в своей «топографии» также восстает против «еретического» учения о шарообразности Земли и о движении Земли, Солнца и светил.

Пространными рассуждениями, ссылками на священные книги, наконец, рисунками и чертежами он пытается доказать, что Земля не шар, а плоский, продолговатый от востока к западу четырехугольник, покрытый небом, как сводчатой крышей; что по краям Земли возвышаются отвесные стены и край Земли сходится с краем небес. Небо — крыша мира. В мире, как и в каждом доме под крышей, устроен потолок. Это так называемая твердь. Она разделяет все пространство на две части: нижнюю, где находятся Земля, Солнце, Луна, где обитают животные, люди, ангелы, и верхнюю — «второе место, именуемое царством небесным». Кстати, здесь же хранятся запасы воды, которая налита в этом чердаке прямо поверх тверди. Если на Земле идет дождь, это значит, ангелы «по велению божьему» откупорили отверстия в тверди и вода выливается на Землю.

Плоская Земля разделяется на две части морем, «которое язычники называют океаном». На Земле находятся четыре залива (или моря): Римский, Аравийский, Персидский, Каспийский, или Гирканский. Плавание возможно в заливах, а не в океане, в котором много течений и поднимающихся туманов. Автор утверждал это, ссылаясь на собственный опыт, так как путешествовал по всем «заливам», кроме Каспийского.

«Не все части Земли одинаковы в своей высоте; северные и западные весьма высоки. А южные низменны; и океан за первыми лежит в глубине, а за южными на одном уровне с ними. Первые, как далеко отстоящие от солнца, холодны, вторые теплы. На крайнем севере и на крайнем юге земля необитаема вследствие сильного холода на одном и сильной жары на другом».

Козьма Индикоплов утверждал в своей книге, что Солнце, Луна и звезды не сами движутся по небу, а их перетаскивают ангелы.

С особенным упорством Козьма старался доказать невозможность шарообразности Земли и существования антиподов.

Он пишет: «Если ноги одного человека противопоставить ногам другого, будут ли они стоять на земле, в воде, в воздухе, в огне или на каком-нибудь другом теле, то как эти оба человека могут оказаться стоящими вверх? Разве не окажется, что один по природе будет стоять вверх, а другой против природы вниз головой? Неразумно и странно нашей природе и порядку все это».

«Когда случится дождь у обоих, то возможно ли говорить, что он

падает на обоих сверху вниз? И не будет ли он падать на одного сверху вниз и на другого снизу вверх, или падать в обратном направлении — на него и с него? Ибо, если представить себе людей, стоящих вниз головой, то необходимо представить себе дождь, падающим на них снизу вверх. И разумно (справедливо) посмеется кто-нибудь над этими смешными гипотезами, говорящими нескладное, беспорядочное и противное природе».

В наши дни любой ученик четвертого класса начальной школы наголову разобьет «научные» доказательства плоскости Земли и невозможности существования антиподов, которые приводил в своей книге Индикоплов. Во времена же Ивана Грозного не только ученики заучивали строение мира по Козьме Индикоплову, но и взрослые читали «Христианскую топографию» в часы отдыха, считая ее вполне достойной всякого доверия.

...Два часа длился обеденный перерыв, а затем в училище снова начались уроки. Они продолжались до вечера. Уроков на дом не задавалось. Аккуратно закрыв книги и застегнув их на застёжки, ученики прятали их в сундук или ставили на полку. «Прописи» также бережно свертывали и клали вместе с книгами.

В воскресенье и праздничные дни училище тоже не пустовало. Все ученики обязаны были приходиться сюда, как и в будни, чуть свет, но уроков в эти дни не учили, а слушали чтение различных церковных книг, «хождений», то есть описания путешествий и сочинений вроде «топографии» Козьмы Индикоплова.

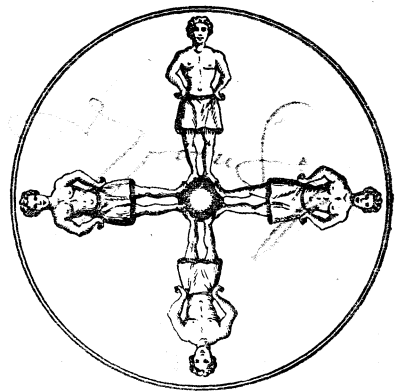

Рисунок из книги Козьмы Индикоплова, «доказывающий» невозможность существования антиподов.

Так учились во времена Ивана Грозного. Трудно было одолевать книжную премудрость, письмо и цифирь. И только сведения по географии запоминались без всякого труда и зубрежки — настолько интересен для всех был первый (еще рукописный) учебник по географии — сочинение Козьмы Индикоплова.

Вл. Якубович

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ГОДОВЩИНЫ

В 1948 году советскими географами был отмечен ряд знаменательных годовщины.

Всесоюзное географическое общество посвятило специальное торжественное заседание столетию путешествия по Африке Е. П. Ковалевского.

Египетский паша, прослышавший об успехах русского горнозаводского дела, обратился к русскому правительству с просьбой прислать ему «опытного офицера корпуса горных инженеров» для устройства и руководства разработками золотых приисков.

Просьба была удовлетворена. В Египет был послан горный инженер Е. П. Ковалевский. Это была первая русская научная экспедиция в Африку. Ковалевский и сопровождавшие его русские ученые открыли новые золотые россыпи, организовали промывку золота.

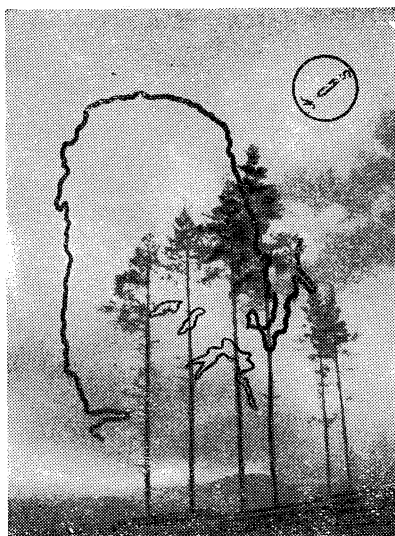
Выполнив поручения, данные ему египетским правительством, Ковалевский, воспользовавшись представившейся возможностью, провел обширное географическое изучение восточной части Египетского Судана и части Абиссинии — местностей, куда еще не проникали европейцы. Им были составлены географические карты обследованных районов, а один из притоков Нила назван «Невкой». «Это название, — писал по этому поводу Ковалевский, — может служить указанием, до каких мест доходил европейский путешественник и к какой нации он принадлежал». Экспедицией Ковалевского были привезены из Африки обширные геологические и этнографические коллекции.

* * *

В конце 1948 года была отмечена также 60-я годовщина со дня смерти Н. М. Пржевальского, выдающегося русского путешественника и ученого, известного исследователя Центральной Азии.

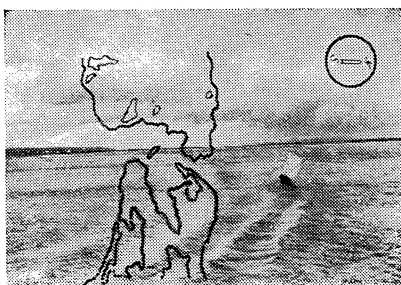
Им было совершено пять больших путешествий, в том числе четыре в Центральную Азию и одно в Уссурийский край.

Пржевальский первым в географической науке рассказал подробно о Тибете, этой считавшейся загадочной и недоступной части света, и стер с карт огромное «белое пятно», простиравшееся на них раньше в пределах между Памиром и истоками Желтой реки, заполнив его географическими обозначениями. Во время своих путешествий Пржевальский делал съемки местности, определял высоты горных хребтов, собирал коллекции животных и растений, многие из которых еще не были известны. До Пржевальского никто не видел черного зайца, тибетского медведя, дикого верблюда и особенно дикую лошадь, пред-

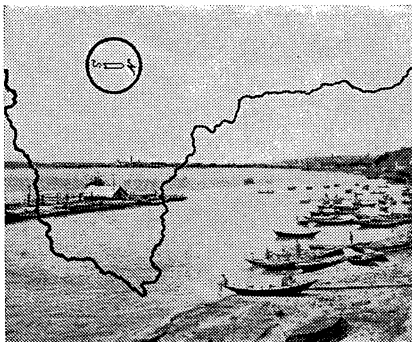
I

1. Какой полуостров изображен на схеме?
2. Какими морями он омывается?
3. Какой порт находится на этом полуострове и сколько месяцев в году он открыт для навигации?
4. Как называется залив, на котором расположен порт?

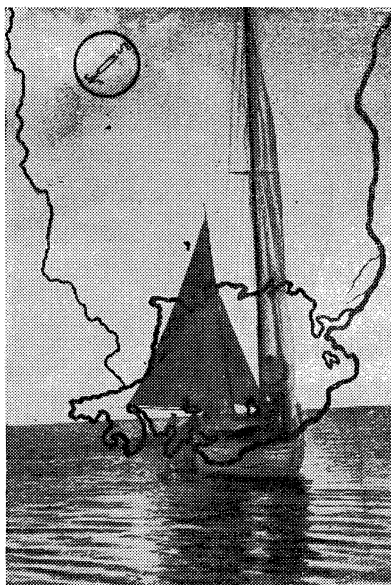
II

1. Какие моря или океаны соединяет пролив, изображенный на схеме?
2. Какой порт находится на одном из берегов пролива? Какой железнорудный комбинат по плану послевоенной пятилетки восстанавливается и расширяется вблизи от этого порта?
3. Как называется залив, на другом берегу пролива?
4. Именем какого селения, расположенного на берегу этого залива, один из русских классиков назвал часть своего знаменитого произведения?

III

1. Какая река изображена на схеме?
2. В какой области она берет свое начало?
3. В какой океан или море впадает эта река и как называется залив у ее устья?
4. По имени какого древнего селения, расположенного у устья этой реки, назван ряд походов Петра Первого?

IV

1. Какой водоем изображен на схеме?
2. Замерзает ли он зимой?
3. Сколько рек впадает в него?
4. Какие большие реки изображены на схеме?

Г. С. и В. Я.

ставявшую собой переходную стадию между лошадыю и ослом.

Пржевальский скончался в самом начале своей шестой экспедиции, заболев брюшным тифом. Было это на русско-китайской границе. «Положите меня так, чтобы я мог видеть горы», — попросил он своих спутников.

По желанию Пржевальского, его похоронили на берегу озера Иссык-Куль, там, где начинается пустыня.

Многочисленные сочинения Пржевальского до сих пор не утратили большой научной ценности. Они переведены на многие языки мира.

* * *

В 1948 году исполнилось 50 лет с начала работ так называемой «Экспедиции для научно-промысловых исследований у берегов Мурмана». Экспедицией руководил магистр зоологии Н. М. Книпович, известный знаток морских промыслов Мурмана.

Для работ экспедиции было построено специальное судно «Андрей Первозванный» — первое судно такого рода во всем мире.

В подлежащий изучению район входило все пространство от меридиана Вардэ до Новой Земли и на севере — до 77-й параллели. Главная база экспедиции находилась в Екатеринбургской гавани Кольского залива.

Масштабы и тщательность проведенных экспедицией исследований были исключительно велики. Для одного только изучения теплого течения Гольфстрема с «Андрея Первозванного» было сделано около двух тысяч станций по измерению глубин и определению грунтов, взято до 1500 гидрологических серий, определяющих температуру, соленость, плотность и прозрачность воды на глубинах в различное время года. Результатом этих работ явился ценный научный труд Книповича «Основы гидрологии Европейского Ледовитого океана».

* * *

В 1948 году исполнилось 50 лет со дня спуска на воду ледокола «Ермак» — «дедушки» нашего ледокольного флота.

Проектирование и строительство «Ермака» велось под наблюдением героя обороны Порт-Артура адмирала С. О. Макарова. Русские конструкторы создали в «Ермаке» лучший для того времени (конец XIX века) ледокол. Результатом нескольких экспедиций на «Ермаке» в высокие широты явился ценный труд С. О. Макарова «Ермак» во льдах». В годы советской власти с участием «Ермака» была освоена трасса Северного морского пути. В 1946 году «Ермак» совершил беспримерную морскую буксировку пловучего дока.

ПО ДОРОГЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

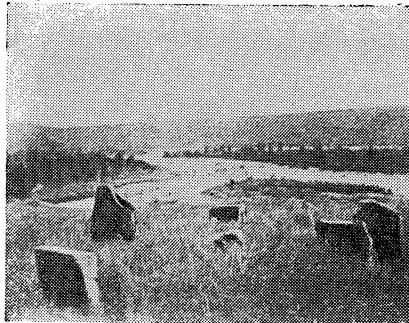
В обширных степях Южной Сибири встречаются многочисленные курганы с торчащими каменными плитами. В них находят кости людей и животных, а также глиняную и бронзовую домашнюю утварь, каменные изваяния и оружие.

Ученые установили, что в древнее время, около 15 тысяч лет назад, к концу последнего ледникового периода, в южной части Красноярского края жили полудикие люди, обладавшие, однако, членораздельной речью. В Бирюсинских¹ и других пещерах найдены остатки жилищ людей, занимавшихся охотой и рыболовством.

В период новокаменного века — от восьмого до четвертого тысячелетия до нашей эры — они образовали родовые общины и вели скотоводство.

Позднее — от второго тысячелетия до начала нашего времени, — по китайским летописям, стало известно их историческое имя — динлины.

В VI—VII веках уже нашего летоисчисления здесь существовало обширное Хакасское государство, жители которого частью были оседлыми земледельцами, сеяли просо, ячмень и пшеницу, мололи зерно на ручных

мельницах и даже вели торговлю с Китаем. От бронзы они перешли к железным изделиям.

Разбившись в XIII веке на три самостоятельных княжества: Алтысарское, Алтырское и Тубинское. Хакасское государство прекратило свое существование, в 1666 году подчинившись Джунгарии. В начале XVIII века территория Хакассии была присоединена к России.

Царское самодержавие создавало невыносимые условия жизни для этого древнейшего народа, и только при советской власти Хакассия расцвела как автономная область наравне с другими народами Советского Союза.

На снимке видны могильники Карасукской культуры. Вдали — Енисей.

Г. Соколов

г. Абакан

¹ В 50 километрах от г. Красноярск, в верхнем течении реки Енисей.

„ИНДИЯ БЕЗ ЧУДЕС“¹

Советский журналист Ольга Четчина написала интересную книгу о своей поездке по Индии, Бирме, Малайе, Индонезии. Страны азиатского Востока описаны в этой книге очевидцем, членом делегации демократической молодежи, видевшим безмерные страдания индусского народа, героическую национально-освободительную войну Индонезийской республики, жизнь и борьбу народа Бирмы.

Автор книги сравнительно немного места уделяет описаниям экзотических красот природы Индии, ее прославленных архитектурных памятников — Красного форта или пещерных храмов Эллары. Зато перед нами проходят живые сцены жизни миллионов, правдивые и потрясающие картины страданий и нищеты индусских и мусульманских крестьян и эпизоды упорной борьбы за лучшее будущее, которую ведут передовые представители этих народов и их героическая молодежь.

В Дели, городе мраморных дворцов и широких улиц, делегаты видели район, где живут «неприкасаемые» — так, по страшным традициям прошлого, усердно охраняемым англичанами, зовутся здесь люди, происходящие из низшей касты, чье прикосновение считается нечистым. Только самую черную и грязную работу можно, по индийским законам, поручить «неприкасаемым», но и этой работы часто нет, и ни в чем не повинные люди обречены на медленную смерть в своих жалких лачугах. На сигарной фабрике в Мадрасе, в маленькой клетушке, автор видел четырехлетнего рабочего Джани Баша: маленький ребенок работал здесь по 14 часов в день, получая за свой труд жалкие гроши. В рабочих районах Бомбея делегаты попали в странный город, где улицы не имеют названий, а дома — номеров; эти «блага культуры» не нужны бомбейскому рабочему, потому что никто и никогда не интересуется его домашним адресом. На чайных плантациях Ассамы, в бенгальской деревне, всюду делегатов поражали жуткие картины нищеты, голода, диких, варварских условий труда безземельного индусского крестьянина, пользующегося таким же точно допотопным деревянным плугом, какой можно увидеть в Дели в местном историческом музее. Читатель запомнит и яркое описание

¹ О. Четчина. Индия без чудес. М., «Молодая гвардия», 1948. 254 стр. Цена 8 руб. в перепл. Тираж 15 000.

встречи делегатов с беженцами, спасающимися от ужасов междоусобной резни между мусульманами и индусами: пыльные дороги Пенджаба, вереницы подвод с домашним скарбом, «навевающим тоску», озлобленных, бесприютных людей, шагающих с женами и детьми по дорогам страны.

Кто виноват во всем этом? Члены делегации встречались с политическими деятелями современной Индии: Неру, Джинной, Ганди, который был тогда еще жив. Верные последователи своих английских учителей, эти люди старались доказать делегатам, что задача индийской молодежи — «притти к свободе без крови», путем мирного сотрудничества с эксплуататорскими классами и «подлинными хозяевами» страны — английскими колонизаторами.

Встречи с народом, с индусской и мусульманской молодежью убедили членов делегации в том, что эта проповедь смирения никогда не найдет отклика в душе индийского народа. В маленьком рабочем клубе, устроенном профсоюзными активистами Мадраса, индусский мальчик прочитал делегатам стихотворение, перевод которого приведен в книге:

«Мы всегда голодны и никогда не играем. Но скоро придет Ленин, он принесет нам счастье».

В бенгальской деревушке делегаты узнали о том, что крестьяне — члены местной Кисан-Сабха (Крестьянской лиги), — доведенные до отчаяния налогами и кабальным трудом на помещика, забирают с полей урожай, созданный их трудом. Ни пули английских пулеметов, ни аресты и убийства односельчан не могут остановить поднимающейся волны народного гнева. В Калькутте делегаты были свидетелями внушительной забастовки, начатой докерами порта и поддержанной рабочими и трудящимися города. Народ Индии не хочет быть больше рабом империалистов, он требует не формальной «независимости», а действительных демократических свобод для себя и своих детей, полного освобождения как экономического, так и политического.

Об этом говорили делегатам и участники народного праздника в деревне провинции Андра, где в те дни проходила конференция Лиги молодежи. В комнате, украшенной портретами Ленина и Сталина, гостей принял секретарь местной федерации студентов — наиболее демократичной и прогрессивной молодежной организации Индии. «Мы не просто студенты, — сказал он, — мы прежде всего сыны своего народа. Голод никогда не уходит из нашей провинции. Крестьянство доведено до крайней степени обнищания. Разве можем мы, студенты, забыть об этом? Мы будем продолжать нашу борьбу за права народа, за его свободу и за образование для нас, молодежи».

Велико стремление трудового народа Индии к единству, с каждым днем растет влияние коммунистической партии Индии, прочно стоящей

на защите народных интересов. Этого растущего влияния не может заглушить бешеная травля, которую ведут против коммунистов и всех демократов силы реакции, вдохновляемые агентами британского империализма.

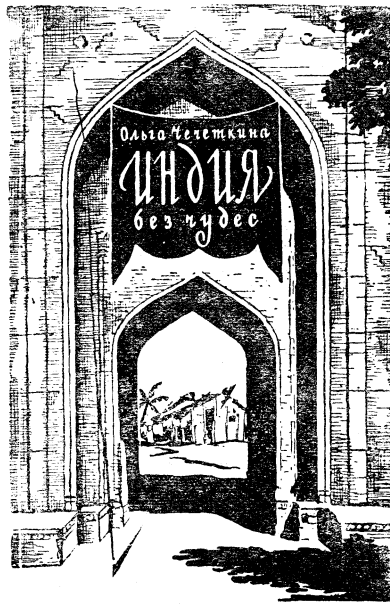
Автору книги довелось побывать в Бирме. «Страна золотых пагод», как нередко называют Бирму, оказалась на деле страной соломенных хижин. Как ни красивы на вид буддийские храмы — пагоды, они не могут затмить своим золотым блеском зрелища бедствий и нищеты простых людей. Соперничая с американцами в своих стремлениях к «мирному» завоеванию Китая, английские империалисты, вернувшись в Бирму после изгнания японцев, восстановили знаменитую «дорогу жизни» между Бирмой и Китаем. Но они не стремятся залечить раны, нанесенные стране войной. Участь бирманского крестьянина с их возвращением стала вдвойне тяжелой под двойным гнетом местных угнетателей — помещиков и чужеземных колонизаторов. Лицемерные английские хозяева Бирмы, выражая на бумаге признательность населению за активные боевые действия в партизанской войне против японских оккупантов, на деле творят бесчинства и произвол над народом. Английские танки давят участников стихийно возникающих в стране кре-

никах, по которым колонизаторы вынуждают учиться бирманских школьников.

Эту растущую силу сопротивления иностранным захватчикам-колонизаторам члены делегации наблюдали и в Малайе. В книге О. Четчкиной ярко описан Сингапур с его ужасающими контрастами роскоши и нищеты, с уродствами быта, сквозь которые все ярче проступает непреклонная воля трудящихся Малайи к единению в борьбе за демократию, за права народа. Участники делегации побывали в рабочих кварталах Сингапура, у докеров Сингапурского порта, в соломенных хибарках рабочих, встречались с руководителями молодежных и профсоюзных организаций. В обществе руководителя Всемалайской демократической лиги молодежи автор книги побывал в парке «Новый мир». Не имея другого помещения, молодые учителя-патриоты на сборы среди рабочих арендовали пустующие в дневные часы помещения парка, чтобы учить здесь детей. Так, несмотря на все притеснения, чинимые английскими властями, молодежь Малайи ведет упорную борьбу с расистами-колонизаторами, мешающими культурному развитию страны. «Пусть уходят англичане из нашей страны, — заявил в беседе один из молодых энтузиастов, — мы быстро сумеем развить свою национальную культуру».

С особым волнением и сочувствием к страданиям и борьбе свободолюбивого индонезийского народа прочитает советский читатель странички книги, рассказывающие о сражающейся Индонезии. В Сурабае автор книги собственными глазами видел детей, изученных голландскими летчиками, разрушенные селения, людей, лишившихся крова и одежды, больных, которым нельзя оказать помощь, потому что в стране нет врачей и медикаментов. Но делегаты видели в Индонезии и другое: школы, в которых обучаются не только дети, но и взрослые; крестьян, работающих на земле, отданной им демократическим правительством; добровольческую армию, созданную Конгрессом молодежи и переданную в распоряжение главного командования индонезийских республиканских войск. Храбрый индонезийский народ тогда, так же как и теперь, твердо верил в то, что его справедливая борьба будет поддержана всеми демократическими силами мира. «У нас есть пример — Сталинград», — говорили в беседах с делегатами молодые республиканцы, заверяя их в своем твердом решении сражаться до полной победы.

Прошло два года после событий, описанных в книге. За это время еще сильнее обострились противоречия между силами реакции и силами демократии во всем мире. На Международной конференции рабочей молодежи в Варшаве делегаты Индии, Индонезии, Вьет-Нама единодушно и резко осуждали политику империалистов, направленную на развязывание

стьянских восстаний. С глубоким сочувствием рассказывает О. Четчкина о простых людях Бирмы, о своеобразных обычаях этого общительного, жизнерадостного от природы народа. Несмотря на стремление англичан задушить всякое слово правды о Советском Союзе, членам делегации встречались люди, живо интересующиеся нашим советским строем. Бирманская молодежь с уважением произносит имена Лизы Чайкиной и Зои Космодемьянской, имена, которых не найти в живых английских учеб-

новой войны, на подавление демократических прав трудящихся масс и рабочей молодежи. В речи делегатов Индонезии и Вьет-Нама с особенной силой прозвучало единство молодежи колониальных стран в борьбе своего народа за освобождение, за демократические права, за уничтожение капиталистического колониального гнета. В этой борьбе молодежь колониальных стран выступает вместе с партизанами Греции и Испании, с бойцами народно-освободительной армии Китая, сражающимися за свободу и независимость своей родины.

И. В.

Русские мореходы и путешественники

Открытия и исследования новых земель простыми русскими людьми — первыми «землепроходцами» и мореходами, многочисленные кругосветные плавания русских моряков и флотоводцев, несчетные экспедиции русских путешественников, географов и исследователей внесли огромный вклад в мировую географическую науку.

Не осталось, кажется, места на земном шаре, где не побывали бы русские путешественники. Но особенно внимательно изучили они бескрайние просторы своего отечества, омывающие его моря и океаны, расположенные в них многочисленные острова.

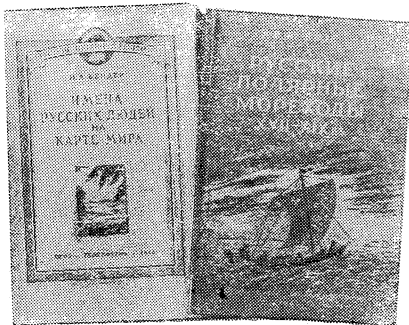
С далеких времен интересовала русских мореходов из промышленных и торговых людей неприступная и суровая Арктика, привлекавшая многих путешественников своей загадочностью и богатствами.

Лучшие сыны русского народа — самоотверженные и бесстрашные полярники — стерли «белые пятна» на географической карте Севера. Сердцу каждого советского человека с детства близки и дороги имена прославленных полярных путешественников — Челюскина, братьев Лаптевых, Врангеля, Пахтусова, Седова и многих других. Но есть среди русских полярников также и большая группа мореходов из простых людей, имен которых, за редким исключением, не сохранила географическая карта, а предания об их путешествиях несправедливо забыты. Между тем многие из этих людей сделали великие географические открытия в Арктике. Они впервые, задолго до Баренца, побывали на Шпицбергене, еще в XVI веке освоили морской путь к западносибирским рекам, а затем (в XVII в.) и вдоль северных берегов Сибири от Лены до Колымы. Простые русские люди Федот Попов и Семен Дежнев нашли морской путь между Азией и Америкой, доказав тем самым, что два величайших в мире материка разделены водным пространством.

Благородную и интересную задачу разрешил выдающийся советский уче-

ный, известный исследователь Арктики профессор В. Ю. Визе, собрав воедино имена этих «мореходов из простых людей». Он написал оригинальную и популярную книгу¹ — биографический словарь русских полярных мореходов из промышленных, торговых и служивых людей XVII — XIX веков, — которая недавно вышла в свет.

Хотя автор и оговаривается, что он не занимался «архивным изысканием,

требующим большого времени и труда», его книга является результатом длительной и кропотливой работы. Для успешного решения этой трудной задачи профессору В. Ю. Визе пришлось изучить более сотни русских и иностранных печатных источников. Малоизвестных или позабытых северных мореходов, как указывает автор в предисловии к своему труду, — «тысячи, но едва сто из них сделались достоянием истории, биографические сведения о них крайне скудны». В настоящей работе В. Ю. Визе удалось указать лишь те имена мореходов из простых людей, которые сохранились в печатной литературе.

Биографический словарь В. Ю. Визе открывается краткими сведениями о мореходе Афанасии, который «ездил... по морю на морских судах 17 лет и ходил в темную землю» (по-видимому, на Шпицберген или Новую Землю). Это было в конце XVI века. В XVII веке, среди других, в словаре отмечается переход морем из устья Индигирки на Алазею красноярского казака Ивана Ерастова, первого русского побывавшего на этой реке. Он же первый сообщил сведения о чукчах. В XVIII веке олонечский кормщик Савва Лошкин первым прошел вдоль всего восточного берега Новой Земли и обогнул ее, доказав тем самым, что Новая Земля не часть материка, как предполагали прежде, а остров. Другой кормщик, крестьянин села Шуя Камского округа, Яков Чиракин первый совершил плавание через пролив Маточкин Шар, описал его и представил план. Он же первый дал гидрографическое описание берегов Новой Земли.

Сведениями такого рода изобилует

биографический словарь В. Ю. Визе, дающий читателю довольно полное представление о той грандиозной работе, которая была проделана нашими бесстрашными соотечественниками — первыми полярными мореходами.

До известной степени родственной работе В. Ю. Визе является выпущенная Географгизом книга Н. А. Бендер¹ «Имена русских людей на карте мира», рассказывающая о выдающихся географических открытиях и исследованиях русских мореплавателей, путешественников и ученых.

Русские географы и путешественники внесли самый большой вклад в познание поверхности Земли. Помимо огромной территории, занимаемой нашим государством, они исследовали огромные пространства Центральной Азии — Монголию, Тибет, Западный Китай, западное тихоокеанское побережье Северной Америки, неизвестные части Новой Гвинеи, большую часть внутренней Африки и внутренней Южной Америки, многочисленные острова в Тихом и Северном Ледовитом океанах. Русские же первые увидели и берега Антарктиды.

Главы книги Н. А. Бендер сжато повествуют об отдельных, наиболее ярких эпизодах русских географических открытий, связанных с преодолением больших трудностей, а также излагают краткую историю появления наиболее известных на карте мира русских имен.

Многие русские географические названия и имена даны в честь выдающихся русских политических и военных деятелей, ученых, путешественников, моряков и флотоводцев, прославленных замечательными географическими открытиями простых русских людей — поморов и казаков. Русские открытия и исследования так многочисленны, имен наших соотечественников и русских названий на карте мира так много, что это побудило советских географов составить специальную сводную таблицу таких имен. Эту работу выполнила в своей новой книге Н. А. Бендер. Таблица, составленная Н. А. Бендер, содержит свыше 500 русских названий — имен, которые были нанесены на карту русскими путешественниками. Однако, как справедливо замечает в предисловии проф. Ю. Г. Саушкин, таблица эта далеко еще не полна. В ней приведены имена наиболее известные. Кроме того, в нее входят только физико-географические названия и нет имен, присвоенных городам и другим населенным пунктам. Так, в таблице нет, например, Ленинграда, Сталинграда, Карпинска, Губкина и других городов, носящих имена наших советских политических руководителей, ученых и других выдающихся деятелей нашей отчизны. Продолжение ценного почина Н. А. Бендер явится делом чести советских географов.

Е. Л. Б.

¹ В. Ю. Визе. Русские полярные мореходы XVII—XIX вв. Изд-во Гласевморпути. Москва. — Ленинград. 1948. 77 стр. Цена 4 руб.

¹ Н. А. Бендер. Имена русских людей на карте мира. Москва. Географгиз. 1948. 158 стр. Цена 3 р. 45 к.

КНИГА О КАПИТАНЕ ГОЛОВНИНЕ

Жизнь и необыкновенные приключения В. М. Головнина — одной из ярких и привлекательных фигур в истории русских морских исследований начала XIX века — не в первый раз приковывают к себе внимание русских писателей: так много волнующей романтики в образе этого человека. «Великолепным моряком и учителем» называет Головнина известный советский географ и океанограф профессор Н. Н. Зубов. В ряду многочисленных, появившихся до сих пор книг, посвященных Головнину и его путешествиям, повесть Фраермана и Зайкина¹ выделяется по своим художественным достоинствам.

В волнующем, врезающемся в память рассказе авторы знакомят советского читателя с обаятельным образом Головнина, человека и гражданина, все жизненные интересы которого носили глубоко общественный характер, были направлены к благу и преуспеванию родины. Первая часть повести посвящена детским годам Головнина, формированию будущего мо-

главных японских военных преступников с неопровержимостью установил, что полтика японских империалистов в отношении нашей страны всегда была агрессивной. В Головнин был первым русским, испытавшим проявления этой политики. Пользуясь тем, что дальневосточные земли России были вдалеке от глаз русского правительства, японцы уже не раз пытались захватить их. На первом же из Курильских островов, к которым Головнин пришел на «Диане» в 1811 году, он обнаружил японский гарнизон. Этот остров (Итуруп) был захвачен японцами.

В поисках дров и воды шлюп подошел к другому из Курильских островов — Кунаширу, который оказался тоже захваченным японцами. Здесь японцы предательски напали на Головнина и сопровождавших его нескольких человек из экипажа «Дианы». Русские высадились на берег безоружными, доверившись разыгранной японцами лобезности. Они отчаянно сопротивлялись, но японцы одолели: их было несколько сот против восьмерых русских...

В плену у японцев Головнин и его товарищи в ужаснейших условиях пробыли два с лишним года. Посвященные этим годам страницы книги наиболее интересны: читаешь их, не отрываясь. Перед читателями возникает образ злого, хитрого, жестокого врага, то скрывающего свое подлинное обличье под маской утонченной вежливости, то проявляющего его в изощренном издевательствах. Особенно запоминаются страницы, посвященные попытке побега пленников из японской тюрьмы. Красивы и волнующи героические образы русских моряков, теплота их взаимных отношений, горячая привязанность к своему командиру, Головнину, всегда бывшему для них отцом и другом. Лишь в октябре 1813 года русские моряки были освобождены Головнин снова на «Диане», на ее командирском мостике. Русские моряки, вынесшие страдания японского плена, возвращаются в Россию. С ними нет только мичмана Мура, единственного из всех восьми пленников, кто старался услужить японцам. В предчувствии грядущего — расплаты за измену — он кончает самоубийством.

Небольшой отдых на родине, научная работа, составление записок о плавании, о пребывании в плену, с подробным описанием быта и нравов японского народа, — и Головнин собирается в новое кругосветное плавание для обозрения колоний Российско-Американской компании и описания некоторых берегов Берингова пролива. Это плавание Головнин совершает на новом, специально построенном шлюпе «Камчатка», водоизмещением в 900 тонн — он в три раза больше «Дианы». Описанию этого плавания, увлекательного, но на этот раз проходящего без особых событий, посвящена вторая часть книги Фраермана и Зайкина. В нее вторгаются и несколько мягких, лирических страниц, в которых читатель встречает Головнина в его личной жизни, видит его в кругу семьи, детей или склонившимся над своими трудами, составившими впоследствии несколько томов и явившимися ценным вкладом в мировую географическую науку.

Летом 1831 года Головнин умирает, в расцвете сил захваченный эпидемией холеры, свирепствовавшей в Петербурге. За гробом никому нельзя идти, нет даже семьи — проводы холерных строгойше воспрещены. Но, презирая все запреты, за телогой с гробом все же идет матрос Тишка. Крепостной мальчик, друг детства Головнина, вместе с ним устранивший «плавание» на пруду в Гульенках, вместе с ним поведший и кампани на «Диане» и «Камчатке» и страдавший в плену, Тишка один «проводил своего капитана в последнее плавание и бросил горсть земли на крышку его просмоленного, крепкого, точно корабль, гроба». С чувством теплой грусти расстается с Головниным на этой странице повести и читатель.

Г. Н.

ВОКРУГ СВЕТУ

№ 1 ЯНВАРЬ 1949

СОДЕРЖАНИЕ

Великий учитель	2
<u>В. Pokишевский</u>	
На родине Ленина	5
<u>Вадим Кожевников</u>	
В новой, демократической Румынии	10
<u>Анна Зегерс</u>	
Приемыш (Рассказ. Перев. с немецкого Л. Лежневой)	17
<u>Г. Колликов</u>	
На просторах далекого Севера	20
<u>Говард Фаст</u>	
Кларктон (Главы из романа. Перев. с английского Ю. Смирнова)	24
<u>Проф. В. Ф. Бончковский</u>	
<u>Г. Алова</u>	
Подземная стихия	29
<u>Х. Искарай</u>	
У партизан Леванта (Репортаж. Перев. с испанского Н. Милочкина)	34
<u>Кинооператор М. Берковиц</u>	
Путешествие в древний Хорезм	42
<u>Вл. Немцов</u>	
Рекорд высоты (Научно-фантаст. повесть. Начало) Рис. К. Арцеулова	49
<u>Вл. Якубович</u>	
Из русской географической старины	58
В мире книг	61

На обложке акварель художника А. Морозова «Дом в Ульяновске, где жил в детстве В. И. Ленин».

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Адрес редакции
Москва, Суцеская, 21.
Тел. Д 3-20-90, доб. 25

★

Непринятые рукописи
не возвращаются

Редактор И. В. Иноземцев.

Члены редакционной коллегии: Д. Л. Арман, Н. Н. Михайлов, акад. В. А. Обручев, Е. Н. Пральников, Н. А. Солнцев.

Техн. редактор А. Губер

А01262 Подписано к печати 11/1 1949 г. Бумага 60×92¹/₂. 8 печ. листов по 50 тыс. знаков. Тираж 50 000 экз. Цена 6 руб. Заказ

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Суцеская, 21.

Двести лет назад, в 1749 году, архангельский мореход Амос Корнилов, не раз зимовавший на Шпицбергене, снова направил свою ладью к Груманту. На обратном пути Корнилов спас мезенского кормщика Алексея Химкова, его крестника Ивана и матроса Степана Шарапова. (Четвертый зимовщик, Федор Бергинг, умер незадолго до прихода судна Амоса Корнилова.)

Это были знаменитые зимовщики, прожившие в невероятно трудных условиях свыше шести лет на острове Эдж (Малый Броун). В 1743 году ладья Химкова погибла во льдах, и мореплаватели были вынуждены поселиться на Беруне. Охотясь на зверей стрелами из самодельных луков, добывая соль из морской воды, мастера орудия труда в самодельной кузнице, зимовщики победили природу Шпицбергена. Химков даже производил астрономические наблюдения при помощи инструмента, сделанного из палки... Он открыл полезные ископаемые на острове Эдж. Скромный Амос

Три четверти века назад ни один европейский путешественник не отважился ступить на берег Папуа-Ковиай в Новой Гвинее.

В 1874 году Н. Н. Миклухо-Маклай не только достиг берега Папуа-Ковиай, но и проник в глубь страны, преодолев высокий горный хребет. Маклай исследовал озеро Камака-Валлар, открыл выходы каменного угля. Путешественник исправил карты побережья, дал названия проливам Софии и Елены. Некоторое время Н. Н. Миклухо-Маклай прожил в хижине против острова Мавара в «одной из самых красивых местностей Ост-Индского архипелага».

Н. Н. Миклухо-Маклай составил «Записку о политическом и социальном положении папуасов Ковиай на юго-западном берегу Новой Гвинее». В этой

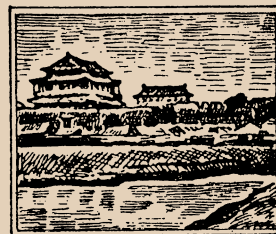
записке он страстно разоблачал охотников за людьми, описывал набеги султанов Молуккских островов на беззащитных папуасов с целью обращения их в рабство. Так «принц» Амир из Тидора охотился за папуасами незадолго до путешествия Маклая на Папуа-Ковиай. Маклаю удалось пленить одного из самых злостных работорговцев, угрожавшего русскому путешественнику смертью.

После похода на берег Папуа-Ковиай Н. Н. Миклухо-Маклай опасно заболел. Недуг приковал его к больничной койке на острове Амбоин. Поборов болезнь, Н. Н. Миклухо-Маклай в том же 1874 году стал готовить свой новый поход в глубь неисследованного Малаккского полуострова.

Сто лет назад известный русский путешественник, геолог и писатель Егор Ковалевский совершил поход в Китай через Кяхту и Монголию.

В 1849 году Е. Ковалевский прибыл в Пекин и подробно осмотрел два русских подворья — Южное и Северное, где обычно останавливались приезжие из России. В Южном подворье, на улице Дун-цзин-ми-сян, путешественник увидел людей в китайской одежде, обитавших в русском поселке. Он насчитал до ста мужчин, женщин, детей, которые называли себя «албазинцами». Ковалевского окружали потоки русских людей...

Сто пятьдесят лет назад, в 1799 году, к острову Ситха у побережья северо-западной Америки подошел русский корабль «Орел».

«Передовщик» Василий Медведников осмотрел остров и выбрал место для постройки. Двадцать русских «промышленных» и шесть женщин заложили крепость и поселение «Архангела Михаила». Постройкой новой крепости руководил главный правитель Русской Америки А. А. Баранов, именем которого был впоследствии назван остров Ситха.

В 1799 году А. А. Баранов высчитал, что за десять лет в районе Ситхи можно будет добыть не менее 100 тысяч морских бобров, стоимость ко-

торых составит 4 миллиона 500 тысяч рублей. Крепость «Архангела Михаила» в 1802 году была разорена англо-американскими пиратами, руководившими мятежом индейских старшин. Василий Медведников, первый начальник Ситхи, был убит во время кровавой резни и разграбления крепости. В резне участвовали американские матросы.

Летом 1804 года Александр Баранов взял штурмом Ситху, в которой укрывались мятежники, и основал невдалеке от старой крепости, у Камня Кекура, укрепленный город Ново-Архангельск (Ситха). Ново-Архангельск до 1867 года был столицей российских владений в Северной Америке.

Корнилов не сразу сообщил о том, что именно он спас Алексея Химкова. Но Корнилова хорошо знал М. В. Ломоносов. Архангельский мореход сообщал своему великому земляку данные об изучении природы полярных стран.

Узнав о спасении Химкова, Ломоносов потребовал, чтобы этот случай был засвидетельствован «протоколом» в Адмиралтейств-коллегии.

Горячее участие Ломоносова в установлении обстоятельств гибели Химкова было доказано лишь советским историком В. А. Переваловым, с помощью новых документов о М. В. Ломоносове и Амосе Корнилове.

В конце XVII века горсть сибирских казаков, стрельцов и промышленных людей героически обороняла от войск богдыхана русскую крепость Албазин на Амуре. Китайским солдатам удалось взять в плен часть защитников Албазина, и они были уведены в Пекин. Богдыхан отказался возвратить албазинцев на родину. Но пленники и их потомки не желали менять русские обычаи на обычаи китайцев. «Странно было видеть этих людей, потомков коренных русских...» — пишет Егор Ковалевский о встрече на Южном подворье.

На Северном подворье (Бейтхан) в Пекине, как рассказывает Ковалевский, в 1849 году рядом с русской обсерваторией помещалась школа для албазинцев.

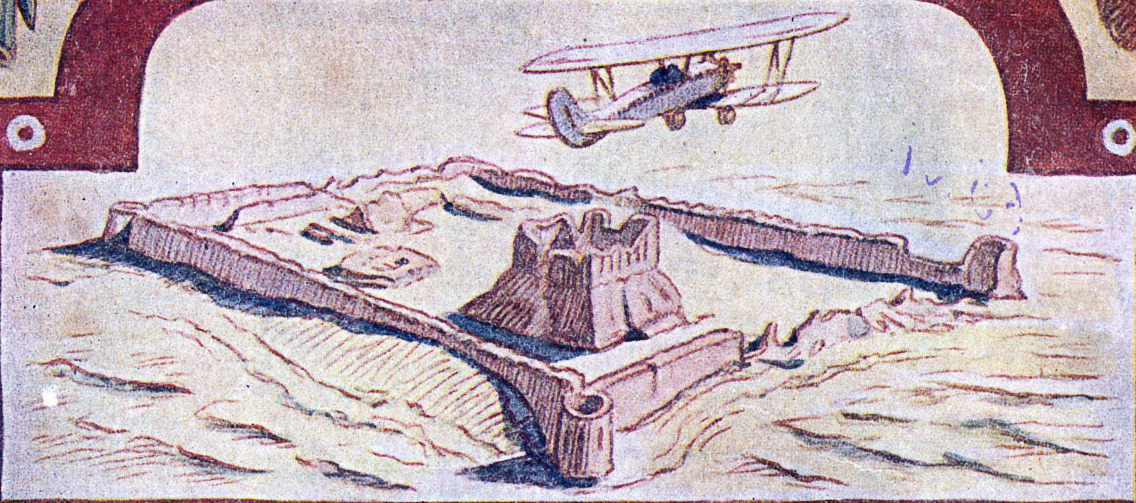
Дальнейшая судьба потомков албазинских пленников неясна. Есть сведения, что в конце XIX века их видели в Кульдже, в Китайском Туркестане. Появление потомков русских пленников в Синцзяне объясняется тем, что богдыхан попросту отправил часть албазинцев в излюбленное китайцами место ссылки, каким являлся Тянь-Шань.

Об албазинцах существует целая литература. В Пекине на русском языке в 1922 году была напечатана книга «Албазинцы».

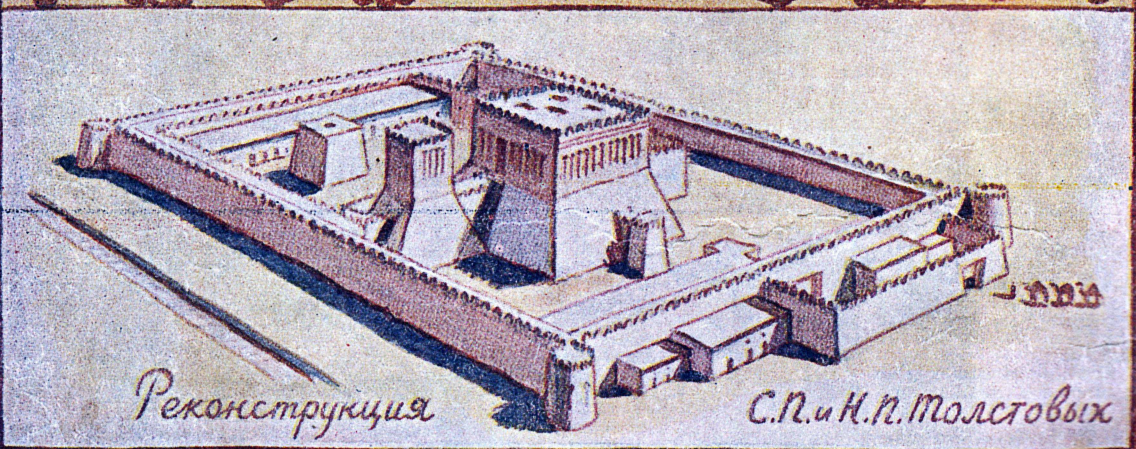
Составил Сергей Марков

Рисовал В. Чернецов

ДРЕВНИЙ ХОРЕЗМ

ТЕШИК-КАЛА

Реконструкция

С.П. и Н.П. Толстовых

